This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Sla: 427.1.801

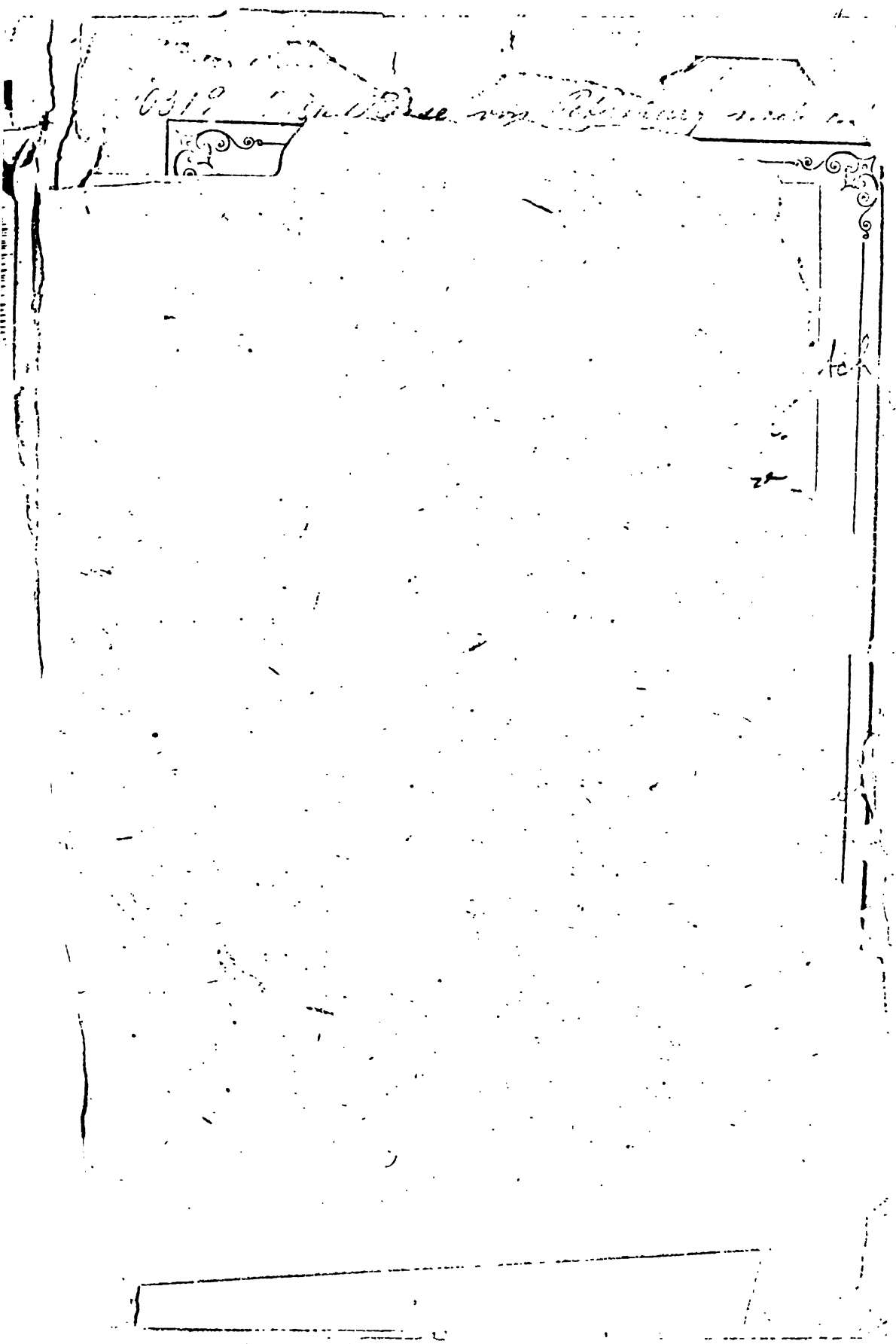
THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.



A. N. Radiščev, avtor "Puteštvija iz Peterburga v Moskvu".
M. I. Sukomlinov
Sankt-peterburg 1883

A. N. Radiščev, author of "Journey from St. Petersburg to Moscow"
M. I. Sukomlinov
St. Petersburg 1883

(Russian - Biography. Literary Criticism) + Literary History

А. Н. РАДИЩЕВЪ,

Aleksandr Nikolaevitch Radishtchev

АВТОРЪ

„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ".

М. И. Сухомлинова.

by

Mikhail Ivanovitch Sukhomlinov

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

А. Н. РАДИЩЕВЪ,

АВТОРЪ

„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ".

Mikhail Ivanovitch Sukhomlinov.

М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Slav. 4277.1.801

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Slav 4277.1.801

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Юношескіе годы Радищева. — Литературная исторія Путешествія. — Появленіе его въ печати.—Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева.—Арестъ автора и предварительное слѣдствіе. — Литературныя занятія Радищева въ крѣпости. — Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ комиссію о составленіи законовъ. — Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву.

Книга А. Н. Радищева, изданная имъ подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», обратила на себя вниманіе общества при самомъ своемъ появленіи. Весьма скоро послѣ выхода ея авторъ подвергся чрезвычайно строгому суду, но не литературному, а уголовному. На всѣ вопросы о томъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ издалъ свою книгу, Радищевъ отвѣчалъ одно и тоже, утверждая, что написалъ и напечаталъ ее для того и только для того, чтобы «прослыть *писателемъ*». И въ этомъ отношеніи цѣль его вполнѣ достигнута. Литературная извѣстность Радищева создана его Путешествіемъ. Имя Радищева, какъ автора Путешествія, появлялось и появляется не только во многихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, но и въ словаряхъ русскихъ писателей и въ руководствахъ по исторіи русской литературы. Какъ содержаніе и направленіе книги, такъ и судьба автора, постигшія его несчастія, выдвигали ее изъ ряда произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія.

Для того, чтобы понять дѣйствительное значеніе книги Радищева и вѣрно оцѣнить отношеніе къ ней различныхъ лагерей, необходимо имѣть въ виду тѣ измѣненія и колебанія, которыя

совершались въ нашей общественной жизни втеченіе чуть не цѣлаго столѣтія, протекшаго со времени выхода книги, или — что̀ тоже самое — со времени ссылки автора. Отрѣшившись отъ представленія о злобѣ дня, о ея неумолимыхъ требованіяхъ и неизбѣжныхъ жертвахъ, не дашь себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ и не разберешься въ массѣ противорѣчій.

Въ литературныхъ работахъ вѣрность выводовъ и соображеній зависитъ отъ количества и качества матеріаловъ, разъясняющихъ литературную и общественную дѣятельность писателей. Въ настоящемъ очеркѣ мы предлагаемъ нѣсколько подобныхъ матеріаловъ, найденныхъ нами въ различныхъ архивахъ. Данныя эти должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ Радищева какъ писателя; вмѣстѣ съ тѣмъ они проливаютъ свѣтъ на весь ходъ дѣла, возникшаго по поводу его книги и живо рисующаго не только тогдашнее судопроизводство, но и тогдашніе нравы вообще.

I.

Не задаваясь никакою предвзятою мыслію и относясь совершенно безпристрастно какъ къ собственному свидѣтельству Радищева, такъ и ко всему тому, что̀ вышло изъ подъ пера этого писателя, невольно приходишь къ заключенію, что преобладающею, отличительною чертою Радищева была необыкновенная впечатлительность и воспріимчивость. Все, что̀ онъ видѣлъ, слышалъ или читалъ, производило на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Обладая, какъ самъ говоритъ, чувствительнымъ сердцемъ и легко раздражающимися нервами, онъ давалъ полный просторъ своей чувствительности, т. е. чрезвычайно живо воспринималъ все то̀, что̀ дѣйствовало на его чувство. Отзывчивый ко всему и въ высшей степени впечатлительный, Радищевъ съ самой ранней юности своей поставленъ былъ въ такія условія, которыя не вполнѣ соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ его духовной природы. Радищевъ, какъ натура исключительная, тре-

бовалъ и особеннаго, приспособленнаго къ нему ухода; но воспитаніе не дало спасительнаго равновѣсія духовнымъ силамъ даровитаго юноши. Для правильнаго развитія его способностей необходима была разумная сила, сдерживающая порывы и увлеченія и призывающая къ упорному труду и самообладанію; необходимы были совѣты и примѣръ руководителя, понимающаго и уважающаго нравственное достоинство человѣка. Не тò, повидимому, выпало на долю Радищева. По крайней мѣрѣ, тѣ скудныя извѣстія, которыя сохранились о его ближайшей обстановкѣ въ его юношескіе годы, показываютъ, что онъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ, хотя и имѣлъ, и не одного даже, а нѣсколькихъ, офиціальныхъ руководителей.

Воспитаніе и образованіе Радищева началось въ пажескомъ корпусѣ, а окончилось въ лейпцигскомъ университетѣ.

Къ тому времени, когда Радищевъ былъ пажемъ, относится планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Миллеромъ. Въ планѣ этомъ находимъ слѣдующее:

«Пажи обыкновенно вступаютъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и омерзеніе къ порокамъ. Вслѣдствіе сего гофмейстеръ и учители должны о всемъ томъ, чтò читано и разсказывано будетъ, дѣлать нравоучительныя разсужденія. Чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ. Чрезъ сіе воздержаны будутъ пажи отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей, кои при другихъ дворахъ подъ именемъ mechanceté des pages, какъ неразлучныя свойства сихъ молодыхъ людей, разумѣются.... Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ и притчахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не безполезно читать каждый день главу изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ тò подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ....

Для обученія пажей потребны:

1) Учитель математики, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механики.

2) Учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ.

3) Учитель исторіи, географіи, генеалогіи и геральдики.

4) Учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ.

5) Учитель россійскаго языка долженъ быть непремѣнно русской націи и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить россійской каллиграфіи».

Въ преподаваніи русскаго языка предлагалось обращать вниманіе на слѣдующіе предметы:

«Правописаніе. Грамматическія правила. Красота языка въ разсужденіи порядка и избранія словъ, показывая всѣ красоты, наблюдаемыя лучшими писателями. Различіе высокихъ и низкихъ словъ и оныхъ употребленіе. *Сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ*».

О латинскомъ языкѣ сказано: «По крайней мѣрѣ пажъ долженъ знать читать, склонять, спрягать, положить правильно падежъ и разумѣть легкую мысль или надпись, ибо быть въ ономъ совсѣмъ невѣдущу не только по обыкновенію другихъ народовъ непристойно благородному человѣку, но еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вредно, какъ-то въ путешествіяхъ и негоціяціяхъ» [1]).

И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проэктахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это — другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго. О нравственномъ вліяніи пажескихъ гофмейстеровъ можно до нѣкоторой степени заключить по тому образцу, который представляетъ гофмейстеръ, выбранный для руководства пажей, отправляемыхъ въ лейпцигскій университетъ.

---

[1]) Государственный Архивъ. XIV, № 216. Планъ для обученія пажей, составленный Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, 1765 года.

Руководителемъ нашей молодежи избранъ былъ пресловутый маіоръ Бокумъ, весьма вѣрно изображенный Радищевымъ въ написанной имъ біографіи Ѳ. В. Ушакова. «Не зналъ нашъ путеводитель, — говоритъ Радищевъ — что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали наконецъ презирать его власть». Русскіе студенты, и во главѣ ихъ Радищевъ, жаловались властямъ на «несчастную и горестную жизнь, въ которую ввергнулъ ихъ маіоръ Бокумъ». Онъ подвергалъ молодыхъ людей жестокому тѣлесному наказанію: билъ фухтелемъ, сѣкъ розгами, и т. п. Пререканіямъ, столкновеніямъ и оскорбленіямъ не было конца. Гофмейстеръ Бокумъ обмѣнивался съ своими питомцами не только дерзостями и бранью, но и пощечинами.

Матеріальное положеніе студента Радищева было самое незавидное. Во время пребыванія своего въ лейпцигскомъ университетѣ Радищевъ жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Алексѣемъ Кутузовымъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Лейпцига, кабинетъ-курьеръ Яковлевъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ изображаетъ бытъ русскихъ студентовъ и обращеніе съ ними гофмейстера:

«Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ — во второмъ этажѣ, безъ гофмейстера. У нихъ одна комната посредственной величины, а спятъ въ той же комнатѣ, въ сдѣланной къ стѣнѣ, глухой отъ пола и до потолока перегородкѣ такой величины, какъ кровати стать могли. И оттого, что воздухъ не можетъ порядочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянныя, нанятыя у хозяина; перины жъ и подушки собственныя, а одѣяла у Кутузова свои, а у Радищева казенное, данное по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, ветхо, надѣвается безъ подшивки простыни.

У каждаго комнату моютъ въ годъ два раза, и чистота въ оныхъ дурно наблюдается. Во всякомъ кушаньѣ масло горь-

кое, тожъ и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ находился всю бытность мою въ Лейпцигѣ боленъ, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худаго кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ»[1]).

Русскихъ студентовъ лейпцигскаго университета обвиняли въ нравственной распущенности—«въ непреодолѣваемой склонности къ женскому полу», развившейся подъ вліяніемъ лейпцигской жизни: «должно признаться, что городъ Лейпцигъ — мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ умѣютъ». Обвиненіе это подтверждаетъ и Радищевъ, но главную причину зла видитъ въ отсутствіи надзора и руководства. «Во все продолженіе нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ) — говоритъ Радищевъ—кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не они къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень»[2])....

Если вѣрить извѣстіямъ, доходившимъ изъ Лейпцига, во всемъ тамошнемъ университетѣ не было и трехъ профессоровъ, которые не ссорились бы между собою изъ корыстныхъ видовъ, а мѣстные жители наперерывъ старались о томъ, чтобы на счетъ русскихъ студентовъ вознаградить себя за убытки, понесенные во время послѣдней войны[3]).

---

[1]) Государственный Архивъ. XVII. 1766—1775 года. № 62.

[2]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. 1811. Часть пятая, стр. 38—39.

[3]) Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Томъ десятый, стр. 115.

Свѣтлая сторона лейпцигской жизни заключалась, для Радищева и его товарищей, въ тѣхъ познаніяхъ, которыя выносили они изъ бесѣдъ и лекцій профессоровъ и изъ научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ, наиболѣе внимательныхъ къ своимъ русскимъ слушателямъ.

Въ первые года, съ 1767 по 1769 годъ, русскіе студенты обучались: логикѣ, естественному праву, народному праву, «универсальной исторіи, генеральному политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ».

Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ, черезъ полтора года по пріѣздѣ ихъ въ Лейпцигъ, отзывались такимъ образомъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи, и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ — старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей» [1]).

Въ 1769 году, знаменитости лейпцигскаго университета, профессора: Гоммель, Бемъ и др., составили слѣдующій планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на четыре полугодія, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество:

— 1) По первому и второму пункту инструкціи, нужно истолковать всю практическую философію.

2) Для генеральнаго знанія юриспруденціи можно съ пользою читать такъ называемую книгу Encyclopaedia juris, сочиненную на Пюттерову Записную книгу.

3) Потомъ наипаче приступить надобно къ установленію римскихъ правъ по Гебауеровой Записной книгѣ. Оная содержитъ въ себѣ изъясненія, раздѣленія и знатнѣйшія понятія правъ, то искуснѣе и полезнѣе гг. дворянамъ у разныхъ профес-

---

[1]) Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена $\frac{29 \text{ апрѣля}}{10 \text{ мая}}$ 1768 года.

соровъ по два раза сряду слушать, а именно, первый разъ только теоретически, а во второй больше практически.

4) Особливо потребно имъ обучаться прагматической исторіи о германской имперіи, начиная съ государствованія императора Максимиліана перваго.

5) Нѣмецкое политическое право, но больше исторически, а не юристическое.

6) Исторію и изъясненіе о достойнѣйшихъ примѣчанія приключеніяхъ, заключеніи мирныхъ и прочихъ трактатовъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка, по Ахенвалеву плану (о) европейскихъ политическихъ дѣлахъ.

7) Наставленіе о политической перепискѣ на Пюттерово Предуготовленіе къ нѣмецкой имперской и политической практикѣ. —

СЪ МИХАЙЛОВА ДНЯ 1769 г. (ПО СЕМЕСТРАМЪ).

Первые полгода:

Encyclopaedia juris.
Исторія о сѣверныхъ государствахъ.
Математика.
Нѣмецкій и латинскій языки.

Вторые полгода:

Практическая философія.
Установленіе юриспруденціи, теоретически.
Исторія нѣмецкой имперіи.
Физика.

Третьи полгода:

Философія (продолженіе).
Установленіе юриспруденціи, практикою.
Знаніе о сѣверныхъ государствахъ.
Физика.

Четвертые полгода:

Европейскія политическія дѣла XVII и XVIII вѣка.
Германское политическое право.
Наставленіе для нѣмецкой переписки по политическимъ дѣламъ.

Въ воспоминаніяхъ о своей студенческой жизни Радищевъ съ особенно-теплымъ чувствомъ упоминаетъ о Геллертѣ, преподававшемъ словесныя науки въ лейпцигскомъ университетѣ. Призваніе писателя—говорилъ Геллертъ своимъ слушателямъ—заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить *истинѣ* и *добродѣтели*. Радищевъ благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: «Отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта: малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ» и т. д.[1]) т. е. работать подъ руководствомъ Геллерта и представлять на его судъ свои литературные опыты.

Самымъ популярнымъ профессоромъ былъ Платнеръ, читавшій философію и физіологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, между сытыми и голодными, и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не пріучало слушателей къ строго-систематическому мышленію.

Будучи студентомъ университета, Радищевъ съ большимъ увлеченіемъ читалъ французскихъ писателей, преимущественно энциклопедистовъ. Говоря его собственными словами, онъ «учился мыслить» по книгѣ Гельвеція: О разумѣ—de l'Esprit. Извѣстно,

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. 1811. Ч. V, стр. 68—69, 60—61.

въ какія крайности впадалъ Гельвецій, и какъ рѣзко порицали его книгу сами энциклопедисты. Послѣдующіе критики отзывались о ней такимъ образомъ: Ce livre est partout écrit avec la même faiblesse de logique; on n'y sent aucune force de tête. Какъ представитель самыхъ крайнихъ воззрѣній Гельвецій, едва ли годился въ наставники такому ученику, котораго слѣдовало всячески удерживать отъ крайностей, а не наталкивать на нихъ.

Еще сильнѣе, несравненно сильнѣе было вліяніе Руссо. Блестящіе, увлекательные парадоксы Руссо производили неотразимое впечатлѣніе на читателей вообще и на молодые умы въ особенности.

Къ студенческимъ годамъ Радищева относится и знакомство его съ сочиненіями Мабли. Гельвецій и Мабли отвлекали русскихъ студентовъ отъ профессорскихъ лекцій. Передъ открытіемъ курса одного изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени, профессора Böhme, русскіе студенты заявили, что они предпочитаютъ этому курсу чтеніе книги Мабли: Droit public de l'Europe fondé sur les traités, будучи заранѣе увѣрены, что образцовое «по мнѣнію всего свѣта» произведеніе Мабли заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поучительнаго, нежели какія-бы то ни было лекціи — *gewiss* mehr sachen enthält, als in irgend einer vorlesung über diese materie gesaget werden kann. Такой отзывъ далъ товарищъ Радищева, студентъ лейпцигскаго университета Яновъ. Съ мнѣніемъ Янова вполнѣ согласились студенты: Рубановскій и *Радищевъ*. Радищевъ написалъ: in ansehung der lehrart bin ich vollkommen der meinung des hr. von Janoff.

Однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: Observations sur l'histoire de la Grèce — *Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ.*

Особенно громкую извѣстность въ обществѣ и въ литературѣ пріобрѣлъ Мабли историческимъ трудомъ своимъ, изданнымъ подъ названіемъ: Observations sur l'histoire de France. Взглядъ Мабли на задачу историка поражаетъ своею оригинальностью. Обра-

щаясь къ памятникамъ прошлаго, Мабли искалъ въ нихъ не исторической истины, а поучительнаго смысла для настоящаго и будущаго — для переустройства общества по тѣмъ идеаламъ, которые ему казались единственно вѣрными и вполнѣ согласными съ требованіями природы во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ. Онъ говорилъ: исторія должна не только просвѣщать разумъ, но и направлять сердце и научать обязанностямъ *гражданина*. Главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ *свободѣ* и равенству. Ради своей излюбленной идеи, Мабли готовъ помириться со всевозможными передѣлками и извращеніями историческихъ фактовъ. Отъ историка, также какъ и отъ поэта, онъ требуетъ соблюденія только психологическаго правдоподобія. На этомъ основаніи онъ охотно прощаетъ Вольтеру «невѣжественное и наглое искаженіе и изуродываніе большинства описываемыхъ событій». Вотъ собственныя слова Мабли о Вольтерѣ: J'étais très disposé à lui pardonner *son ignorance et la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure et altère la plupart des faits*. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien un poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages et qui rendît les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir[1]). Идеи свободы и равенства, развиваемыя въ сочиненіяхъ французскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія, Мабли переноситъ въ вѣка отдаленные, и описывая событія глубокой древности, толкуетъ о державныхъ правахъ народа, о законодательномъ собраніи, о представителяхъ народной свободы, и т. п. Вильменъ остроумно замѣтилъ, что Мабли заставляетъ исторію лгать и обманывать изъ либеральныхъ соображеній: de même qu'avant lui une érudition servile avait mal interprété les vieux monuments de notre histoire pour leur faire mentir la servitude, ainsi souvent Mably leur *fait mentir la liberté*[2]).

---

[1]) De la manière d'écrire l'histoire, par m. l'abbé de Mably. A Paris. 1783, стр. 31—33.

[2]) Cours de littérature française par m. Villemain. 1840. Tableau du dix-huitième siècle. Dix-septième leçon, стр. 155—156.

Выдавая за быль свои мечты и гаданія, высказывая вещи чрезвычайно странныя и даже дикія, Мабли тѣмъ самымъ вербовалъ себѣ многочисленныхъ читателей и почитателей. Тогдашнее общество — говоритъ Тьерри — требовало отъ писателя революціоннаго возбужденія, а не научной истины — l'excitation révolutionnaire, non la vérité scientifique: Мабли умѣлъ удовлетворить этому требованію, и вотъ причина необычайной популярности его книги во всѣхъ классахъ читающаго общества [1]).

II.

Радищевъ возвратился въ Россію подъ сильнымъ вліяніемъ идей, развиваемыхъ энциклопедистами и ихъ приверженцами и подражателями. Въ Россіи онъ засталъ тоже поклоненіе энциклопедистамъ. Сочиненія ихъ переводились на русскій языкъ и издавались на средства не только частныхъ лицъ, но и правительства. Вліяніе Руссо, Рейналя и другихъ писателей ярко обнаружилось въ сочиненіяхъ Радищева. Вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ же ярко отразилось въ нихъ и общественное состояніе среды, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. По складу своихъ понятій и по своей необычайной воспріимчивости, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на все, что̀ происходило передъ его глазами.

Радищевъ быстро и всецѣло поддавался впечатлѣніямъ, откуда бы ни получались они — изъ книгъ или изъ жизни. Все, что̀ поражало мысль или волновало чувство, сейчасъ же изливалось на бумагу. Черновыя рукописи Радищева почти безъ помарокъ; въ бѣглыхъ замѣткахъ его слышится свѣжесть перваго впечатлѣнія. Большая часть того, что̀ написано и напечатано Радищевымъ, представляетъ въ сущности одни наброски, а не строго обработанное цѣлое; но именно потому, что это только наброски,

---

[1]) Récits des temps mérovingiens, par Augustin Thierry. 1858. Considérations sur l'histoire de France. Глава III, стр. 63—71.

а не *сочиненія*, въ нихъ заключается много жизненной правды, и вѣрно и искренно передается тò, чтò было на душѣ автора, чтò онъ думалъ и чувствовалъ.

Для оцѣнки литературной дѣятельности Радищева вообще и его Путешествія въ особенности, всего надежнѣе обратиться къ собственному свидѣтельству Радищева, которое можно назвать его авторскою исповѣдью. Въ безсонныя ночи, которыя Радищевъ проводилъ въ крѣпости, онъ брался за перо, и тò, чтò писалъ онъ тогда, весьма любопытно во многихъ отношеніяхъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей онъ описалъ исторію своего идеальнаго Путешествія.

16 іюля 1790 года Шешковскій доносилъ графу Безбородко: «Сего утра въ шестомъ часу прислалъ ко мнѣ Радищевъ написанную сею ночью, при офицерѣ, на оставленномъ листу, бумагу, съ коей списавъ копію, имѣю честь при семъ приложить къ вашему сіятельству. Она въ себѣ иного не содержитъ, какъ онъ описалъ гнусность своего сочиненія, и кое онъ самъ мерзитъ».

Рукопись Радищева заключаетъ въ себѣ данныя, имѣющія неоспоримое значеніе для характеристики его, какъ писателя:

— «Не въ оправданіе моего мерзительнаго сочиненія я сказать что-либо намѣренъ, ибо, убѣжденный теперь самъ въ себѣ, сколь оно гнусно, я бы самъ могъ написать на оное опроверженіе, если бы разумъ не былъ въ разстройкѣ и сердце не болѣло. Но я желаю показать шествіе моихъ мыслей, и какъ разумъ, цѣпляяся изъ заблужденія въ заблужденіе, дошелъ наконецъ въ сію путаницу, которая ввергла меня въ погибель.

До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращалися всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставилъ

и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаяся ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

Когда я опредѣленъ былъ въ комерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до комерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе общей исторіи и путешествій, и старался пріобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою охоту упражняться въ сочиненіяхъ, или отвлеченъ былъ отъ того, какъ тò я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе же время, между другими комерческими книгами, купилъ я *Исторію о Индіяхъ Реналя*. Сію-то книгу могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (ampoulé) его штиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т. е. при началѣ вступленія моего въ таможню, и по случаю составленія общаго тарифа, за препоручаемыми мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ случая книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ, въ 1783 году, смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе, и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ въ 1785 году я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Реналя окончалъ. Для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о ценсурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій *Іорикова Путешествія*, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. И такъ могу сказать поистинѣ, что *слогъ Реналевъ*, водя меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова

была въ исходѣ 1788 года; въ цензурѣ была въ 1789 году; начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.

Такимъ образомъ, желая подражать сему писателю, я произвелъ своего урода. О безуміе, безуміе! О пагубное тщеславіе быть извѣстну между сочинителями! О вы, несчастные и возлюбленные чада, научитеся моимъ примѣромъ и убѣгайте пагубнаго тщеславія быть писателемъ»! —

Въ словахъ Радищева заключаются весьма цѣнныя указанія. Доказательствомъ правдивости ихъ можетъ служить и содержаніе книги и ея изложеніе. Подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ le déclamateur Raynal, развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію. Возгласамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Они появляются не только тамъ, гдѣ самый предметъ задѣвалъ за душу, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Радищевъ приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что люди ѣдятъ хлѣбъ, о, даже и въ тѣхъ странахъ гдѣ есть крѣпостное право; что многіе пьютъ кофе, а нѣкоторые занимаются минералогіею, и т. п.: «Вообрази себѣ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенный въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка; что они были причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія: дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою!.... Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой! Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитеся, да не отравлены будете вожделѣнною вами пищею. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститеся: се истинное и полезное можетъ быть пощеніе»!.... Обращаясь мысленно къ Ломоносову, спускающемуся въ рудники для изученія минераловъ, Радищевъ восклицаетъ: «Неужели отличила тебя природа своими дарова-

ніями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекати сребро и злато? Или не вѣдаешь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки? Познай подземныя ухищренія человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи, въ животѣ сущіи, погребаются» и т. д. (стр. 270—272, 431). Во всемъ этомъ много искусственнаго, преувеличеннаго, много риторики, навѣянной чтеніемъ «декламатора» Рейналя.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ тѣ рѣчи, въ которыхъ авторъ говоритъ изъ глубины души и рисуетъ картину, дѣйствительно ужасную по своему внутреннему смыслу. Таково изображеніе горя и отчаянія отца, сознающаго на могилѣ безвременно погибшаго сына всю вину свою передъ покойнымъ. Вина эта не преслѣдовалась ни закономъ, ни даже общественнымъ мнѣніемъ, а между тѣмъ по существу своему она есть самое тяжкое изъ преступленій. Развратный отецъ влилъ разрушительный ядъ въ своего сына при самомъ его зачатіи, и вся жизнь несчастнаго сына была безпрерывнымъ, незаслуженнымъ страданіемъ за грѣхи и пороки отца....

Многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ писателей; но главное и существенное, т. е. то̀, чему самъ авторъ придавалъ особенное значеніе, взято изъ русской жизни. Самъ Радищевъ весьма опредѣленно указываетъ свои источники.

Многія мѣста и, что̀ всего важнѣе, общій тонъ и направленіе книги—заимствованы: «дерзновенныя *выраженія* и неприличной *смѣлости* почерпнулъ я, читая *разныхъ писателей*» и т. д. На страницахъ Путешествія помѣщены извлеченія, выписки изъ Рейналя, Гердера и др. Заимствованія изъ Руссо бросаются въ глаза безъ всякихъ постороннихъ указаній. Труднѣе опредѣлить тѣ мѣста или тѣ взгляды, которые взяты у писателей гораздо менѣе извѣстныхъ. Такова, напримѣръ, мысль о принципіальной невозможности *оскорбить* Бога, какъ всесовершеннѣйшее Существо, высказанная Радищевымъ и подробно разви-

ваемая въ одномъ изъ тѣхъ курсовъ философіи, которые Платнеръ читалъ въ бытность Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ. Идя отчасти по слѣдамъ Платнера, Радищевъ приходитъ къ заключенію, что нѣтъ никакого основанія преслѣдовать и наказывать богохульство, такъ называемое оскорбленіе религіи, изданіе книгъ, отрицающихъ бытіе Бога, и т. п.

Нѣкоторыя изъ описаній, раскрывающихъ темныя стороны тогдашняго быта, оказываются картинами съ натуры. Въ одной изъ главъ Путешествія, которой дано названіе станціи *Чудово*, описывается съ возмутительными подробностями, какъ буря разбила судно, какъ погибающіе молили о спасеніи, и какъ никто изъ береговой команды не подавалъ имъ помощи, потому что никто не рѣшался разбудить спавшаго начальника. «Происшествіе, въ *Чудовѣ* описанное,—говоритъ Радищевъ—*было на самомъ дѣлѣ*». Недосказанное Радищевымъ дополняется другими свидѣтельствами, вполнѣ достовѣрными. Въ главѣ *Валдай* Радищевъ описываетъ фривольные нравы валдайскихъ красавицъ. Вѣрность его описанія подтверждается записками Державина. Въ главѣ *Едрово* говорится о развратномъ помѣщикѣ, изнасиловавшемъ шестьдесятъ дѣвушекъ; во время пугачевщины, крестьяне, связавъ его, повели на вѣрную казнь. «*Повѣсть сія нежива*» — замѣчаетъ Радищевъ (стр. 217). Екатерина спрашивала по этому поводу: «едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова»? и т. д.

Въ книгѣ Радищева рѣзко отдѣляются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны — заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой — свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта. Между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровомъ, нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другаго, теченія. Эта двойственность объясняется двоякостью той цѣли, для достиженія которой нашъ авторъ и подвизался на литературномъ поприщѣ.

Съ какою же цѣлью напечаталъ Радищевъ свое Путе-

шествіе? Радищевъ прямо говоритъ, что сочиненіемъ своимъ онъ желалъ пріобрѣсти *славу писателя* и вмѣстѣ съ тѣмъ принести *пользу обществу*. Слѣдовательно, у него было двѣ цѣли.

О первой изъ своихъ цѣлей Радищевъ говоритъ: «Главное мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ *прослыть писателемъ* и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ обо мнѣ думали до того... Самое изданіе книги ни къ чему другому стремилось, какъ быть извѣстну между авторами» и т. д. [1]). По духу того времени, весьма лестно было заслужить званіе писателя, и притомъ такого, который усвоилъ себѣ идеи энциклопедистовъ. Обычный пріемъ тогдашней критики состоялъ въ сближеніи именъ русскихъ писателей съ именами иностранныхъ знаменитостей въ различныхъ отрасляхъ литературы. Вѣдь были же и русскіе Горацій, и русскіе Малербы, и русскіе Корнели и Расины, отчего же не быть и русскому Рейналю и даже русскому Мирабо, какъ назвалъ Радищева одинъ изъ его современниковъ. Подобно тому, какъ Фонвизинъ заставлялъ героевъ своихъ комедій говорить словами Вольтера, Дюкло и другихъ французскихъ писателей, такъ и Радищевъ влагалъ въ уста русскихъ людей тирады, заимствованныя изъ Руссо, Рейналя и другихъ представителей французской литературы восемнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Фонвизина, разсужденія Стародума и Правдина поражали современниковъ своею смѣлостью, и были главною причиною громаднаго успѣха его комедій. Такимъ же образомъ и смѣлыя рѣчи лицъ, выведенныхъ въ книгѣ Радищева, могли дѣйствовать на публику, непривыкшую къ свободѣ печатнаго слова, и авторъ могъ быть увѣреннымъ, что завѣтная мечта его исполнится — что онъ прослыветъ хорошимъ писателемъ.

Но не одна только авторская *слава* соблазняла Радищева. У него были и другія мечты и надежды, болѣе возвышенныя, благородныя и чистыя. Онъ дорожилъ званіемъ писателя, сознавая, что писатель выдѣляется изъ толпы не внѣшними отличіями, не случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а дѣйствительнымъ

[1]) Ср. Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 421, 423.

достоинствомъ — силою ума и таланта. Истинное, прямое призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному и нравственному совершенствованію своихъ современниковъ. Радищевъ говоритъ: «Блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель»! (стр. 96—97). Чтобы достигнуть этой прекрасной цѣли — чтобы принести посильную *пользу обществу*, Радищевъ выступилъ обличителемъ самыхъ опасныхъ, по его убѣжденію, общественныхъ язвъ. На первомъ планѣ является у него крѣпостное право и затѣмъ — наши административные и судебные порядки.

Много страницъ въ книгѣ Радищева посвящено крѣпостному праву, о злоупотребленіяхъ котораго онъ говоритъ особенно подробно и особенно горячо. И суровая доля крѣпостныхъ крестьянъ вообще, и невыносимая тяжесть возлагаемаго на нихъ труда, и самоуправство и необузданный развратъ помѣщиковъ, и нравственная пытка, переживаемая тѣми изъ крестьянъ, которые, по барской прихоти, получили образованіе, и т. п. — представлены въ самыхъ яркихъ и возмущающихъ душу чертахъ. Въ каждой строкѣ слышится участіе автора къ печальной судьбѣ рабовъ и неудержимая ненависть его къ рабовладѣльцамъ. Обличая злыхъ и жестокосердыхъ помѣщиковъ, Радищевъ надѣялся пробудить въ нихъ чувство стыда и раскаянія — «посрамить, а не меньше и навести страхъ» указаніемъ опасныхъ послѣдствій отъ безчеловѣчнаго обращенія съ крестьянами. На вопросъ, почему онъ охуждалъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, Радищевъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «чая, что между помѣщиковъ есть такіе можно сказать уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда предосудительныя дѣянія, симъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Гдѣ есть рабство, тамъ нѣтъ и не можетъ быть благосостоянія. Въ подтвержденіе этой мысли Радищевъ приводитъ не только нравственныя соображенія, но и прямыя указанія житейскаго

опыта. Трудъ свободный всегда производительнѣе труда подневольнаго, и свое поле обработывается лучше и усерднѣе, нежели поле чужое. Самымъ свѣтлымъ событіемъ въ государственной жизни Россіи будетъ освобожденіе крестьянъ — окончательное паденіе рабства. Но это великое событіе совершится не вдругъ. Сознавая, что «высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно», Радищевъ предлагаетъ слѣдующій проэктъ или «путь къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи» (стр. 265—267):

«Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и *рабства домашняго*. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.

Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина.

Запретить брать выводныя деньги.

Второе положеніе относится къ *собственности* и *защитѣ* земледѣльцовъ.

Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать.

Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно.

Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю.

Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму.

Запретить произвольное наказаніе безъ суда.

За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства». —

Наши общественные порядки, вся система управленія и всѣ представители ея темныхъ сторонъ подвергаются въ книгѣ Ра-

дищева рѣзкому и безпощадному осужденію. Восходя все выше и выше, отъ почтоваго комисара до намѣстника, онъ обращается съ своимъ обличительнымъ словомъ къ самому источнику власти. Въ одной изъ главъ Путешествія описано такого рода сновидѣніе. На золотомъ престолѣ возсѣдаетъ верховный владыка, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. Вокругъ престола всѣ атрибуты роскоши и власти. Въ раболѣпной толпѣ придворныхъ слышатся лицемѣрные возгласы: «онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; онъ расширилъ предѣлы отечества; онъ обогатилъ государство; онъ распространилъ торговлю; онъ любитъ науки и художества; онъ поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе; велѣнію гласа его повинуются стихіи» и т. д. Только одно честное существо оказалось во всемъ этомъ сонмищѣ: въ толпѣ придворныхъ появилась невѣдомая странница; имя ея — Истина. Подойдя къ властителю, она сказала: «у тебя на обоихъ глазахъ бѣльма, а ты такъ рѣшительно судишь обо всѣхъ». Истина сняла предательскія бѣльма, и властитель долженъ былъ сознаться въ жестокомъ разочарованіи (стр. 61—72). Увидѣвши вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, онъ пришелъ къ такому убійственному выводу: «Подвигъ мой, коимъ *въ ослѣпленіи* моемъ душа моя наиболѣе гордилася — отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, хапкею и пагубнымъ комедіантомъ» (стр. 80 — 81).... Снимать бѣльма, мѣшающія правителямъ узнавать нужды и горе своихъ подвластныхъ, Радищевъ считалъ прямою обязанностью писателей, и обращаясь къ прозрѣвшему владыкѣ, говоритъ: «если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній, и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя» (стр. 75).

Такой же точно взглядъ на призваніе писателей-публицистовъ высказываетъ и Мабли. Но къ великому несчастію для

Радищева, совершенно иначе смотрѣла Екатерина и на права литературы и на выборъ друзей между писателями.

III.

Екатерина признала сочиненіе Радищева: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* книгою «наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской». Вслѣдствіе этого авторъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но по случаю мира съ Швеціею и по желанію императрицы «соединить правосудіе съ милосердіемъ», смертная казнь замѣнена была десятилѣтнею ссылкою въ Сибирь. Такое наказаніе, даже въ его смягченномъ видѣ, поразило Радищева и своею строгостью и своею неожиданностью. Но какимъ образомъ Радищевъ могъ не чуять бѣды, которую самъ накликалъ на себя? Возставая противъ существующаго порядка вещей, и расширивъ до послѣднихъ предѣловъ кругъ своихъ обличеній, Радищевъ долженъ былъ взвѣсить свои силы въ неравной борьбѣ и заранѣе приготовиться къ пораженію со всѣми его послѣдствіями. На чемъ же основывалась самоувѣренность Радищева, и чѣмъ объяснить рѣшимость его напечатать подобную книгу? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не столько для оцѣнки личныхъ свойствъ Радищева — его предусмотрительности или недальновидности, сколько для выясненія общественныхъ и литературныхъ условій, при которыхъ появилась его книга. Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: были ли въ дѣйствительной жизни достаточные поводы для того, чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ тогдашними произведеніями литературы и неоставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что автору угрожаетъ самая жестокая уголовная кара?

Отвѣтомъ, и весьма краснорѣчивымъ, могутъ служить данныя, находящіяся въ произведеніяхъ императрицы Екатери-

ны II, въ законодательныхъ памятникахъ ея времени, и въ литературныхъ трудахъ Фонвизина и самого Радищева.

Въ наказѣ Екатерины II говорится: «Называть преступленіемъ, до оскорбленія Величества касающимся, такое дѣйствіе, которое въ самой вещи онаго въ себѣ не заключаетъ, есть самое насильственное злоупотребленіе.... Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя: сей царь приказалъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы сіе ему ночью, если бы онъ о томъ днемъ на яву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо *если бы онъ тò и думалъ*, однакожъ на исполненіе мысли своей еще не поступилъ: законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ *дѣйствій*... *Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе*, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное.... Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ *сочиненія очень язвительныя: весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять*, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество; опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отшиметъ», и т. д.

Подъ сильнымъ вліяніемъ идей наказа и началась и продолжалась литературная дѣятельность Радищева. Отдаваясь всецѣло своимъ первымъ и лучшимъ впечатлѣніямъ, онъ словно боялся провѣрять ихъ критически: ему больно было разставаться съ золотыми снами довѣрчивой молодости. Идеалы, начертанные въ наказѣ, увлекали воспріимчиваго автора, и онъ прогонялъ отъ себя мысль о противорѣчіи ихъ съ дѣйствительностью. Въ оправданіе своей смѣлости, онъ въ самой книгѣ своей ссылается на наказъ: «*Пускай печатаютъ все, кому что̀ на умъ ни взойдетъ*. Я говорю не смѣхомъ. *Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же — не преступленія:* се правила *Наказа о новомъ уложеніи*» (стр. 294). Надо полагать, что Радищевъ говорилъ это дѣйствительно «не смѣхомъ», а вполнѣ искренно, считая не-

возможнымъ, чтобы авторъ *наказа* призналъ автора *язвительнаго сочиненія* заслуживающимъ смертной казни, и если отмѣнилъ этотъ приговоръ, то не во имя *правосудія*, а только по чувству милосердія. Какъ бы въ отвѣтъ на оговорку, сдѣланную въ наказѣ, что слова могутъ быть преступленіемъ только тогда, когда приготовляютъ къ дѣйствіямъ, Радищевъ говоритъ въ своей повинной: «Ежели кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается, потому что народъ нашъ книгъ не читаетъ, и что писана она слогомъ, для простаго народа невнятнымъ».

Впечатлѣніе, произведенное въ литературномъ мірѣ наказомъ и начинавшее сглаживаться, возобновлено было изданіемъ закона *о вольныхъ типографіяхъ*, въ которомъ увидѣли, если не прямое, то косвенное, признаніе свободы печатнаго слова. Указомъ 15 января 1783 года повелѣвалось «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», и вслѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи, «каждому *по своей собственной волѣ* заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія». Такая мѣра возбудила преувеличенныя надежды въ людяхъ, постоянно мечтавшихъ о свободѣ слова и находившихъ, что новый законъ «развязывалъ и умъ и руки» писателей. Въ то самое время, когда Радищевъ готовилъ къ изданію свое Путешествіе, Стародумъ Фонвизина писалъ слѣдующія строки: «Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ они мнѣ въ голову приходить будутъ. Я буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ *вольныхъ* разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно, ибо погибель

сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы, и позволила вездѣ охотникамъ заводить *вольныя типографіи*, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели, какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ. Я думаю, что таковая *свобода писать*, каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, *гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству*, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть *полезнымъ совѣтодателемъ государю*, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества»[1]).

Указомъ о вольныхъ типографіяхъ цензура книгъ возложена на полицію, на управу благочинія. Полиція и не разрѣшила напечатать приведеннаго письма Стародума. Но статьи Радищева, изъ которыхъ большая часть вошла и въ Путешествіе, дозволены управою благочинія — полицеймейстеромъ Жандромъ и оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣевымъ. Подъ заключительною статьею Путешествія, оканчивающеюся словами: «Москва, Москва»! подпись, относящаяся ко всей книгѣ: «Печатать позволено. 22 іюня 1789 года. Никита Рылѣевъ». На другихъ рукописяхъ Радищева подписи: «Печатать позволено. 25 сентября 1789 года. Никита Рылѣевъ».—«Печатать позволено отъ управы благочинія въ С.-Петербургѣ. Марта 10 дня 1790 года. Андрей Жандръ» и т. д. Разрѣшеніе печатать, данное правительственными цензорами — полицеймейстеромъ и оберъ-полицеймейстеромъ, могло въ значительной степени способствовать увѣренности Радищева въ томъ, что предпріятіе его сойдетъ съ рукъ и во всякомъ случаѣ не надѣлаетъ ему большой бѣды.

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866, стр. 229—230, 356.

Та рѣзкость въ сужденіяхъ и выводахъ по вопросамъ общественной жизни, которая бросается въ глаза въ Путешествіи Радищева, замѣтна, въ большей или меньшей степени, и во всѣхъ прежнихъ его трудахъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ. Общее направленіе, господствующіе взгляды — одни и тѣже. Какъ человѣкъ образованный и знающій иностранные языки, Радищевъ приглашенъ былъ къ участію въ работахъ общества, учрежденнаго Екатериною для перевода замѣчательныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій. Во главѣ общества стояли лица, пользовавшіяся особеннымъ довѣріемъ правительства; на вознагражденіе переводчикамъ назначалась весьма значительная сумма изъ собственной шкатулки государыни. На долю Радищева достался переводъ сочиненія Мабли: Observations sur l'histoire de la Grèce[1]). Къ переводу своему Радищевъ присоединилъ нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. Всего любопытнѣе примѣчаніе, разъясняющее смыслъ слова *despotisme*, переведеннаго Радищевымъ словомъ *самодержавство:*

Подлинникъ Мабли.	Переводъ и примѣчаніе Радищева.
Quelle que fût la situation de la Macédoine, ses maux n'étaient point incurables comme ceux de la Grèce. Les prédécesseurs de Philippe n'avaient pas exercé sur leurs sujets cette autorité aveugle et absolue qui dégradait l'humanité dans la Perse; et quand les monarchies ne sont pas encore dégénerées en ce	Каково Македоніи состояніе ни было, но болѣзни ея не были неисцѣлимы, какъ то были болѣзни Греціи. Филипповы предшественники не царствовали надъ своими подданными со властію слѣпою и неограниченною, человѣчество въ Персіи унижающею, а какъ монархіи не пренили еще въ самодержав-

[1]) Опытъ россійской библіографіи, собранный изъ достовѣрныхъ источниковъ Васильемъ Сопиковымъ. 1816. Часть IV, стр. 279. № 9493.

despotisme qui ôte à l'âme tous les ressorts, le citoyen conserve le sentiment de la vertu et du courage, et le prince se crée, lorsqu'il le veut, une nation nouvelle. Le peuple accoutumé à obéïr sans lâcheté, et qui n'est point son propre législateur, ne résiste jamais aux exemples de ses maîtres. Il sort de son assoupissement, quitte ses vices; et, sans qu'il s'en apperçoive, prend un nouveau caractère et la vertu qu'on veut lui donner [1]).

ство *), отъемлющее у души всѣ ея пружины, то гражданинъ соблюдалъ чувствованіе добродѣтели и мужества, а государь созидалъ, если хотѣлъ, народъ совсѣмъ новый. Народъ, навыкшій повиноватися безъ малодушія, не будучи самъ свой законодатель, никогда не противится примѣру своихъ государей. Онъ изступаетъ изъ своего забвенія, отметаетъ свои пороки, и, не вѣдая самъ того, воспріемлетъ новый нравъ и добродѣтель, ему подаваемую.

*) «*Самодержавство* есть напротивѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти; но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другаго права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» [2]). —

[1]) Observations sur l'histoire de la Grece ou des causes de la prospérité et des malheurs des Grecs. Par m. l'abbé de Mably. A Geneve 1766. стр. 170—171.

[2]) Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ общества, старающагося о напечатаніи книгъ. Въ С.-Петербургѣ. При императорской академіи наукъ. 1773 года, стр. 126—127.

Въ книгѣ Радищева: «Житіе Өедора Васильевича Ушакова», напечатанной въ томъ самомъ году, когда Путешествіе представлено было въ цензуру, встрѣчаются такія мѣста: «Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну. Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ... Примѣръ самовластія государя, неимѣющаго закона, ниже другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. Да и сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и Гельвеціево о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается» и т. д. (стр. 63—64, 20—21, изд. 1811 г.). Ссылка на Гельвеція весьма краснорѣчиво указываетъ на тѣ источники, откуда вытекали у нашего автора воззрѣнія на общество и на укоренившійся въ немъ порядокъ вещей.

Предшествующіе литературные опыты Радищева могли поддерживать въ увлекающемся авторѣ увѣренность, что и новая и самая смѣлая попытка, хотя и не удостоится награды «изъ собственной шкатулки», однако же ни въ какомъ случаѣ не приведетъ его къ смертной казни, какъ государственнаго преступника.

IV.

Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева, находится въ связи съ личными взглядами и степенью образованности читателей, которыхъ нашлось довольно много для того времени. Одни — читали и не понимали, въ чемъ откровенно и сознавались; просто-напросто они не могли взять въ толкъ мудреныхъ разглагольствій русскаго энциклопедиста. Другіе очень хорошо

понимали въ чемъ дѣло, но таили свой взглядъ про себя, по крайней мѣрѣ до поры, до времени. Никто, кажется, не предполагалъ, что исторія можетъ окончиться плахою или висѣлицею. Только одна читательница признала автора опаснымъ революціонеромъ, и, какъ власть имѣющая, подвергла его строгому, уголовному суду.

Когда стали производить разслѣдованіе о книгѣ Радищева, одинъ изъ первыхъ спрошенъ былъ книгопродавецъ Зотовъ. Онъ прямо заявилъ, что онъ хотя и продавалъ эту книгу, и самъ ее читалъ, но никакъ не могъ думать, что она заключаетъ въ себѣ что-либо противное правительству!.. Безграмотныя подписи Зотова служатъ доказательствомъ искренности его показанія.

При самомъ началѣ слѣдствія Екатерина полагала, что авторами книги были Радищевъ и Челищевъ, товарищъ Радищева по лейпцигскому университету. Графъ Безбородко писалъ графу Воронцову: «По слѣдствію, порученному оберъ-полицеймейстеру, а болѣе, думаю, *по слухамъ*, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги — господа Радищевъ и Челищевъ, и что ее печатали въ домовой типографіи того или другаго изъ нихъ. Дѣло сіе весьма въ дурномъ положеніи. Хотя ея величество, узнавъ имя перваго, кажется болѣе расположена умягчить свое негодованіе, но все впрочемъ не лучшій конецъ оно имѣть можетъ»[1]).

Ходили также слухи, что сотрудникомъ Радищева былъ другой товарищъ его по лейпцигскому университету — Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Основываясь на свидѣтельствѣ «честнаго и нелживаго» Богдановича, княгиня Дашкова сообщаетъ извѣстіе, что Державинъ говорилъ при многихъ: «Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о *Козодавлевѣ*, что *онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева*. Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ»[2]). Былъ ли Козодавлевъ дѣйствитель-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII, стр. 200.
[2]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 221.

нымъ *участникомъ* въ составленіи книги, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ указаній. Но что онъ сочувствовалъ идеямъ Радищева объ освобожденіи крестьянъ и о свободѣ печатнаго слова, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Стоитъ только прочесть статьи Козодавлева въ Растущемъ Винограде и въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова, и сравнить съ ними нѣкоторыя мѣста въ Путешествіи Радищева. Козодавлевъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Радищева съ Державинымъ, которому и передалъ, по порученію автора, одинъ экземпляръ Путешествія.

Радищевъ отдавалъ справедливость поэтическому таланту Державина, и по всей вѣроятности, ожидалъ сочувственнаго пріема своей книги со стороны пѣвца Фелицы и безстрашнаго обличителя ея двора. То четверостишіе, которое молва почему-то приписывала Державину, признаетъ правдивость содержанія книги, но обвиняетъ автора за излишнюю смѣлость:

Ѣзда твоя въ Москву *со истиною сходна*,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «впрь, впрь»!
Знать, *русскій Мирабо*, поѣхалъ ты въ Сибирь[1]).

Вообще въ отзывахъ своихъ о Радищевѣ Державинъ вовсе не касается содержанія его сочиненій, и ограничивается замѣтками о слогѣ. Отсюда можно заключить, что Державинъ не видѣлъ ничего опаснаго для общественнаго спокойствія въ книгахъ и идеяхъ Радищева. Чтобы убѣдиться въ томъ, что литераторы наши плохо знаютъ русскій языкъ, Державинъ совѣтовалъ прочитать сочиненіе Радищева — Описаніе жизни Ѳ. В. Ушакова. Княгиня Дашкова говоритъ: Un jour que nous étions à l'académie russe, mr. Державинъ, en parlant du peu de connaissance que l'on avait de la langue russe, que l'on ne connaissait pas

[1]) Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 68.

la valeur des mots et qu'on prétendait pourtant être auteur, me dit qu'il venait de lire un sot livre de Радищевъ au sujet d'un de ses amis morts.

Не только писатели, но и государственные люди временъ Екатерины II были, повидимому, далеки отъ мысли, что Радищевъ совершилъ преступленіе, подлежащее смертной казни. Въ правительственныхъ сферахъ, въ кругу лицъ, призываемыхъ къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, въ средѣ сановниковъ, составлявшихъ такъ называемый «совѣтъ ея императорскаго величества» находились ходатаи за Радищева, желавшіе смягчить гнѣвъ императрицы.

Одинъ изъ членовъ совѣта ея величества, главный начальникъ Радищева по службѣ его въ комерцъ-коллегіи, графъ Александръ Романовичъ Воронцевъ, навлекъ на себя даже подозрѣніе въ пособничествѣ Радищеву, т. е. въ такомъ же *участіи* въ составленіи книги, въ какомъ обвиняли и Козодавлева. Подобное же подозрѣніе падало и на сестру графа Воронцова, княгиню Екатерину Романовну Дашкову, президента академіи наукъ и россійской академіи. Екатерина говорила окружающимъ, что она не вѣритъ слухамъ, распускаемымъ о Дашковѣ и о ея братѣ. Но лицо, ручавшееся за искренность этихъ словъ, не возбуждаетъ особеннаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія уже одно то обстоятельство, что единомышленниковъ Радищева искали въ самомъ высшемъ кругу тогдашняго общества. Изъ письма Дашковой очевидно, что и Державинъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о друзьяхъ и сотрудникахъ Радищева. Въ своемъ полурусскомъ и полуфранцузскомъ письмѣ къ брату княгиня Дашкова говоритъ: «Vers le soir, Samoiloff vient chez moi. Vouz connaissez le faible de ce galant homme. Il commença à se vanter qu'il ne me disait pas le quart de ce qu'il avait dit en ma faveur, parce que, dit-il, Elle m'a dit, qu'Elle n'a pas voulu croire à *la colomnie* que *moi et vous avions eu part au livre de Радищевъ*.... Державинъ *меня и брата* злословитъ. Для

чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія, и *зная прямыхъ сочинителей*, маралъ и *клеветалъ* на честныхъ людей»[1]).

Ближайшимъ помощникомъ Екатерины II по дѣлу о Радищевѣ былъ членъ совѣта ея величества, гофмейстеръ и «надъ почтами въ государствѣ главный директоръ» графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Всѣ распоряженія Екатерины касательно предварительно слѣдствія, а также и сношенія ея по этому поводу съ Шешковскимъ, происходили при участіи графа Безбородко. Онъ получалъ приказанія отъ императрицы, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ, и докладывалъ о ходѣ и результатахъ дознанія, очныхъ ставокъ, и т. п. Безпрекословный исполнитель воли Екатерины, не промолвившій слова въ защиту Радищева, Безбородко дѣйствовалъ не по своему внутреннему убѣжденію, и не всегда думалъ тò, чтò писалъ въ офиціальныхъ бумагахъ. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины и не допуская офиціально ни малѣйшаго повода къ смягченію вины подсудимаго, Безбородко указывалъ, въ откровенной перепискѣ, на смягчающія обстоятельства, и — чтò всего замѣчательнѣе — искалъ ихъ въ мѣрахъ и дѣйствіяхъ самого правительства. Онъ указывалъ преимущественно на законъ о вольныхъ типографіяхъ и о цензурѣ книгъ въ полиціи, въ которомъ люди осторожные усматривали поводъ и даже вызовъ къ разнаго рода излишествамъ и крайностямъ въ печати. Во время суда надъ Радищевымъ, графъ Безбородко писалъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову: «Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, *правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно*, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненную защитою крестьянъ,

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 220—223.

зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго, и наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ, оберъ-полицимейстеръ въ С.-Петербургѣ, цензировалъ сію книгу, не читавъ, а, удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. *Книга сія начала входить въ моду* у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ — авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, ему выправиться нечѣмъ. *Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи* и не усмотришь, какъ нашалятъ»[1]).

Самымъ неумолимымъ критикомъ сочиненія и обвинителемъ автора явилась императрица Екатерина II. Она разобрала книгу Радищева до мельчайшихъ подробностей, отъ первой строки до послѣдней, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и безпощадною строгостью. «Намѣреніе сей книги — говоритъ Екатерина — на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства»[2]). Подъ именемъ *французскаго заблужденія* Екатерина понимаетъ тотъ порядокъ вещей, отъ котораго «теперь Франція разоряется», т. е. французскую революцію.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева и прямая связь ихъ съ ходомъ и исходомъ уголовнаго суда надъ авторомъ представляютъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ, чего можно было бы ожидать отъ государыни-писательницы, прославленной энциклопедистами за свое сочувствіе къ свободѣ мысли и слова.

---

[1]) Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. Григоровича. 1881. Томъ II, стр. 94—95.

[2]) Архивъ кн. Воронцова. 1872. Книга V, стр. 407—422. Разборъ сочиненія Радищева, написанный императрицею Екатериною II.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ Екатерина измѣнила свой взглядъ, и, вопреки наказу, признала слова преступленіемъ? По всей вѣроятности, это произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ; быть можетъ также, примѣшались сюда и личныя опасенія и чувство глубоко-оскорбленнаго самолюбія. Екатерина читала книгу Радищева подъ свѣжимъ еще и чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ французской революціи. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія измѣнился и взглядъ Екатерины на литературу. До революціи Екатерина много разъ высказывалась въ томъ смыслѣ, что между книгою и дѣйствительною жизнью — цѣлая бездна, а потому весьма снисходительно смотрѣла на либеральныя «упражненія» литераторовъ. Но революція заставила признать за писателями болѣе серьезное, хотя и отрицательное, значеніе. При первыхъ попыткахъ объяснить событіе, вызвавшее всеобщую панику, главными виновниками провозглашены энциклопедисты, на томъ основаніи, что они, постоянно толкуя о пересозданіи общества и государства, сочиненіями своими подготовляли революцію. Нагляднымъ доказательствомъ измѣнившагося взгляда Екатерины II на свободу печатнаго слова могутъ служить слѣдующіе два примѣра.

Въ трагедіи одного писателя встрѣчаются такіе стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца....

Въ трагедіи другаго писателя таже самая мысль выражена стихами:

Самодержавіе, повсюда бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И невозбранные пути открывъ страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ....

Цензура запретила-было первое четверостишіе; но Екатерина сняла запрещеніе, и велѣла напечатать трагедію въ академическомъ изданіи — въ Россійскомъ Ѳеатрѣ. Авторъ трагедіи, Николевъ, заслужилъ «благоволеніе» государыни. Второе четверостишіе находится въ трагедіи Княжнина: «Вадимъ», напечатанной въ томъ же академическомъ изданіи. Екатерина пришла въ ужасъ отъ этихъ стиховъ, и увидѣла въ нихъ что-то зловѣщее. «И вы еще увѣряете меня, что мнѣ нечего бояться» — сказала Екатерина своей собесѣдницѣ, прочитавъ трагедію Княжнина.

Въ сущности, вся разница заключается въ томъ, что первое четверостишіе появилось до революціи, а второе — послѣ революціи.

Страхъ, навѣянный французскою революціею, былъ до того силенъ, что и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей стали искать слѣдовъ и вліянія событій, происходившихъ во Франціи. Радищеву пришлось оправдываться въ приписываемыхъ ему замыслахъ и по совѣсти увѣрять, что сочиненіями своими онъ не желалъ произвести революцію на подобіе французской. Вотъ подлинныя слова Радищева: «не можетъ онъ того отрицать, чтобъ Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ, не казалось произвести французскую революцію, но однакожъ по чистой совѣсти своей увѣряетъ, что онъ сего злаго намѣренія не имѣлъ».

Къ тревожнымъ вѣстямъ, получаемымъ изчужа, присоединялось безпокойство относительно нашихъ домашнихъ дѣлъ. Особенно подозрительно смотрѣли тогда на такъ называемыхъ *мартинистовъ*, которыхъ считали опасными заговорщиками. По этому поводу происходила весьма оживленная переписка между Петербургомъ и Москвою. Донесенія свои князь Прозоровскій облекалъ большою таинственностью, увѣряя Екатерину, что онъ только ей и ей одной можетъ представить дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, и умоляя не выдавать его и не указывать источника, откуда получены свѣдѣнія о мартинистахъ. Ходили слухи, что мартинисты, въ одномъ изъ своихъ собраній, метали жребій «кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину», и что число

метавшихъ жребій простиралось будто бы до тридцати. Говорятъ даже, что показанія и повинныя ихъ находились впослѣдствіи въ рукахъ Екатерины[1]). Разбирая книгу Радищева, Екатерина дѣлала такого рода замѣтки: «онъ едва ли не *мартинистъ*»... «касательно метафизики — *мартинистъ*» и т. п.

Всего болѣе Екатерина была изумлена и оскорблена вызывающимъ тономъ книги Радищева и небывалою смѣлостью обличеній, далеко выходившихъ за тѣ предѣлы, у которыхъ почтительно останавливались всѣ предшествующіе обличители.

Многія изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя разсѣяны въ книгѣ Радищева, можно встрѣтить и въ одахъ Державина и въ произведеніяхъ другихъ тогдашнихъ писателей. Но Державинъ — употребляя его собственное выраженіе — «говорилъ истину съ улыбкой», а Радищевъ говорилъ ее съ пѣною у рта. Оттого и впечатлѣніе получалось совершенно противоположное.

Обыкновенный пріемъ нашихъ обличителей заключался въ слѣдующемъ. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти; что же касается ея источника, ея верховнаго представителя, то онъ изображался въ самомъ привлекательномъ и лучезарномъ свѣтѣ. Державинъ превозносилъ Екатерину именно за то, что она «не подражаетъ своимъ мурзамъ», что она нисколько на нихъ не походитъ. Описавши пороки и недостатки придворныхъ, окружающихъ Фелицу, Державинъ восклицаетъ, обращаясь къ ней:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого.....
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога

---

[1]) Русскій Архивъ. 1875. Книга третья. Записка о мартинистахъ, представленная, въ 1811 году, графомъ Растопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, стр. 76—77.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ....
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творишь.
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь *только* созидать...

Въ такомъ же духѣ писались офиціальныя бумаги и постановленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣтъ ея величества, слушая учрежденіе о губерніяхъ «ощущалъ во всѣхъ частяхъ онаго мудрое предусмотрѣніе, матернее о подданныхъ попеченіе, человѣколюбіе и милосердіе ея императорскаго величества; признавалъ, что доставитъ оно всѣмъ и каждому благополучную и спокойную жизнь» и т. д.[1]).

Для читателей, привыкшихъ къ подобному краснорѣчію, книга Радищева была самою непріятною и возмутительною новостью. Рѣчи страницы-истины, снимающей бѣльма, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ торжественныхъ восхваленій, а «проэктъ въ будущемъ» представляется пародіею на хвалебную лирику и на нѣкоторые офиціальные акты. Въ проектѣ говорится: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнуть дозволяется; наслаждаяся внутреннею тишиною; внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія» и т. д. (стр. 236—238). Радищевъ подводитъ итогъ государственной дѣятельности неожиданно прозрѣвшаго владыки, и въ итогѣ оказывается, что его постоянно обманывали блестящими призраками и сказочными успѣхами исполинскихъ замысловъ, а онъ такъ слѣпо вѣрилъ величію небывалыхъ подвиговъ и такъ щедро награждалъ своихъ мнимыхъ сподвижниковъ....

---

[1]) Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ. 1855, стр. 39—40.

Всякому понятно, кого разумѣетъ Радищевъ подъ именемъ прозрѣвшаго владыки. Екатерина прямо приняла на свой счетъ все то, что говорится о самовластіи и верховномъ властителѣ и написала: «скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя, усумнилась, *не сдѣлано ли ему мною какой обиды»?* Радищеву и былъ предложенъ вопросъ: «не чувствуете ли вы со стороны ея императорскаго величества какой себѣ обиды»? Посылая въ совѣтъ дѣло о Радищевѣ, Екатерина велѣла сказать, что она презираетъ все, что относится *лично къ ней* въ книгѣ Радищева.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева послужили главною основою при производствѣ слѣдствія и дознанія. Отвѣчая на вопросные пункты, предложенные ему на слѣдствіи, Радищевъ въ сущности давалъ отвѣты на замѣчанія, сдѣланныя Екатериною.

V.

Истинною и въ высшей степени энергическою руководительницею дѣла, державшею въ своихъ рукахъ всѣ его нити, была сама Екатерина. Отъ нея исходили всѣ распоряженія; по ея почину возникло дѣло; по ея настоянію производилось оно съ необычайною для того времени быстротою, и ею же доведено оно до предназначеннаго конца. Докладчикомъ по дѣлу Радищева былъ, какъ мы сказали, графъ Безбородко. Допрашивалъ Радищева, какъ важнаго государственнаго преступника, Степанъ Ивановичъ Шешковскій, хорошо извѣстный петербургскому населенію и получившій довольно мѣткое названіе *духовника.* Когда кто-либо изъ петербургскихъ жителей исчезалъ безъ вѣсти на нѣкоторое время, то, по возвращеніи его, знакомые и незнакомые говорили ему: «вы навѣрно были у духовника». На разспросы любопытныхъ нельзя было отвѣчать, потому что Шешковскій отбиралъ подписки въ соблюденіи стро-

жайшей тайны, подъ угрозою неизбѣжнаго наказанія за малѣйшую нескромность.

Дѣло о Радищевѣ велось около двухъ съ половиною мѣсяцовъ, съ конца іюня и до начала сентября 1790 года.

Сохранилась собственноручная записка Екатерины, на клочкѣ бумаги, безъ означенія года и числа: «По городу слухъ, будто Радищевъ и Щелищевъ писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу: изслѣдовавъ, лучше узнаемъ».

Подъ 26 іюня 1790 года записано въ дневникѣ Храповицкаго: «Говорено о книгѣ: *Путешествіе отъ Петербурга до Москвы*. Тутъ разсѣваніе заразы французской; отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева»[1]).

Тогда же, 26 іюня, взятъ подъ стражу книгопродавецъ Зотовъ, продававшій книгу Радищева. Но самъ Радищевъ не былъ въ этотъ день арестованъ, какъ можно заключить изъ содержанія слѣдующаго письма.

27 іюня 1790 года графъ Безбородко писалъ графу Александру Романовичу Воронцову: «Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, оную читать изволила, и нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собою развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ. Почему, прежде формальнаго о томъ слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ *вы призвали предъ себя помянутаго г. Радищева*, и сказавъ ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его, вопросили его: онъ ли *сочинитель* или *участникъ* въ состав-

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, по подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. 1874, стр. 338.

ленія сея книги; кто ему въ томъ способствовалъ; гдѣ онъ ее печаталъ; есть ли у него домовая типографія; была ли та книга представлена на цензуру управы благочинія или же напечатанное въ концѣ книги: *съ дозволенія управы благочинія* есть несправедливо. При чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, если, при упорномъ несправедливо отрицаніи, дѣло слѣдствіемъ откроется. *Ея величество будетъ ожидать, что онъ покажетъ*».

Но въ тотъ же день, 27 іюня, Безбородко извѣщалъ Воронцова о перемѣнѣ рѣшенія: «Спѣшу предувѣдомить ваше сіятельство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ»[1]).

30 іюня Радищевъ былъ уже въ крѣпости. Дежурный подполковникъ Дмитрій Горемыкинъ доносилъ Шешковскому, 7 іюля 1790 года: «Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Радищевъ, съ даннымъ мнѣ отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и кавалера графа Якова Александровича Брюса ордеромъ къ его превосходительству г. генералъ-маіору и с.-петербургскому оберъ-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышову, минувшаго *іюня 30, по полудни въ девять часовъ*, показанному г. генералъ-маіору доставленъ».

Радищеву предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ, представляющихъ дословное сходство съ замѣчаніями Екатерины, какъ напримѣръ:

Замѣчанія Екатерины.	*Вопросные пункты Радищеву.*
На страницѣ 341 начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина; на 349 кончится сими	Начиная съ страницы 341 по 349, въ концѣ разсужденія о проданной съ молотка семьи за долги, помѣщены сіи слова:

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII. стр. 199—201.

словами: *и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то есть надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ.

Съ 350 до 369 содержится, по случаю будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ царямъ грозится плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. О сей одѣ спросить сочинителя, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ сложена.

и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*, то что̀ вы подъ оными разумѣете?

Начиная съ 350 до 369 стр. помѣстили вы, по случаю будто бы стихотворчества, оду совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ угрожаете плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами, и сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія; то скажите, въ какомъ смыслѣ она писана и кѣмъ сложена? [1])

Письменныя показанія по вопроснымъ пунктамъ Радищевъ давалъ втеченіе трехъ дней — 8, 9 и 10 іюля.

Рукою Шешковскаго написано: «Пожалуйте, объясните:

1) Гдѣ вы жили въ приходѣ и у которой церкви?
2) Кто у васъ и семьи вашей отецъ духовный?
3) Когда вы и семья ваша были у исповѣди и святаго причастія»?

Радищевъ отвѣчалъ, также письменно и собственноручно:

«1) Жительство имѣлъ въ приходѣ Знаменія.
2) Отецъ мой духовный былъ протоіерей церкви Богоматери Владимірскія, если помню хорошо, Дмитрій; онъ же былъ и духовникъ моей семьи. Но когда его перевели въ другой приходъ, то семья моя имѣла духовникомъ священника младшаго церкви Знаменія.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V. стр. 430—443.

3) Я не былъ у исповѣди и причастія, кажется, лѣтъ пять или шесть. Домашніе же мои, по причинѣ болѣзней, не были только въ нынѣшнемъ году, въ намѣреніи исправить оное въ августѣ мѣсяцѣ».

Въ книгахъ, поданныхъ отъ церкви Входа въ Іерусалимъ, что у Лигова канала, значится (1789 г.): Портовой таможенный полковникъ Александръ Радищевъ, 41 года. Дѣти его: Василій 12, Николай 10 лѣтъ. У исповѣди и св. причастія всѣ были.

Весьма подробно также допрашивали книгопродавца *Зотова*. Приводимъ его показанія:

1.

— 28 іюня 1790 года «допрашиванъ и показалъ: Отъ роду ему 25 лѣтъ. Зовутъ его Герасимъ Козьминъ сынъ Зотовъ. С.-Петербургскій третьей гильдіи купецъ; производитъ торгъ книгами, гостинаго двора по суконной линіи, въ лавкахъ подъ № 15 и 16. Съ мѣсяцъ времени какъ познакомился онъ съ приходящимъ къ нему въ лавку купцомъ, торгующимъ въ Москвѣ, Петромъ Михайловымъ сыномъ Сидѣльниковымъ, который недѣли съ три назадъ принесъ для продажи къ ему книгу подъ названіемъ *Путешествія отъ Санктпетербурга до Москвы*, одинъ экземпляръ. На другой же день послѣ того пришедъ къ ему, Зотову, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ купить у его сихъ книгъ. По чему онъ, Зотовъ, согласясь, приказалъ ему принести. Отъ коего на другой день и получилъ двадцать пять экземпляровъ [1]), изъ коихъ отдано было имъ въ переплетъ двадцать шесть, а остальные проданы были безъ переплета разнымъ людямъ — съ переплетомъ по два рубли тридцати пяти копеекъ, а безъ переплета по два рубли. Печать была сихъ

[1]) Не *двадцать пять* экземпляровъ, а *пятьдесятъ*, какъ говорится во второмъ показаніи. Двадцать пять экземпляровъ получено Зотовымъ, какъ видно изъ третьяго его показанія, лично отъ Радищева. Что въ первомъ показаніи число 25 экз. поставлено по ошибкѣ, очевидно уже изъ того, что *изъ нихъ* отдано въ переплетъ 26.

книгъ с.-петербургская. И по надписи: «съ дозволенія управы благочинія» не публиковалъ, а продавалъ безъ публикаціи. Отъ помянутаго купца Сидѣльникова хотя онъ и требовалъ для продажи еще сихъ книгъ, но онъ, по неимѣнію ихъ, болѣе дать отказался. Гдѣ же здѣсь онъ, Сидѣльниковъ, жительство имѣетъ, онъ не знаетъ, а думаетъ, что онъ, какъ ему проговаривалъ нерѣдко, уѣхалъ въ Москву. Сего же мѣсяца 26 дня взятъ онъ, Зотовъ, подъ стражу и представленъ къ оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и гдѣ въ типографіи печатана, того онъ не знаетъ; по литерамъ же узнаетъ печать похожую на Шнорову. Кто же сіи книги отъ неизвѣстныхъ особъ покупалъ, о томъ показываетъ подписаннымъ имъ регистромъ, и симъ утверждаетъ по сущей правдѣ. Къ сему допросу купецъ Герасимъ Зотовъ руку приложилъ».—

2.

—29 іюня 1790 года, показалъ на допросѣ: «Извѣстную книгу «Путешественникъ въ Москву» подлинно получилъ онъ отъ московскаго купца 50 экземпляровъ, и хотя онъ ее и читалъ, но только, по глупости своей, не могъ онъ думать, что она противная правительству потому болѣе, что на ней выставлена цензура управы благочинія. На что̀ сказано ему, что въ управѣ въ послѣднемъ листу книги цензуры не выставливаютъ, а пишутъ въ началѣ книги. На что̀ онъ сказалъ: это правда; что у него книгъ до 5000, но цензура выставлена въ первой страницѣ, а не внизу. На что̀ ему сказано: «сія-то разница и удостовѣряла и вразумляла тебя, что сія книга есть пасквиль». На что̀ онъ сказалъ: «теперь я и самъ вижу, что эта книга невѣрная. А что о ней не объявилъ, въ томъ виноватъ». Сочинителя книги онъ подлинно не знаетъ, а только многіе гостиподворцы и писари Радищева ему говорили, что де эта книга печатана въ типографіи Радищева, но точно ли у него оная печатана, сего онъ утвердить не можетъ. Но, по помянутому слуху,

думаетъ онъ, что *можетъ быть та книга подослана и отъ Радищева, а о семъ думаетъ онъ потому, что Радищевъ могъ подослать и съ-сердцовъ за тд, что онъ, по доносу его о неявленныхъ товарахъ, получилъ изъ таможни тысячъ до семи, а Радищеву, по простотѣ своей, ничѣмъ не поклонился.* Сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. Какъ же *многіе стали спрашивать*, то онъ, по объявленному слуху, что она печатана у Радищева, къ нему ходилъ; а какъ спросилъ онъ Радищева, не продастъ ли онъ той книги еще нѣсколько экземпляровъ, то онъ съ негодованіемъ сказалъ, что нѣтъ. И послѣ спрашивалъ его: «кто жъ тебѣ сказалъ, что эта книга моя?» Онъ оторопѣлъ, и не сказавъ, отъ кого о семъ слышалъ, изъ дому его ушелъ. Послѣ чего онъ былъ спрошенъ: тѣ люди, о коихъ онъ показалъ, что они у него книги покупали, но если иногда можетъ быть запрутся, то можетъ ли чѣмъ ихъ онъ уличить? На что онъ сказалъ съ совершенною горестію: «чѣмъ мнѣ ихъ уличить, — я погибъ; воля всемилостивѣйшей государыни и со мною, а я сказалъ правду». Какъ же онъ, Зотовъ, хаживалъ почасту къ Радищеву въ домъ, то видѣлъ самъ въ домѣ его типографію, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и его люди». —

3.

— «1790 года, іюля 6 дня. По соизволенію ея императорскаго величества, призванъ былъ въ домъ г. Шешковскаго купецъ Зотовъ и спрошенъ, самъ ли онъ лично получилъ отъ Радищева книги или чрезъ другихъ, и сколько. На сіе онъ отвѣчалъ, что лично отъ Радищева получилъ онъ на мѣну книгъ только 25 экземпляровъ, да отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, ему незнакомыхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, до 50. Объ ономъ московскомъ купцѣ думаетъ Зотовъ, что онъ — не московскій купецъ, а какой ни есть изъ таможенныхъ; а о другихъ людяхъ, которые приносили ему по два и по три экзем-

пляра, думаетъ онъ, Зотовъ, что они изъ его домашнихъ. Кому жъ оные продавалъ, всѣхъ тѣхъ людей именъ и прозваній не знаетъ, а кого вспомнилъ, о тѣхъ объявилъ, и именно:

1) Ивану Ивановичу Кушалеву.
2) Никитѣ Демидову. Купилъ дворецкій.
3) Купцу Варенкову. Въ желѣзн. линіи торг.
4) Камеръ-пажу Балашову.
5) Алексѣю Лукину Михайлову.
6) Какому-то сочинителю Николаю Петрову.
7) Ивану Яковлевичу. 2 экземп. При Ник. Ив. Рылѣевѣ.
8) Матвѣю Федоровичу Каштанинскому.

Наконецъ объявилъ, что послѣ того, какъ онъ въ домѣ оберъ-полицеймейстера былъ спрашиванъ, приходили къ нему въ лавку многіе незнакомые люди, и спрашивали его: «былъ ли ты у *духовника?*» Онъ, Зотовъ, спрашивалъ: «у какого?» Они отвѣтствовали: «у Шешковскаго». Но я де имъ говорилъ, что никогда не бывалъ, и его не знаю; а они ему на сіе говорили: «врешь ты, дуракъ; мы знаемъ, что былъ». —

4.

— «Іюля 8 дня. Онъ же, Зотовъ, спрошенъ былъ, не вспомнилъ ли онъ кого изъ тѣхъ, которые спрашивали, былъ ли у *духовника*, т. е. у Шешковскаго. На сіе онъ отвѣчалъ, что вспомнилъ. Прежде, нежели взятъ онъ былъ къ оберъ-полицеймейстеру, приходили къ нему двое въ лавку, и сторговавъ книжку, просили въ долгъ, такъ какъ де съ ними мелкихъ денегъ не случилось, а какъ я имъ сказалъ, что васъ не знаю, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «какъ ты не знаешь: вѣдь вы у насъ бумагу покупаете изъ лавки, я — Хлѣбниковъ», почему я имъ и повѣрилъ. Послѣ жъ того, какъ я былъ у оберъ-полицмейстера, то приходили они опять, и заплатя за ту книгу деньги, другой съ нимъ, Хлѣбниковымъ, бывшій спросилъ меня: «былъ ли ты у *духовника*» т. е. у Шешковскаго? Я ему отвѣчалъ, что не былъ и его не знаю;

но онъ мнѣ сказалъ: «врешь ты». Но имени и прозванія не знаетъ; примѣтою жъ онъ поплотнѣе сына Хлѣбникова, и на немъ былъ бриліантовый перстень сотъ въ шесть.

Также вспомнилъ онъ, что одинъ экземпляръ продалъ Амбодику. Когда жъ онъ, Зотовъ, спросилъ его, гдѣ тотъ экземпляръ, на сіе Амбодикъ отвѣчалъ, что онъ отдалъ частному приставу ихъ части, а приставъ оберъ-полицмейстеру». —

5.

—«1790 года, іюля 13 дня. Извѣстный книгопродавецъ Зотовъ, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, приведенъ въ крѣпость офицеромъ управы благочинія, и о чемъ по дѣлу надлежало, спрашиванъ и показалъ:

Во первыхъ сказано ему, Зотову, было: «въ первомъ допросѣ въ домѣ оберъ-полицеймейстера показалъ ты, что извѣстной книги: *Путешествіе изъ Санктпетербурга въ Москву* получилъ ты отъ какого-то московскаго купца 50 экземпляровъ, а во второмъ, въ домѣ г. Шешковскаго, когда сказано тебѣ было, что г. Радищевъ показываетъ, будто ты отъ него получилъ только 25 экземпляровъ, то ты показалъ, что 25 отъ него лично на мѣну книгъ точно получилъ, да кромѣ того, отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, кои приносили по два и по три экземпляра, до 50. Изъ чего и выходитъ разнь. Сверхъ же того Радищевъ и нынѣ утверждаетъ, что онъ болѣе 25 экземпляровъ тебѣ не давалъ, да и ни чрезъ кого къ тебѣ не присылалъ. А посему всемилостивѣйшая государыня требуетъ отъ тебя, чтобъ ты непремѣнно открылъ самую истину». На сіе онъ отвѣчалъ, согласно со вторымъ допросомъ: «воля ваша—что̀ я показалъ прежде, то̀ есть самая истина, и ничего не утаилъ».

Послѣ многаго увѣщанія призванъ былъ на очную ставку и г. Радищевъ, который и началъ его уличать такимъ образомъ: «ты, конечно, лжешь, что получилъ отъ какого-то московскаго купца Михайлова, и кромѣ тѣхъ, которые я тебѣ далъ 25 экзем-

пляровъ, ни отъ кого не получалъ», уличая его (какъ и прежде въ запискѣ, еще до привода Зотова, онъ написалъ) тѣмъ, что «ты послѣ того, какъ г. Шешковскій у оберъ-полицейместера тебя спрашивалъ, то присылалъ ко мнѣ приказчика Семена (имя сего показалъ Зотовъ послѣ) съ тѣмъ, что ежели меня будутъ спрашивать, продавалъ ли ты Зотову экземпляры, то де вы скажите, что не продавалъ, а что они у васъ изъ типографіи *пропали*». Зотовъ и противу сего нѣсколько запирался, и путался разнымъ образомъ. Почему г. Шешковскій говорилъ ему: «слушай, ты долженъ непремѣнно сказать правду, а то я пошлю за Семеномъ, и ежели онъ тебя въ семъ изобличитъ, то ты тогда жестоко наказанъ будешь». То онъ, наконецъ, обратясь къ г. Шешковскому, сказалъ: «Виноватъ. Это было дѣло такъ, и первые мои допросы оба несправедливы въ томъ, что я болѣе тѣхъ 25 экземпляровъ, которые получилъ отъ г. Радищева, ни отъ кого не получалъ».

На сіе сказано ему, Зотову: «Какую жъ ты имѣлъ причину лгать въ прежнихъ своихъ допросахъ, что получилъ отъ такого-то купца, а не прямо отъ Радищева». На сіе онъ говорилъ: «Я для того говорилъ такимъ образомъ, что г. Радищевъ, отдавая мнѣ оную книгу для продажи, просилъ меня, чтобъ я не сказывалъ, отъ кого оную получилъ, а притомъ де меня обнадеживалъ, что тебѣ ничего за сіе не будетъ, да я и самъ думалъ, что какъ скажу на неизвѣстнаго человѣка, то тѣмъ и его просьбу исполню и себя оправдаю». Какъ же де я показалъ сіе въ первомъ и во второмъ допросахъ, что получилъ оную отъ московскаго купца, то и теперь не хотѣлось отстать отъ прежнихъ словъ. Въ первыхъ же допросахъ показалъ ложь для того, думая, что г. Радищевъ отъ дачи оной книги отопрется, а ему уличить его нечѣмъ, то и опасался, что его доносу не повѣрятъ, за что онъ и претерпитъ наказаніе. Обѣщанія жъ такого, чтобъ сказать ложно, что у него *пропали* экземпляры изъ типографіи, Радищевъ ему не дѣлалъ, а выдумалъ онъ, Зотовъ, самъ собою, думая, что какъ Радищевъ скажетъ, что у него *пропали*, то ему

въ томъ и повѣрятъ. И для того посылалъ онъ, послѣ бывшаго ему у оберъ-полицеймейстера допроса, приказчика своего Семена къ г. Радищеву съ тѣмъ, чтобъ онъ его упросилъ о томъ, чтобъ Радищевъ показалъ, что у него *пропали* изъ типографіи 50 экземпляровъ. Но приказчикъ, возвратясь, сказалъ ему, что де Радищевъ такъ сказать не хочетъ, также и того, что будто бъ 50 экземпляровъ отдалъ онъ купцу московскому, говорить не хотѣлъ, а сказалъ, что де ему бояться нечего: «я не отопрусь, что книга *моя*», а того приказчика онъ посылалъ уговаривать о семъ Радищева для того, чтобъ его, Зотова, противъ прежняго показанія не сочли лжецомъ.

На все сіе сказано ему было: «Какъ же ты осмѣлился сіе сдѣлать:

1) Солгать, — ибо тебѣ сказано было, чтобъ ты показалъ самую истину, такъ какъ предстать предъ страшный судъ Божій, и что̀ сего требуетъ отъ тебя всемилостивѣйшая государыня.

2) Послѣ взятія съ тебя допроса обязанъ ты былъ подпискою, чтобъ ты о томъ, о чемъ г. Шешковскимъ спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не открывалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ наказанія; но ты на другой же день открылъ оное приказчику Семену, да еще послалъ его и къ Радищеву съ извѣщеніемъ, что ты Шешковскимъ спрашиванъ.

На сіе онъ говорилъ: «Въ семъ я виноватъ. Помилуйте. Я и самъ не радъ, что такъ сдѣлалъ».

По окончаніи всего вышеписаннаго, спрошенъ онъ, Зотовъ, былъ, не напечаталъ ли онъ, Зотовъ, гдѣ той книги вновь, и не послалъ ли въ Москву или куда на продажу. На сіе онъ съ клятвою говорилъ, что ей-ей не печаталъ, доказывая наконецъ тѣмъ, что де ее и напечатать такъ скоро нельзя, а надобно де ее печатать мѣсяца два, такъ какъ де она велика.

Также спрошенъ былъ: «по крайней мѣрѣ, не слыхалъ ли ты отъ кого, чтобъ ее еще гдѣ печатали?» На сіе отвѣчалъ: «*сочинитель Николай Петровъ*, о которомъ я въ прежнемъ до-

просѣ показалъ, что продалъ ему одинъ экземпляръ, въ одно время пришедъ ко мнѣ въ лавку, сказывалъ, что ее гдѣ-то въ чужихъ земляхъ печатаютъ на нѣмецкомъ языкѣ, а гдѣ именно, того не сказалъ. Болѣе жъ сего онъ ни отъ кого не слыхалъ. Оный же де сочинитель какъ прозывается, того онъ, Зотовъ, не знаетъ, а знаетъ де про его прозваніе полицеймейстеръ Жандръ. Жительство жъ имѣетъ онъ у Владимирской, по улицѣ отъ кабака ведернаго, противъ перваго двора Зеленова, въ худенькомъ домикѣ». —

—«А Радищевъ, противъ того, приказывалъ ли ему, Зотову, о себѣ никому не сказывать, на очной ставкѣ говорилъ, что онъ при дачѣ съ самаго начала книги наказывалъ ему, Зотову, чтобъ онъ до времени, чья это книга, никому не сказывалъ для того, чтобъ сперва услышать, какъ приметъ оную публика, т. е. ежели одобритъ, то онъ самъ себя объявитъ, а ежели публикѣ не понравится, то онъ и въ продажу ея болѣе не пуститъ». —

Хотя Зотовъ, на очной ставкѣ съ Радищевымъ, и отказался отъ своего прежняго показанія о томъ, что самъ Радищевъ говорилъ, что экземпляры книги его *пропали* изъ типографіи; но есть убѣдительное доказательство, что Радищевъ если и не говорилъ, то во всякомъ случаѣ писалъ объ этой пропажѣ или *покражѣ*. При самомъ началѣ дознанія, содержатель типографіи Иванъ Шноръ объяснилъ, что онъ, въ счетъ долга, состоящаго на Радищевѣ, просилъ прислать ему отъ пятидесяти до ста экземпляровъ книги, печатаемой подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующую, собственноручную, записку Радищева, на нѣмецкомъ языкѣ: Mit dem grössten vergnügen würde ich dem h. Schnoorr von dem buche exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins publico gegangen sind, sind *gestohlen*.

Тогда же, 13 іюля «Радищевъ, по поводу показанія Зотова о печатаніи книги его въ чужихъ краяхъ, спрошенъ былъ, не посылалъ ли онъ къ кому въ чужіе краи для напечатанія

книги своей. На что онъ сказалъ, что одинъ экземпляръ послалъ онъ въ Берлинъ къ г. Кутузову, но не для того, чтобъ ее напечатать, а для единаго прочтенія, при своемъ письмѣ, запечатавъ въ пакетѣ. Для пересылки жъ оный пакетъ отдалъ г. *Вальцу*, находящемуся при его сіятельствѣ вицеканцлерѣ, прося его, чтобъ онъ тотъ пакетъ съ книгою доставилъ чрезъ посланнаго куріера. И какъ помнится ему, что онъ Вальцу отдалъ тотъ пакетъ въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ съ шуриномъ его».

Всѣ показанія Радищева и Зотова были представлены Екатеринѣ, и она указала дальнѣйшій ходъ слѣдствія, и не дожидаясь окончанія его, велѣла судить Радищева, какъ уголовнаго преступника.

13 іюля 1790 года послѣдовалъ на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ графа Брюса указъ о преданіи Радищева уголовному суду.

16 іюля графъ Безбородко писалъ Шешковскому: «Возвращая допросы, отъ васъ, милостивый государь мой, присланные, имѣю честь извѣстить о высочайшемъ соизволеніи ея императорскаго величества, чтобъ ваше превосходительство объ упоминаемомъ тутъ *сочинителѣ Николаѣ Петровѣ* освѣдомилися и у него спросили о касающемся до него, такъ какъ и отъ *Вальца* узнали, послалъ ли онъ пакетъ и къ кому именно, да и сказано ли ему было что-либо о семъ пакетѣ или книгѣ. О купцѣ *Зотовѣ* государыня находитъ нужнымъ справиться образомъ повальнаго обыска, какого онъ поведенія и нѣтъ ли за нимъ еще какихъ худыхъ дѣлъ, а тогда и можно будетъ его выслать изъ столицы въ какой-либо городъ, гдѣ меньше худыхъ книгъ читаютъ».

По указанію императрицы, допрошены были: состоявшій при вицеканцлерѣ *Вальцъ* и сочинитель *Николай Петровъ*.

На вопросъ о пакетахъ, въ которыхъ были сочиненія Радищева, Вальцъ отвѣчалъ: «Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ. Получилъ же ихъ чрезъ моего шурина, капитана Девиленева, который служитъ

при таможнѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ куріеромъ отправить; но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были. А распечаталъ оные потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большаго конверта одну сторонку, и вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это *та книга, о которой по всему городу говорятъ*. А послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, что̀ въ немъ посылается, и нашелъ, что и тутъ книжки. Почему оба оные конверты въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то бы я могъ ихъ отдать. Были ль же въ тѣхъ конвертахъ письмы, того сказать не могу, потому что я, распечатавъ оные конверты, и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оныя въ кабинетъ положилъ, и ихъ не читалъ, что̀ доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь, при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ. Надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Валицъ».—

Сочинитель *Николай Петровъ* оказался отставнымъ поручикомъ *Николаемъ Петровичемъ Осиповымъ*, добывавшимъ себѣ пропитаніе литературными трудами. Онъ работалъ весьма усердно на избранномъ имъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ французскаго онъ перевелъ, между прочимъ, Донъ-Кихота: «Донъ-Кишотъ ла Манхскій, сочиненіе Сервантa». Съ нѣмецкаго перевелъ: «Алкивіадъ, соч. Мейснера»; «Дѣтская физика, или разговоры отца съ дѣтьми своими касательно до первыхъ понятій естественной науки, соч. Шица» и др. Онъ составилъ довольно много книжекъ въ такомъ родѣ: Подробный словарь для сельскихъ и городскихъ охотниковъ и любителей ботаническаго, увеселительнаго и хозяйственнаго садоводства; Карманный коновалъ; Псовый лѣкарь; Опытный винокуръ; Любопытный, загадчивый, угадчи-

вый и предсказчивый мѣсяцословъ, и т. п. Ему же принадлежатъ: Виргиліева энеида, вывороченная наизнанку и Овидіевы любовныя творенія, переработанныя въ Энеевскомъ вкусѣ. Онъ издавалъ и еженедѣльникъ подъ названіемъ: Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ. Въ одномъ 1790 году, памятномъ для него по бесѣдѣ съ Шешковскимъ, Осиповъ издалъ нѣсколько вещей, а именно: Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь; Бездушный говорящій, или повѣсть булавки и ея знакомыхъ, — пер. съ нѣмецкаго; Англинскія письма, или приключенія госпожи Клевеландши, — пер. съ французскаго, и т. д.

По дѣлу Радищева Н. П. Осиповъ далъ слѣдующее, собственноручное, показаніе:

—«1790 года, іюля 17 дня. Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ, на вопросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шешковскаго, объявилъ: Назадъ тому недѣли три или четыре приходилъ онъ въ квартиру коллежскаго асессора Петра Богдановича для прошенія имѣющагося на немъ долгу за переводы съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ имъ, Осиповымъ, книгъ. И въ то время Богдановичь спросилъ его, Осипова, нѣтъ ли у него книги, называемой *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*. На что онъ, Осиповъ, ему сказалъ, что у меня та книга была, но онъ для прочтенія отдалъ ее господину генералъ-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богдановичь спросилъ: «гдѣ ты ту книгу досталъ?» На что Осиповъ отвѣчалъ ему, что купилъ ее въ книжной лавкѣ у купца Зотова за 2 р. 40 к. Богдановичь сказалъ на сіе, что посылалъ къ нему въ лавку, но ея не досталъ; также спрашивалъ и въ домѣ у Радищева, но и тамъ ея не получилъ. Между тѣмъ говорилъ, что слышалъ онъ, будто та книга въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ — не помню — печатается или переводится. И послѣ того онъ, Осиповъ, будучи въ книжной лавкѣ у купца Зотова, послѣ того, какъ онъ, *пропадавши нѣсколько дней*, явился, между разговорами пересказалъ ему слышанное имъ отъ Богдановича о печатаніи той книги въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Оная книга здѣсь или въ дру-

гихъ городахъ печатается или нѣтъ, онъ, Осиповъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Но *судя по великому любопытству публики къ той книгѣ*, нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать. Службу онъ, Осиповъ, продолжалъ сначала лейбъ-гвардіи въ измайловскомъ полку солдатомъ и капраломъ; потомъ выпущенъ въ володимирскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ, гдѣ былъ и подпоручикомъ. А послѣ того, въ 1781 году, за болѣзнями отставленъ на свое пропитаніе съ награжденіемъ поручичья чина. Обучался на своемъ коштѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ и архитектурѣ. О семъ, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не будетъ, въ чемъ и подписуюсь. Поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ».—

По справкамъ, собраннымъ о *Зотовѣ*, оказалось, что онъ записался, въ 1789 году, изъ московскихъ купцовъ въ петербургскіе иногородные гости; ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ; всѣ знающіе его купцы объявили, что онъ всегда былъ поведенія хорошаго, и ни въ какихъ подозрительныхъ поступкахъ никѣмъ не замѣченъ. Такимъ образомъ не предстояло надобности выслать «туда, гдѣ худыхъ книгъ не читаютъ». Но очная ставка съ Радищевымъ не прошла ему даромъ: онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости.

21 августа 1790 года содержащемуся въ с. петербургской крѣпости *Зотову* объявлено слѣдующее:

«На очной ставкѣ, по уличенію Радищева, самъ ты признался, что получилъ оную книгу лично отъ него, Радищева, и не болѣе, какъ двадцать пять экземпляровъ, слѣдовательно, въ первыхъ своихъ показаніяхъ говорилъ ты о всемъ ложь, за что̀ и достоинъ ты былъ строжайшаго по законамъ осужденія. Но ея императорское величество, изъ матерняго своего милосердія, вмѣня тебѣ содержаніе подъ стражею въ наказаніе, а притомъ и въ разсужденіи заключенія съ королемъ шведскимъ мира, всемилостивѣйше указать соизволила изъ подъ стражи

тебя освободить, съ таковымъ однакожъ высочайшимъ ея императорскаго величества подтвержденіемъ, чтобъ ты впредь при судѣ отнюдь лгать не отваживался, подъ опасеніемъ неминуемаго уже съ тобою по законамъ поступленія. Причемъ напоминается тебѣ, чтобъ ты о томъ, гдѣ содержался, и о чемъ былъ здѣсь спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не сказывалъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ тожъ строжайшаго по законамъ наказанія».

Вся отвѣтственность и вся тяжесть наказанія *пала на Радищева.*

Въ именномъ указѣ графу Брюсу, 13 іюля 1790 года, говорится: «Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сея книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который учинилъ въ томъ признаніе и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда въ с. петербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, взнесть оный въ сенатъ нашъ».

Въ уголовную палату не было сообщено ни показаній Радищева, ни его повинной и вообще никакихъ данныхъ, относящихся къ предварительному слѣдствію. Сообщать объ этомъ считали излишнимъ и неудобнымъ какъ потому, что слѣдствіе было келейное, такъ и потому, что Радищева спрашивали, не обидѣла ли его чѣмъ-либо Екатерина. Въ одно время съ указомъ, графъ Брюсъ получилъ отъ Безбородко наставленіе, какъ слѣдуетъ вести дѣло въ уголовной палатѣ. Въ собственноручной запискѣ Безбородко сказано:

«Порядокъ, которымъ дѣло о преступленіи Радищева раз-

смотрѣно и рѣшено быть долженствуетъ, не можетъ быть иной, какъ слѣдующій:

Палата уголовнаго суда призоветъ его и спроситъ:

1) Онъ ли сочинитель книги?

2) Въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее?

3) Кто его сообщники?

4) Чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія?

По таковомъ допросѣ не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный, и оный объявя при открытыхъ дверяхъ, взнесть на разсмотрѣніе въ сенатъ.

Посему кажется, что ни допросовъ, ему по тайной экспедиціи учиненныхъ, ни его раскаяній, туда посылать не слѣдуетъ, ибо допросы келейные ему учинены быть долженствовали изъ предосторожности, какіе у него скрывалися умыслы и не далеко ли они произведены. Многія тутъ вещи никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ, и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество» отнюдь непристойно выводить предъ судомъ.

Раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ». —

Вопросы, указанные Безбородко, и были предложены Радищеву въ уголовной палатѣ. Его спрашивали: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? Чувствуете ли вы важность своего преступленія? и т. д. Палата приговорила: Радищева казнить смертію, а книгу его истребить. Въ приговорѣ своемъ, палата ссылалась и на уложеніе, и на воинскій уставъ, и на морской[1]).

---

[1]) Подробности суда надъ Радищевымъ, преимущественно въ уголовной палатѣ, изложены въ статьѣ В. Е. Якушкина: Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ. В. Е. Якушкина (Русская Старина. 1882. Сентябрь, стр. 457—532).

По тогдашнему порядку судопроизводства, палата препроводила свое рѣшеніе, для внесенія въ сенатъ, с. петербургскому главнокомандующему. До какой степени скоро велось дѣло о Радищевѣ, видно изъ слѣдующаго письма графа Брюса. 26 іюля 1790 года графъ Брюсъ писалъ графу Безбородко: «Я счелъ за нужное ваше сіятельство увѣдомить, что *вчерась ввечеру* я получилъ изъ уголовной палаты дѣло о господинѣ Радищевѣ, который приговоренъ, какъ на основаніи уложенія, такъ и по многимъ артикуламъ военнаго процесса и морскаго устава, къ смертной казни. Я то дѣло разсмотря и находя той палаты рѣшеніе правильнымъ, *сего же утра* представилъ правительствующему сенату, *о чемъ покорнѣйше прошу* ваше сіятельство *ея величеству донести*».

Разсмотрѣвши представленіе уголовной палаты, и постановляя свой приговоръ по дѣлу Радищева, сенатъ приводилъ статьи изъ уложенія, изъ законовъ временъ Петра Великаго и Елисаветы Петровны, и сверхъ того изъ законовъ Екатерины II. Въ уложеніи сказано: «А которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертію». Въ морскомъ уставѣ: «Ежели въ пасквилѣ про кого и правду напишетъ, то однакожъ, по разсмотрѣнію судейскому, наказанъ быть имѣетъ тюрьмою, сосланіемъ на галеру на время, шпицрутеномъ или инымъ чѣмъ». Въ указѣ императрицы Екатерины II, данномъ 4 іюня 1763 года, говорится: «Къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе люди, кои сами заражены *странными разсужденіями* о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ непринадлежащихъ, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ. По природному нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ, зараженныхъ *неспокойными мыслями*, матерински увѣщеваемъ удалиться отъ всякихъ *вредныхъ разсужденій*, нарушающихъ покой и тишину. А если сіе наше материнское увѣщеваніе не подѣйствуетъ, то преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва».

Сенатъ приговорилъ Радищева къ смертной казни: «по силѣ воинскаго устава, 20 артикула, отсѣчь голову».

Въ приговорѣ своемъ, сенатъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что Радищевъ, издавая книгу, скрылъ свое имя, «слѣдовательно не могъ себѣ льстить, чтобъ въ свѣтѣ его остроумнымъ сочинителемъ считали». Указомъ сената предписано было отобрать книгу Радищева у лицъ, названныхъ имъ при производствѣ дѣла въ уголовной палатѣ, и сжечь. Петербургскій губернаторъ получилъ устное приказаніе передать всѣ отобранныя книги Шешковскому. Возвратили свои экземпляры: Козодавлевъ, Державинъ и князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что онъ *истребилъ* свой экземпляръ, полученный отъ банковскаго совѣтника Хитрово, а о двадцати пяти экземплярахъ, находившихся у книгопродавца *Зотова*, управа благочинія увѣдомляла, что на квартирѣ, на которой онъ жилъ, не только никакихъ книгъ, но и *его самого не оказалось*.

Постановляя свой приговоръ о *дворянинѣ* Радищевѣ, сенатъ, на основаніи жалованной дворянству грамоты, окончательное рѣшеніе дѣла «предавалъ въ монаршее благоволеніе». Докладъ сената представленъ былъ 8 августа 1790 года. Недовольствуясь установленными для уголовнаго судопроизводства инстанціями, Екатерина сочла почему-то нужнымъ передать дѣло Радищева на разсмотрѣніе «совѣта ея величества», который учрежденъ былъ во время турецкой войны для совѣщанія собственно по военнымъ событіямъ, но въ который вносились и другаго рода дѣла, по особенному повелѣнію императрицы. Такое отступленіе отъ общепринятаго порядка объясняютъ различнымъ образомъ. Одни видятъ въ этомъ безпристрастіе Екатерины; Храповицкій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, 11 августа: «съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, *чтобъ не быть пристрастною*». Другіе полагаютъ, что дѣло перенесено въ совѣтъ по вліянію Безбородко, желавшаго смягчить участь подсудимаго. Но предположенія эти не подтверждаются

ни указаніями, сдѣланными самою Екатериною, ни собственноручною запискою графа Безбородко. Екатерина прямо указываетъ совѣту на два новыя, но не смягчающія, а усиливающія вину обстоятельства, незамѣченныя ни сенатомъ, ни уголовною палатою. Екатерина обращаетъ вниманіе на то, что Радищевъ нарушилъ вѣрноподданническую *присягу* и нанесъ своею книгою *личное оскорбленіе* императрицѣ, которое впрочемъ она презираетъ. Совѣтъ ограничился внесеніемъ въ свой, чрезвычайно краткій, протоколъ записки Безбородко, прибавивъ отъ себя нѣсколько словъ, удостовѣряющихъ, что воля государыни исполнена въ точности. 10 августа 1790 года въ засѣданіи совѣта читанъ былъ докладъ сената о Радищевѣ. Въ протоколѣ сказано: «А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что «ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился;* причемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что* въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго особѣ ея величества сказано*», — то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находитъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» [1]).

Весьма вѣроятно, что передавая дѣло въ совѣтъ, Екатерина имѣла въ виду, чтобы судебный приговоръ основанъ былъ на возможно большемъ числѣ *обвинительныхъ* данныхъ. Екатерина очень хорошо понимала, что дѣло Радищева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ процессовъ, и приговоръ по этому дѣлу вызо-

---

[1]) Архивъ государственнаго совѣта. Протоколы Совѣта. Протоколъ засѣданія 10 августа 1790 года.

ветъ различные толки въ обществѣ. Чѣмъ сложнѣе и ужаснѣе преступленіе, тѣмъ рѣшительнѣе можетъ дѣйствовать *правосудіе*, и тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можно назвать *милосердіемъ* какое-бы то ни было смягченіе опредѣленнаго законами наказанія. О впечатлѣніи, которое произведено не только самимъ приговоромъ, но и степенью его *смягченія*, можно судить по отзыву графа С. Р. Воронцова, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ. Воронцовъ писалъ: «такой приговоръ и такое смягченіе заставляютъ содрагаться»— la condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et *quel adoucissement* pour une étourderie... cela fait frémir[1]). Съ своей точки зрѣнія, Екатерина желала представить дѣло въ такомъ видѣ: Радищевъ совершилъ цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій, и *правосудіе* исполнило требованіе закона — приговорило преступника къ смертной казни; но я дарую ему жизнь, и, руководствуясь *милосердіемъ*, и забывая о личной обидѣ — объ оскорбленіи величества, смягчаю вполнѣ заслуженное наказаніе. Такая именно мысль проводится въ указѣ, окончательно рѣшившемъ судьбу Радищева. Въ указѣ, данномъ сенату 4 сентября 1790 года, говорится:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно.* За тако-

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1876. Книга IX, стр. 181.

вое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ»[1]).

Замѣчательно, что въ приведенномъ актѣ дословно повторяются обвиненія, послужившія поводомъ къ уголовному суду надъ Радищевымъ. Такимъ образомъ съ самаго начала процесса Радищевъ являлся въ сущности не подсудимымъ, а осужденнымъ, и суду оставалось только подобрать законы, опредѣляющіе наказаніе за вину. Такая роль прямо указана суду въ запискѣ Безбородко, принятой въ руководство уголовною палатою. Вопроса о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, не было да и не могло быть потому, что обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ. Въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина. Находя справедливымъ мнѣніе Монтескье, что правительству неудобно являться въ одно и тоже время и истцомъ

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Т. XXIII, № 16901.

и судьею, Екатерина писала въ своемъ наказѣ депутатамъ: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной». Многія поколѣнія судей и подсудимыхъ сошли въ могилу прежде, нежели судопроизводство подверглось коренному преобразованію. О необходимости преобразованія, извѣданной горькимъ личнымъ опытомъ, Радищевъ говорилъ и въ литературныхъ произведеніяхъ и въ дѣловыхъ бумагахъ — въ тѣхъ «мнѣніяхъ», которыя онъ представлялъ въ комиссію о составленіи законовъ.

VI.

Во время заключенія своего въ крѣпости Радищевъ томился неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство. Радищева преслѣдовала мысль о томъ, что̀ станется съ его несчастными дѣтьми. Вопросъ о долгѣ родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, затронутый въ Путешествіи, возставалъ передъ умомъ и чувствомъ узника, вызывая мучительное сознаніе виновности отца, погубившаго своихъ дѣтей. Подавленный горемъ, Радищевъ умолялъ Екатерину пощадить его не ради его самого, но ради дѣтей его, безвинно погибающихъ за преступленіе отца. Въ приливѣ отчаянія онъ безпощадно осуждалъ свой поступокъ и клеймилъ позоромъ свою книгу, надѣлавшую ему столько бѣдъ. Онъ совершенно искренно признавалъ себя преступникомъ въ отношеніи своихъ дѣтей, и заклиналъ ихъ никогда не заниматься литературою. Но въ эти минуты онъ говорилъ противъ самого себя, отвергая то̀, что̀ составляло живую потребность его духовной природы. Литературныя занятія были до такой степени ему по душѣ, что какъ только стихали первые порывы негодованія и раздраженія, онъ снова брался за перо, и мысли сами собой просились на бумагу.

Право читать и писать было единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, падавшимъ въ темницу Радищева. Обращаясь къ пред-

ставителю власти, Радищевъ говоритъ: «Богъ вамъ воздастъ, что не лишаете несчастнаго плачевнаго *удовольствія изъявлять свои мысли*. Благодареніе чувствительнѣйшее приношу за *священныя книги*. Читая ихъ, въ бѣдствіи нахожу утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ и, можно сказать, нѣкоторое ободреніе». Находясь въ крѣпости, Радищевъ, по свидѣтельству его сына, заказалъ художнику написать образъ святаго, вверженнаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истину; надпись на образѣ: «блаженны изгнанные правды ради» [1]).

Въ бумагахъ Радищева сохранилась повѣсть, написанная имъ въ крѣпости и обнаруживающая религіозное настроеніе автора. Изъ прочитанныхъ имъ книгъ особенно сильное впечатлѣніе произвела на него жизнь *Филарета милостиваго*, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству. Необычайная щедрость привлекала къ Филарету, въ его счастливые дни, массу нуждающихся, и повсюду прославила его имя. Съ перемѣною своей судьбы, изъ богача сдѣлавшись бѣднякомъ, онъ не переставалъ быть вѣрнымъ другомъ несчастныхъ, дѣлясь съ ними своими послѣдними крохами. У него осталась всего одна пара воловъ; запрягши ихъ, онъ отправляется въ поле на работу; тамъ узнаетъ онъ, что у бѣдняка-крестьянина неожиданно палъ волъ, и сейчасъ же отпрягаетъ своего вола и отдаетъ его крестьянину, и т. п. Радищевъ считалъ милосердіе самою высшею добродѣтелью; этимъ объясняется и выборъ сюжета для повѣсти, которую авторъ предназначалъ преимущественно въ назиданіе своимъ дѣтямъ, чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству. Съ цѣлію подѣйствовать на юныхъ читателей, придуманы различныя подробности, относящіяся къ воспитанію и образованію идеальнаго героя. Авторъ далъ полный просторъ своей фантазіи. За исключеніемъ нѣсколькихъ чертъ, заимствованныхъ изъ источника, повѣсть представляетъ рядъ описаній и размышленій, принадле-

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая. Александръ Николаевичъ Радищевъ. По воспоминаніямъ сына П. А. Радищева, стр. 409.

жащихъ самому автору. Въ общемъ ходѣ разсказа, въ эффектныхъ сценахъ, въ чувствительныхъ рѣчахъ выводимыхъ лицъ и т. п., отражается общее направленіе тогдашней беллетристики. Каковы бы ни были литературныя достоинства или недостатки произведенія, написаннаго Радищевымъ въ крѣпости, самая обстановка, среди которой оно явилось, придаетъ ему своего рода интересъ. Оно знакомитъ насъ съ внутреннею стороною темничной жизни Радищева, и должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности вообще.

Помѣщаемъ повѣсть Радищева въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ собственноручной рукописи автора:

—«Положивъ непреоборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои,—преграду, которую единое монаршее милосердіе разрушити можетъ; лишенный жизнодательнаго для меня веселія слышати глаголы устъ вашихъ; лишенный утѣшенія васъ видѣть; не имѣя даже и той малѣйшія отрады — бесѣдовати съ вами въ разлученіи, я простру къ вамъ мое слово, безнадеженъ — о бѣдствіе! — достигнетъ ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображеніе, сдѣлать васъ мысли моей присутственными, всечасно плачевный стонъ и восклицновеніе именъ вашихъ ударяетъ въ безчувственныя стѣны моего пребыванія. Но вся мечта ежемгнутно сокрушается, и бѣдствіе, умножаяся бѣдствіемъ, преломляетъ сердце и терзаетъ душу.

Почти младенцамъ вамъ сущимъ, я старался внятнымъ вамъ сдѣлать, что добродѣтель есть вершина всѣхъ нашихъ дѣяній и наилучшее украшеніе житія человѣческаго. А дабы сіи понятія врожденными, такъ сказать, въ васъ были, то старался я всякими способами возбудить въ васъ мягкосердіе, которое можно назвать физическимъ коренемъ добродѣтели. Я видѣлъ уже въ васъ начало благое моихъ трудовъ. Счастіе не допустило меня видѣть дальнѣйшіе въ томъ успѣхи и надежнѣйшую дать мягкосердію опору — разсудокъ благорасположенный. Отче всеблагій! призри на нихъ окомъ милосердымъ....

Шествіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдуя ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпитъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семъ благомъ подвигѣ, колико блестящія произойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣяніе, милость, будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣ-либо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду, повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на толико варварское убивство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не престаетъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятилъ. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ, легко къ совращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изящнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

Проходя повѣствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда-либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный *въ священныхъ* христіанскихъ *книгахъ*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражняяся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному

причтенъ быть, кто, забывая даже свое благосостояніе, старается ежечасно облегчать бѣдствія себѣ подобныхъ.

Филаретъ праведный родился въ Галатіи, во дни греческаго царствія, отъ родителей благородныхъ, почти убогихъ, но отличавшихся всегда своимъ безпримѣрнымъ благонравіемъ и страннопріимствомъ. Предки его, во время двѣнадцати первыхъ римскихъ кесарей, были почтены первыми въ государствѣ чинами; немалое во всѣхъ тогдашнихъ произшествіяхъ имѣли участіе; знатны, почитаемы, богаты чрезмѣрно, властительны. Но пріявъ христіанскую вѣру, претерпѣли изгнаніе, лишились всего имущества и еле животъ спасти могли, живучи въ убожествѣ и неизвѣстности. Съ того времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя имъ уже тó было при христіанскихъ царяхъ невозбранно; посвятя себя сельскому жительству, упражнялися въ земледѣліи, и пріобрѣтаемые избытки употребляли на угощеніе странныхъ и пришельцевъ. Въ семъ дому обитала поистинѣ благодать Вышняго, ибо стяжаніе онаго было незлобіе и кротость. Въ таковомъ семействѣ воспитанъ былъ Филаретъ. Благому примѣру навыкшая душа издѣтства укоренилась во благодѣяніи и явила свѣту дѣянія во благосердіи, почти невѣроятныя.

Отецъ Филаретовъ счастливыми нѣкоторыми оборотами могъ сдѣлать больше пріобрѣтеній, нежели его предки. Не отступая отъ призрѣнія странныхъ, онъ думалъ, что наилучшее употребленіе своего имѣнія будетъ то, которое онъ обратитъ на воспитаніе любезнаго своего Филарета. Утвердясь въ семъ намѣреніи, онъ сына своего отправилъ въ Аѳины. Если разумъ его предузнавать не могъ, каковъ будетъ плодъ его о сынѣ попеченія, душа его тò предчувствовала, въ чемъ и вѣра Христова его утверждала. Упованіе возлагая на Отца всѣхъ благъ, онъ хотя со слезами разстался съ Филаретомъ, но въ твердомъ увѣреніи, что благонамѣреніе его не будетъ тщетно.

Аѳины далеко уже тогда низнали отъ той славы, которую ей пріобрѣли знаменитые мужи, въ ней бывшіе въ разныя времена. Неощутительна уже была въ ея бесѣдахъ древняя аѳи-

ческая сланость, и многажды уже невѣжество и суевѣрія, возгнѣздившіяся въ портикѣ, простирали черное свое крыліе. Но отечество Ѳемистокла, Аристида, Платона и Сократа долго пребыло твердынею учености, простирая владычество любомудрія на своихъ побѣдителей. Аѳины были и въ сіе время училищемъ любомудрія и словесности, водворяя славныхъ витій, софистовъ и учителей христіанскихъ.

Изъ сельскаго своего пребыванія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, Филаретъ къ жертвеннику любомудрія принесъ незлобіе, благонравіе, кротость, навыкъ человѣколюбія и правила Христова евангелія. Чуждый всякія учености, отецъ его преподалъ ему ученія любомудрія своимъ примѣромъ; изустно же наставлялъ его заповѣдямъ Христовымъ. Онъ ему вѣщалъ: «чадо возлюбленное, помни всечасно, что умѣренность желаній, что любовь къ ближнему сдѣлаютъ человѣка счастливымъ во всякомъ состояніи. Послушай словесъ Христовыхъ и кого Онъ училъ блаженными быти: блажены нищіе духомъ, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивіи, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы. Радуйтеся и веселитеся, глаголетъ Богочеловѣкъ, мзда ваша многа. О чадо возлюбленное, коликое утѣшеніе, когда душа ничѣмъ не тревожится, и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодѣяніе! Коликое услажденіе — подавать пищу алчущему и жаждущему питіе!» Мать въ простотѣ души своей Филарету твердила: «возлюбленный, се слова священнаго писанія: блаженъ, иже и скоты милуетъ». Возможно ли, чтобы на таковыхъ началахъ любомудріе произрастило плевелы!

Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословіи, или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все, ему преподаваемое, было уже для него не новое; что все, что̀ другіе называли *понятіе*, въ немъ было то *чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навыкъ оному отъ сосца почти матерня.

«Всѣ вещи—говорилъ Филарету учитель его Ѳеофилъ—суть или сами по себѣ или отъ другихъ. Одни суть причины, другія—дѣйствія. Но восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что они существуютъ не сами собою, и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ».

«Отче — отвѣтствовалъ Филаретъ — съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся, и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: «кто зиждетъ все; кто живитъ; кто разрушаетъ, дабы оживить паки; кто путь измѣрилъ тѣлесамъ небеснымъ?» Потомъ вопросилъ себя паки: «ты живъ, но кѣмъ и какъ; кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается?» Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ коей теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже Его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильне».

«Всѣ вещи — говорилъ Ѳеофилъ — суть сложны или единственны, то есть несложны. Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣлеса, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части, разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться, разрушиться, измѣнить свой

видъ, умереть. Посему человѣкъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

Напротивъ того, если воображу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать неможно? Опричь математической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ — *мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли, — силы твои немощны и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Что̀ же мысль, или несложенное, производитъ? Конечно, несложенное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душею*. А поелику душа есть несложна, то и нераздѣлима — не можетъ разрушиться, не умретъ. Познай, о человѣкъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна и душа безсмертна».

«Отче—вѣщалъ Филаретъ—доселѣ я не чувствовалъ печали. Но отлученный отъ возлюбленныхъ моихъ родителей, воспоминая о нихъ, душа моя терзается, горитъ желаніемъ быть съ ними. Углубленный самъ въ себя, всѣ окрестные предметы почти исчезаютъ изъ очей моихъ; я чувствую нѣчто, отдѣляющееся отъ меня. Мысль мгновенно прелетаетъ въ жилище родившихъ меня; я съ ними бесѣдую, лобызаю ихъ чело. Но все мгновенно исчезаетъ. Зрю окрестъ себя—я не сходилъ съ мѣста. Два существа я въ себѣ чувствовалъ: одно было въ Аѳинахъ, другое — съ моими возлюбленными».

«Востечемъ мыслію — вѣщалъ Ѳеофилъ — въ тѣ времена, когда человѣкъ скитался по невоздѣланнымъ нивамъ, житію общественному былъ чуждъ. Опричь заблудшихъ въ пустыняхъ, мы дикаго человѣка находимъ обществующаго: онъ поемлетъ себѣ жену. Итакъ, первое основаніе къ общежитію есть *любовь*. О человѣкъ, познай колико природа до тебя была всещедра. Первое твое побужденіе къ общественному житію она основала

на усладительнѣйшемъ изъ всѣхъ чувствованій, и сіе чувствованіе изліяно щедрою рукою на всѣхъ животныхъ, побуждая ихъ къ обществованію, хотя временному. Итакъ, человѣкъ въ пустынномъ почти состояніи имѣлъ *обязанности*, имѣлъ *права*».

«*Право*, *обязанность* между супруговъ? — прервалъ Филаретъ — мнѣ кажется, сіи слова здѣсь употреблены несвойственно. Я неженатъ, но мнѣ кажется, что у мужа съ женою обязанность должна быть — *согласіе*, право — *любовь взаимная*. Вотъ что̀ я видѣлъ ежечасно̀ между моими престарѣлыми родителями. Одинъ въ разсужденіи другаго принужденія не ощущалъ; чего одинъ хотѣлъ, другаго желанія туда же обращалися».

«За правами супруговъ — продолжалъ Ѳеофилъ — слѣдуютъ права и обязанности взаимныя родителей и чадъ». «Любезный старецъ, — прервалъ паки Филаретъ — давно ли ты лишился своихъ родителей?»

Ѳеоф.: «Счастіе не допустило меня пользоваться ихъ о мнѣ призрѣніемъ. Родивъ меня, мать моя скончалася въ третій день; отецъ мой не могъ пренести сея печали — по прошествіи года скончался. Итакъ, не вкусивъ млека матерня, я осиротѣлъ сугубо, питаяся наемными сосцами».

Фил.: «Любезный старецъ, въ какомъ возрастѣ твои чада?»

Ѳеоф.: «Едва не нищенское состояніе, въ которомъ я остался по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить въ супружество и носить сладостное именованіе супруга и отца».

«Ахъ, любезный старецъ, — сказалъ Филаретъ — вниди въ домъ отца моего; въ немъ узришь все собраніе сихъ любезнѣйшихъ законоположеній чадолюбивой природы, румяною, но незагладимою чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей и чадъ. Внемли: — о хотя я малъ былъ, но помню, какъ бы теперь то̀ видѣлъ — мнѣ уже исполнилося семь лѣтъ; играя на дворѣ при глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ ногу. О если бы ты видѣлъ сѣтованіе возлюбленныхъ моихъ родителей о моей болѣзни; о если бы ты видѣлъ ихъ скорбь! Попеченіе ихъ было неусыпно; лишались они пищи и покоя, доколѣ

я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ назовешь сіе, любезный старецъ? *Обязанность*. Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованіе, назови: *горячность*. Ахъ, какъ не любить, какъ не чтить, кто насъ любитъ до изступленія. Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно, и если бы не была на то ихъ воля, я бы упрекалъ себѣ мое отъ нихъ отсутствіе».

Такимъ-то образомъ Филаретъ, шествуя въ ученіи любомудрія, доводами укрѣплялъ свои чувствованія, а изъ чувствованій своихъ новые почерпалъ доводы къ утвержденію умозрительныхъ истинъ любомудрія.

Филарету сотовариществовалъ во ученіи его Пробъ, юноша знатныя породы, котораго отецъ имѣлъ чинъ патриція. Одинаковыя склонности, одинаковое незлобіе души, скоро изъ товарищей сдѣлали друзей искреннѣйшихъ. Хотя состоянія ихъ были неравны, но въ храмѣ любомудрія сіе неравенство теряется совсѣмъ изъ виду, и тамъ, гдѣ отличествовать могли только остроуміе, прилежаніе и качества душевныя, знатность и богатство своей цѣны не имѣли.

Филаретъ съ Пробомъ были нераздѣльны. Жили они вмѣстѣ, пили и ѣли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ, бесѣдовали вмѣстѣ; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрѣпляя склонность ихъ сердецъ, явила свѣту примѣръ дружества отличныя твердости.

Лѣта ихъ ученія приходили уже къ окончанію, и послѣдніе мѣсяцы казалися Филарету столѣтіями: столь сильно возродилося въ немъ желаніе видѣть давшихъ ему жизнь. «О день вожделѣнный, о минута блаженная, въ которую я васъ узрю, возлюбленные мои родители! Боже — вѣщалъ Филаретъ, проливая слезы — Боже, сохрани жизнь угодниковъ твоихъ; Царь всещедрый, дай зрѣти ихъ, да облобызаю еще, уморщенныя въ благихъ подвигахъ, ихъ чела. Но почто смущаюся въ моемъ надѣяніи; неужели возвращеніе мое будетъ столь бѣдственно, что

ихъ не узрю.... Нѣтъ, нѣтъ. Въ Богѣ мое упованіе; бѣги мысль лютая, отчаяніе исчезни!»

Въ такихъ размышленіяхъ проходилъ послѣдній годъ пребыванія Филаретова въ Аѳинахъ. Помаваемый неизвѣстно(сті)ю будущаго и нетерпѣніемъ, онъ твердость обрѣталъ въ щедротѣ предвѣчнаго Отца.

Пробъ получилъ нечаянное извѣстіе, что отецъ его, поболѣвъ мало дней, скончался. Мать его, извѣщая его о семъ, звала его къ себѣ поспѣшно для того, что одержима была отчаянною болѣзнію. Письмо уже писано было не ею, но сестрою Проба: «Спѣши, любезный братъ, спѣши,—можетъ быть, радость твоего возвращенія дастъ силы родшей насъ, и сохранитъ ея жизнь». Пробъ получилъ другое письмо отъ епарха константинопольскаго: «Государь, сожалѣя о смерти твоего родителя, помня его великія заслуги, и желая утѣшить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводитъ тебя въ отцовское достоинство».

Лице возрыдавшаго Проба при читаніи извѣстія о кончинѣ отца своего и о болѣзни матери, начало паки оживляться румянцемъ веселости. Онъ отиралъ текущія еще изъ очей его слезы, объялъ выю любезнаго своего Филарета: «мой другъ возлюбленный! если Пробъ счастливъ, Филаретъ не отречется блаженству его быть сопричастенъ». Видя друга своего безмолвна, Пробъ вѣщалъ съ сокрушеніемъ: «мысль твою понимаю, но укоризна твоя несправедлива; ужели мой другъ думалъ, что чинъ патриція во мнѣ произвелъ радость. О возлюбленный, — продолжалъ Пробъ, проливая слезы — какъ могъ ты мыслить, чтобы другъ Филаретовъ радовался наслѣдію отца своего. Мысль возвышенія моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всѣхъ благъ, всѣхъ радостей, Пробу въ удѣлъ доставшихся, Филарету будетъ половина». Филаретъ, горестнымъ видомъ, отвѣтствовалъ: «о Пробъ, любезный Пробъ, не спѣши радостію; жизнь наша есть мгновеніе, счастіе — зыбь морская».

Пробъ, оставляя Аѳины, звалъ Филарета съ собою, а Филаретъ, горя желаніемъ видѣть своихъ родителей, охотно за

нимъ слѣдовалъ. Возвратившись въ Константинополь, Пробъ не имѣлъ удовольствія закрыть очей умирающей своей матери. За день до его пріѣзда она скончалася. «Увы — воскликнулъ Пробъ — почто мы не поспѣшили, почто»..... «Жизни нашей — вѣщалъ Филаретъ — мой другъ, ты самъ тò знаешь — предѣлъ неотвратимый. Немощны силы естественныя продлить ее или сократить на одну минуту. Болѣзнь матери твоей была конечная, опредѣленная естественно, да теченіе ея жизни скончаетъ. Ужели бы ты пожелалъ, чтобы Всесильный, творяй чудеса, жизнь матери твоей продлилъ на одинъ день токмо, да ты ее живу обрящешь. Но дерзая на таковое желаніе, не помыслишь, что болѣзненное терзаніе родшей тебя продлилось бы, и для чего? Въ твое утѣшеніе. О юноша, зри здѣсь самолюбіе твое, сокровенное подъ покровомъ сыновнія любви». Такимъ образомъ Филаретъ, утѣшая своего друга, на всѣ испытанія житейскія находилъ всегда оправдающую божественное провидѣніе причину, и не вознегодовалъ николи.

Пробъ, сопряженный съ Филаретомъ дружбою, давно уже помышлялъ, какъ бы въ тѣснѣйшій съ нимъ вступить союзъ; и смертію своихъ родителей ставъ начальникъ своего дома, вознамѣрился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою въ супружество. «Коликимъ чувствованіямъ — вѣщалъ Пробъ самъ себѣ — я тѣмъ удовлетворить могу. Осиротѣвшей сестрѣ моей дамъ надежную опору, другаго я дамъ отца; другъ мой мнѣ будетъ братъ, и — на чтò бы его согласія я получить не могъ — отдавая ему сестру мою, дамъ ему и половину, бóльшую половину, моего имѣнія».

Легко къ сему супружеству Пробъ могъ склонить сестру свою Ѳеозву. Воспитанная въ благонравіи и въ послушаніи къ родителямъ своимъ, брата своего почитая теперь своимъ отцемъ, она тѣмъ болѣе непрекословна была къ сему союзу, что въ Филаретѣ видѣла друга возлюбленнаго своего брата и юношу, всѣми отличными качествами украшеннаго. Филарета нашелъ Пробъ равно къ сему наклонна, ибо благая его душа, видя кра-

соту, благонравіе, цѣломудріе и кротость младой Ѳеозвы, любовію уязвленна стала. «Колико лестно Филарету, — вѣщалъ онъ Пробу, когда сей сдѣлалъ ему предложеніе о женитьбѣ—колико лестно другу твоему премѣнить имя сіе и называться твоимъ братомъ. О, мой возлюбленный, ты вѣдаешь, что душа моя давно уже къ твоей прилѣпилася, но теперь и паче будетъ съ нею воедино. Но сколь сердце мое ни горитъ желаніемъ совершить твое намѣреніе, позволь, чтобы я отдалилъ сію счастливую для насъ минуту; позволь, и за сіе на меня не сѣтуй, позволь, чтобы не было еще къ тому моего согласія.»—Мой другъ любезнѣйшій,—вскричалъ, вострепетавъ, Пробъ—что̀ слышу я; Филаретъ ли сіе вѣщаетъ?—«Не смущайся, возлюбленный, Филаретъ пребудетъ всегда тебѣ и себѣ неизмѣненъ. Требуя моего на женитьбу согласія, ужели ты забылъ, что большее моего согласія на сіе нужно и необходимо. Если въ волѣ моей иногда направлять мои желанія, и разсудку подлежитъ устремлять ихъ къ пути благому, опредѣленіе желаній не въ моей еще рукѣ, ибо я состою подъ властію. Запамятовалъ развѣ Пробъ, что родители мои живы»..... О любезнѣйшій мой,—сказалъ Пробъ, опомнившись и лобызая своего друга—ступай, поспѣшай, все къ отъѣзду твоему уже готово.—«Мой другъ,—вѣщалъ Филаретъ—я уже наказанія достоинъ. Сочти, сколько дней я у тебя умедлилъ — непростительный поступокъ: не долженствуетъ дружба совершаться на счетъ благоговѣнія къ родителямъ». Пробъ лобызалъ только своего друга, и понуждалъ его къ отъѣзду.

Отпустивъ Филарета, Пробъ, горя нетерпѣніемъ быть ему родственникомъ, вознамѣрился его предупредить и совершить бракъ сестры своей въ селѣ Филаретовыхъ родителей: «симъ способомъ предварю всѣмъ его отговоркамъ и возраженіямъ, въ вѣрномъ упованіи, что родители друга моего не восхотятъ оскорбить сердца любящаго (ихъ) сына и желающаго нарещися его братомъ». Исполненъ сего намѣренія, онъ вслѣдъ почти за Филаретомъ отправилъ все, что̀ нужно могло быть для соверше-

нія великолѣпнѣйшія свадьбы. Все, что въ тогдашнее время производили Европа, Азія и Африка изящнаго и драгоцѣннаго, все было собрано, и въ добавокъ всему Пробъ наполнилъ брачные сосуды многими тысячами сребра и злата. Но боясь, что Филаретъ не приметъ его безвременныхъ даровъ, и все посланное велѣлъ вручить отцу его и матери, сопровождая все письмомъ слѣдующимъ: «Пробъ патрицій благочестивымъ родителямъ возлюбленнаго Филарета. Другъ Филаретовъ къ родителямъ своего друга не можетъ иначе быть, какъ почитать ихъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Съ таковыми мыслями устроено сіе мое къ вамъ посланіе. Не отвергните, благочестивые старцы, сихъ недостойныхъ васъ даровъ, но пріимите ихъ, какъ приходящихъ отъ чистѣйшія души. Малѣйшее, чѣмъ я могъ предъ вами изъявить мою дружбу къ вашему сыну, суть сіи дары. Но лучшее, что онъ мнѣ дать можетъ, есть названіе брата — взять сестру мою себѣ въ жену, которая, цѣлуя васъ, проситъ на то вашего благословенія. Миръ вамъ и здравіе».

Между тѣмъ Филаретъ, разставшись со своимъ другомъ, поспѣшилъ въ село своихъ возлюбленныхъ родителей. На межѣ, отдѣляющей селитьбы ихъ отъ сосѣдей, построена была при дорогѣ гостинница, въ которой отецъ и мать Филаретовы, въ свободные часы отъ сельскихъ упражненій, ходили сами на угощеніе убогихъ, нищихъ и странныхъ. Уже солнце лучи свои скрывало въ нощную тѣнь; родители Филаретовы, угостивъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ для дальнаго пути проходящаго убогаго, намѣрены были возвратиться въ домъ свой, и стояли у воротъ гостинницы. Видятъ приближающуюся блестящую колесницу. «Куда лежитъ сей путь, — говорила мать — дорога проселочная, какому вельможѣ судьба довела направить стопы своя въ здѣшнюю весь»? Отецъ не отвѣтствовалъ ни слова, стоялъ въ изумленіи. Не успѣли они ничего примыслить, какъ Филаретъ, скочивъ съ остановившейся колесницы, вспѣлъ уже на ихъ выяхъ. «Филаретъ, сынъ возлюбленный! — Дражайшіе мои, о колико небо до меня было всещедро: васъ вижу, васъ лобызаю!

О колико отсутствіе тягостно любящему сердцу! — Любезный Филаретъ, чадо моего сердца!» Престарѣлые родители не въ силахъ были произносить другихъ словъ. Сладостныя минуты, веселіе неизреченное! Чѣмъ уста безмолвнѣе, тѣмъ сердце въ чувствованіяхъ избыточнѣе.

Услаждаяся бесѣдою своихъ родителей, Филаретъ забылъ на время о своей женитьбѣ. Но по осьми дняхъ его въ домѣ отчемъ пребыванія достигло онаго посланіе Проба. Отецъ Филаретовъ, прочитавъ письмо, пошелъ къ сыну, который тогда сидѣлъ съ матерью своею: «Не могъ я мыслить, чтобы Филаретъ мой любезный потаилъ отъ меня что-либо, но и тѣмъ важнѣйшее, что оно до блаженства его касается». Не могъ Филаретъ вообразить себѣ, чтобы Пробъ, не дождавшись его отвѣта, самъ пошлетъ къ отцу его на испрошеніе дозволенія о его бракѣ. Робкимъ взоромъ и прослезившимися очами смотрѣлъ онъ на отца своего, стараяся понять его мысль. «Прочти» — вѣщалъ старецъ, и не давъ ему письмо докончить чтеніемъ — «о любезный мой, благословеніе наше всегда съ тобою, да благословитъ тебя Всевышній на благое сіе дѣло!» Филаретъ упалъ къ ногамъ своихъ родителей, его благословляющихъ.

Пробъ, получивъ соизволяющее на бракъ сыновній отвѣтствіе отъ отца Филаретова, не медля нимало отправилъ сестру свою къ ея жениху, снабдивъ ее богатымъ приданымъ, и укрѣпивъ ей съ будущимъ ея супругомъ бо́льшую половину своего имѣнія. Самъ принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ ради усмиренія случившагося въ народѣ смятенія, обѣщаяся за сестрою слѣдовать, не теряя драгоцѣннаго времени.

Ѳеозва принята была сугубо съ честію и любовію отъ родителей Филаретовыхъ, отъ Филарета же встрѣчена яко любезнѣйшая невѣста и сестра друга безпримѣрнаго. Наслаждаяся взаимными чувствованіями, сердце услаждающими, всѣ они нетерпѣливо ожидали пріѣзда Проба. Время, имъ къ тому назначенное, давно уже протекло. Разные слухи, достигшіе до нихъ, о бывшихъ въ столицѣ возмущеніяхъ, ихъ тревожили. Нако-

нецъ, къ неизреченной ихъ печали, они получили извѣстіе, что въ царствіи послѣдовала перемѣна — что Пробъ со многими другими посланъ отъ новаго царя въ дальнѣйшія страны въ заточеніе и лишился оставшаго всего своего имѣнія.

Ѳеозва, желая исполнить приказаніе своего брата, и повинуяся уже начинающейся къ будущему ея супругу горячности, ускорила совершеніемъ брака, и, скорбя съ Филаретомъ о возлюбленномъ ихъ братѣ, искала отраду во взаимной ихъ горячности.

Филаретъ однакоже, боясь, чтобы злоключеніе его друга не простерлося на его сродниковъ, продалъ все приданое жены своея имѣніе и селитьбы своего отца, и переселился со всею своею семьею въ Пафлагонію, въ весь нарицаемую Амнія, и дабы жить въ неизвѣстности, перемѣнилъ названіе своего рода.

Распоряжая своимъ имѣніемъ, Филаретъ купилъ многія села, земли, устроилъ сады и домъ, не великолѣпный, но снабженный всѣмъ, что̀ къ нуждѣ и спокойствію житія нашего потребно. Оставшія же деньги отдалъ въ торгъ купцамъ тирскимъ и александрійскимъ.

Всевышній, вѣнчая горячность Филарета и Ѳеозвы, благословилъ плодомъ ихъ супружество. Ѳеозва по прошествіи года родила сына и чрезъ нѣсколько лѣтъ двухъ дочерей. Отецъ и мать Филаретовы, благословивъ своихъ внучатъ, на шестомъ году по женитьбѣ ихъ сына преставились, скончавъ безболѣзненно жизнь праведную въ смиреніи и незлобіи.

Филаретъ и Ѳеозва, упражняяся въ воспитаніи своихъ дѣтей, слѣдовали примѣру отшедшихъ къ Богу старцевъ въ угощеніи пришельцевъ и въ снабженіи нищихъ. Дѣти ихъ преуспѣвали въ ученіи и добрыхъ поступкахъ, и пришедъ въ совершенный возрастъ, вступили въ супружество, купно по волѣ родителей своихъ и слѣдуя своей склонности. И Филаретъ и Ѳеозва наслаждалися, видѣвъ благіе успѣхи во внучатахъ. Всѣ жили въ одномъ родительскомъ домѣ, ибо Филаретъ, отдавая дочерей своихъ въ супружество, избралъ себѣ въ зятья юношей, богатыхъ добрыми качествами паче, нежели имуществомъ.

Благословилъ Богъ Филарета богатствомъ, и казалося, чѣмъ онъ былъ щедролюбивѣе, тѣмъ имѣніе его множилось. Плодоносные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледѣліе одаряли его обильнѣйшими жатвами. Честность, вѣрность и счастіе въ торгу воздали ему сотичную мзду отъ употребленныхъ капиталовъ»[1]....

VII.

Радищевъ оставался въ ссылкѣ до самой кончины Екатерины II. По воцареніи Павла I отмѣнены многія распоряженія предшествовавшаго царствованія, и въ томъ числѣ и указъ о десяти-лѣтнемъ пребываніи Радищева въ Илимскѣ. Но отмѣна этого указа вовсе не служитъ признакомъ измѣнившихся воззрѣній на свободу печатнаго слова. Напротивъ того, стѣснительныя мѣры усилились въ весьма значительной степени. По свидѣтельству современниковъ, заботы о просвѣщеніи выражались тогда преимущественно въ учрежденіи строгой и бдительной цензуры, ограждающей умы отъ «обольстительныхъ напѣвовъ вольности», и т. п. Сокращеніе срока ссылки еще не снимало опалы съ сосланнаго литератора и не возвращало ему его гражданскихъ правъ. Надъ нимъ былъ учрежденъ надзоръ; письма его вскрывались; для перемѣны мѣста жительства требовалось особенное дозволеніе, и т. п. Вскорѣ по воцареніи, 23 ноября 1796 года, императоръ Павелъ повелѣлъ: «Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и *перепискою*».

6 декабря 1797 года Радищевъ писалъ императору Павлу: «Я живу нынѣ въ деревнѣ моей, наслаждаяся сельской жизни спокойствіемъ.... За толь великое благодѣяніе благословляю

---

[1]) Государственный Архивъ. VII. № 2760.

десницу, даровавшую мнѣ новую жизнь, прося Всевышняго, да продлитъ на многія лѣта вашего императорскаго величества здравіе и царствованіе, подъ которымъ вся Россія спокойствуетъ, счастливѣетъ, благоденствуетъ.... Желаніе видѣть (престарѣлыхъ родителей) возростало по мѣрѣ моего отъ нихъ отдаленія и усугубляемо было терзательною для чувствительныя души мыслію, что безразсуднымъ моимъ поступкомъ, въ несчастіе меня ввергнувшимъ, я навлекъ имъ много скорби, печали и убытка. Позволь, всемилостивѣйшій государь, мнѣ ѣздить къ нимъ на свиданіе; позволь, великій монархъ, да могъ бы я хотя однажды видѣть родившихъ меня и родительскаго себѣ испросить благословенія. Болѣзнь ихъ и древнія ихъ лѣта побуждаютъ опасаться, что не долго могутъ пользоваться благодѣяніемъ жизни. Я самъ хотя еще на пятидесятомъ году отъ рожденія, не могу надѣяться долголѣтняго продолженія дней моихъ, ибо горести и печали умалили силы естественныя. Взглянувъ на меня, всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта». Радищеву разрѣшено было съѣздить въ саратовскую губернію, для свиданія съ родителями, одинъ только разъ.

Дѣйствительнымъ освобожденіемъ своимъ Радищевъ обязанъ преемнику Павла I. Въ первые же дни своего царствованія императоръ Александръ I «простилъ и освободилъ» всѣхъ тѣхъ, которые осуждены были ненавистною ему тайною экспедиціею. Число освобожденныхъ, имена которыхъ названы въ четырехъ спискахъ, представленныхъ государю, простирается до ста пятидесяти шести.

Въ первомъ спискѣ помѣщены: заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста, съ лишеніемъ чиновъ и дворянскаго достоинства.

Во второмъ спискѣ — заключенные и сосланные безъ лишенія чиновъ и дворянства.

Въ третьемъ спискѣ — содержащіеся въ крѣпостяхъ и сосланные на поселеніе и въ работу, не имѣющіе чиновъ.

Въ четвертомъ спискѣ — разосланные по городамъ и въ деревни подъ наблюденіе и присмотръ земскихъ начальствъ.

Въ первомъ спискѣ осужденныхъ находится и «Радищевъ, *бывшій* коллежскій совѣтникъ; въ калужской губерніи».

12 марта 1801 года императоръ Александръ I взошелъ на престолъ, а 15 марта тогоже года изданъ манифестъ, въ которомъ сказано: «Желая облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, въ тайной экспедиціи производившимся, препровождаемъ при семъ четыре списка, всемилостивѣйше прощая всѣхъ, поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство, и повелѣвая сенату нашему *освободить ихъ немедленно* изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ пребыванія, и дозволять возвратиться, *кто куда пожелаетъ*, *уничтожая* надъ послѣдними и порученный *присмотръ*» [1]).

Указомъ капитулу, 29 сентября 1801 года, Радищеву возвращенъ былъ и орденъ св. Владиміра четвертой степени, пожалованный ему въ 1784 году.

Радищеву не только возвращены его гражданскія права и служебныя отличія, но онъ призванъ былъ правительствомъ къ участію въ трудахъ, предпринятыхъ въ области законодательства. Довѣріе правительственныхъ лицъ къ Радищеву, къ его образованности и здравому пониманію юридическихъ вопросовъ, выразилось въ назначеніи его членомъ комиссіи о составленіи законовъ.

Императоръ Александръ I возлагалъ большія надежды на дѣятельность законодательной комиссіи. Онъ думалъ, что пришло наконецъ время преобразовать наше судопроизводство и оградить отъ произвола какъ приговоры судовъ, такъ и участь подсудимыхъ. Въ такомъ именно духѣ написанъ рескриптъ графу

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 584—588. № 19784.

Завадовскому, которому поручалась комиссія въ непосредственное управленіе[1]). Въ рескриптѣ говорится: «Поставляя въ единомъ *законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства, и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ *счастливыя времена*, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ *навѣки*, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т. е. втеченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда *всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго; мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго; безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*».

Чтобы внести свѣтъ въ эту мрачную область, Александръ I указывалъ комиссіи необходимость составить общій, руководящій, планъ работъ по различнымъ отраслямъ законодательства и выбрать въ члены комиссіи людей, вполнѣ способныхъ и подготовленныхъ къ этимъ работамъ.

Прежде всего необходимо было, по мнѣнію императора Александра I, разсмотрѣть всѣ матеріалы, находящіеся какъ въ комиссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. А матеріаловъ накопилось великое множество, съ половины семнадцатаго столѣтія и до начала девятнадцатаго. Для разбора этихъ матеріаловъ учреждаемы были, въ разныя времена и подъ разными названіями, комиссіи, но для успѣшнаго хода работъ не доставало главнаго — общаго плана. Императоръ Александръ I находилъ, что

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, стр. 682—685. № 19904.

«разнородной массѣ предположеній» надо «дать образъ и *единство*», и тогда можно будетъ надѣяться, что возникнетъ довольно твердое основаніе къ лучшему законоположенію.

Касательно выбора людей въ комиссію императоръ Александръ I замѣтилъ, что когда будетъ составленъ и утвержденъ общій планъ, то «съ симъ планомъ сообразить и самый составъ комиссіи, держась того правила, что не количество, а *качество* людей успѣхъ удостовѣряетъ».

Число членовъ комиссіи о составленіи законовъ, во времена Радищева, было весьма ограничено. Постановленія комиссіи подписывались предсѣдателемъ, графомъ Завадовскимъ, и членами: Ананьевскимъ, Пшеничнымъ, Прянишниковымъ, *Радищевымъ* и Ильинскимъ. Всѣхъ чаще подавалъ особыя мнѣнія Прянишниковъ.

Радищевъ вступилъ въ комиссію уже съ надломленными силами, и преждевременная смерть прервала труды его въ самомъ ихъ началѣ. Со времени опредѣленія его въ комиссію и до его кончины прошло всего тринадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ четыре проведены имъ въ Москвѣ, куда онъ уѣзжалъ по случаю коронаціи.

6 августа 1801 года данъ былъ слѣдующій указъ правительствующему сенату: «Въ комиссіи сочиненія законовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячѣ пятисотъ рублей на годъ». Въ журналѣ комиссіи о составленіи законовъ, 13 августа 1801 года, записано: «Опредѣленный по именному его императорскаго величества указу, данному сенату сего августа въ 6 день, членомъ въ комиссію сочиненія законовъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ въ присутствіе въ комиссію вступилъ».

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи Радищева въ комиссію, 17 августа 1801 года, графъ Завадовскій прислалъ ей такое предложеніе: «По случаю отъѣзда моего въ Москву, на время пребыванія тамъ его императорскаго величества для высочай-

шей коронаціи, нужнымъ нахожу быть при мнѣ члену оной комиссіи коллежскому совѣтнику Радищеву».

Радищевъ воротился изъ Москвы 21 декабря 1801 года, и 23 декабря вступилъ въ комиссію; тогда же ему вручены были орденъ и лента, присланные изъ капитула еще въ октябрѣ. Въ послѣдній разъ Радищевъ былъ въ засѣданіи комиссіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти [1]).

Въ чемъ же выразилась дѣятельность Радищева въ законодательной комиссіи? Извѣстія объ этомъ весьма неопредѣленны и сбивчивы; они составлены большею частью по слухамъ, которые еще требуютъ подтвержденія, а потому и не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными источниками. Тщательная провѣрка тѣмъ необходимѣе, что всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, *опередившемъ свой вѣкъ*, основываются главнымъ образомъ на Путешествіи и на *трудахъ въ законодательной комиссіи*.

О дѣятельности Радищева въ законодательной комиссіи и о составленномъ имъ проектѣ говорится всего подробнѣе въ біографическомъ очеркѣ Радищева, написанномъ его младшимъ сыномъ, Павломъ Александровичемъ; есть и нѣсколько другихъ указаній.

Въ собственноручной запискѣ старшаго сына Радищева, Николая Александровича, сказано только слѣдующее касательно участія А. Н. Радищева въ трудахъ комиссіи: «По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александру Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха, и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ *членомъ комиссіи*

---

[1]) Архивъ бывшаго втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи:

Журналы комиссіи составленія законовъ 1801 и 1802 годовъ.

Дѣла комиссіи. V разр. Ч. I. Отд. 3. № XXIII.

о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ, и *ревностно приступилъ къ отправленію своей должности*; но здоровье ему измѣнило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость» и т. д. [1]).

Николай Александровичъ Радищевъ передалъ свою записку князю Петру Андреевичу Вяземскому. На рукописи, полученной отъ Радищева-сына, князь Вяземскій сдѣлалъ такую приписку: «Радищевъ-отецъ, *кажется*, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія *проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ*, и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній».

Пушкинъ, въ статьѣ своей о Радищевѣ, говоритъ слѣдующее: «Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ тò, чтò можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ, и приказалъ ему изложить свои *мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій*. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и *въ проектѣ, представленномъ начальству*, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ» [2]).

Позднѣйшій біографъ Радищева, младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, сообщаетъ такого рода подробности: «Радищевъ, помѣщенный въ комиссію составленія законовъ, занялся сочиненіемъ *уложенія*, и уже составилъ *проектъ гражданскаго уложенія*, полагая представить его графу Петру Васильевичу Завадов-

---

[1]) Русская Старина. 1872. Ноябрь, стр. 580—581, 573.

[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 350.

скому, предсѣдателю комиссіи. Для составленія *уголовнаго уложенія* онъ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Англію, въ видахъ изученія тамошнихъ уголовныхъ законовъ, и изслѣдовать на мѣстѣ публичное судопроизводство и учрежденіе *присяжныхъ* (jury). *Проектъ гражданскаго уложенія*, сочиненный въ Петербургѣ, переписанный набѣло его рукою, былъ ввѣренъ Василію Назарьевичу Каразину, удержанъ имъ и потерянъ. Мнѣнія Радищева вообще таковы: онъ расходился въ убѣжденіяхъ со Сперанскимъ, написавшимъ, при изданіи Свода законовъ, что Россія не имѣетъ нужды въ новыхъ законахъ, а только нужно привести старые въ систематическій порядокъ, и что даже невозможно Россіи дать новое уложеніе. Радищевъ, напротивъ, допускалъ реформу законодательства, говоря, что невозможно знать, какъ современемъ люди будутъ управляемы. Вотъ его мнѣнія:

1) Всѣ состоянія должны быть равны передъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить.

2) Табель о рангахъ уничтожить.

3) Въ уголовныхъ дѣлахъ—отмѣнить пристрастные допросы ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ: иначе не можетъ быть правосудія.

4) Вѣротерпимость должна быть совершенная, и устранено все то̀, что̀ стѣсняетъ свободу совѣсти.

5) Ввести свободу книгопечатанія, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности.

6) Освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты.

7) Поземельную подать ввести вмѣсто подушной.

8) Установить свободу торговли.

9) Отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ — нѣчто въ родѣ habeas corpus» [1]).—

Ни одно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о содержаніи

---

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1859. Декабрь. Книжка первая. стр. 422, 424—425.

проекта Радищева не подтверждается точными и вполнѣ убѣдительными данными, и не устраняетъ вопроса о томъ, существовалъ ли подобный проектъ въ дѣйствительности.

Лицо, показанія котораго внушаютъ наиболѣе довѣрія, старшій сынъ Радищева, вовсе не упоминаетъ о проектѣ, который составленъ его отцомъ, какъ членомъ законодательной комиссіи. А между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, болѣе, нежели кто-либо другой, могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ комиссіи, такъ какъ онъ въ то время не только находился при отцѣ, но и самъ, вмѣстѣ съ отцомъ, служилъ въ тойже комиссіи о составленіи законовъ. Въ очеркѣ своемъ онъ перечисляетъ всѣ труды отца своего: отчего же бы онъ умолчалъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ? Вѣдь обстоятельный, *строго обдуманный и примѣненный къ условіямъ русской жизни* проектъ гражданскаго уложенія былъ бы великою заслугою Радищева, совершившаго въ нѣсколько мѣсяцевъ то̀, чего не могли сдѣлать цѣлыя комиссіи втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Молчаніе старшаго сына Радищева бросаетъ тѣнь на показанія другихъ лицъ, гораздо дальше стоявшихъ отъ непосредственнаго источника.

Не знаемъ, откуда взято княземъ Вяземскимъ извѣстіе, что Радищевъ составилъ проектъ, направленный *противъ освобожденія крестьянъ*. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это, составляющее рѣзкую противоположность съ общепринятымъ мнѣніемъ о Радищевѣ, какъ о заклятомъ врагѣ крѣпостнаго права, требуетъ подтвержденія. Поставивъ слово: *кажется*, самъ Вяземскій далъ поводъ предполагать, что онъ не совершенно точно припомнилъ обстоятельство, о которомъ говоритъ въ своей припискѣ. По всей вѣроятности, Вяземскій выразился бы съ большею опредѣленностью и быть можетъ даже съ указаніемъ источника, если бы слышалъ о проектѣ отъ ближайшаго свидѣтеля и очевидца трудовъ Радищева въ законодательной комиссіи—отъ его старшаго сына. Притомъ, самая приписка князя Вяземскаго сдѣлана уже послѣ смерти Радищева-сына.

Пушкинъ говоритъ о какихъ-то «мысляхъ» и о какомъ-то, ему неизвѣстномъ, проектѣ Радищева.

Какъ бы въ поясненіе недосказаннаго Пушкинымъ, являются проектъ и его основныя начала, приводимыя въ статьѣ младшаго сына Радищева, писанной по воспоминаніямъ о случившемся болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Подробности, сообщаемыя младшимъ сыномъ Радищева, не заключаютъ въ себѣ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Рисуемая имъ картина производитъ впечатлѣніе нѣсколько подновленнаго снимка съ такого подлинника, черты котораго, незамѣченныя современниками, стали привлекать вниманіе знатоковъ впослѣдствіи. Радищевъ-сынъ желалъ возстановить съ математическою точностью основныя черты рукописи, исчезнувшей во времена его дѣтства. О реформахъ, предложенныхъ въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ писалъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда и въ обществѣ и въ литературѣ слышались оживленные толки о предстоящихъ реформахъ: объ освобожденіи крестьянъ, о новыхъ началахъ въ судопроизводствѣ и т. п. Сопоставленіе давно-минувшаго съ настоящимъ могло такъ или иначе отразиться и на воспоминаніяхъ старца, излагавшаго ихъ на основаніи единственнаго источника — своей старческой памяти.

Изъ словъ Радищева-сына выходитъ, что отецъ его былъ вызванъ правительствомъ въ Петербургъ именно для составленія проекта: «отчего препоручили бы это не предсѣдателю комиссіи, не кому-либо другому изъ членовъ, а бѣднаго Радищева взяли изъ деревни, если-бъ Радищевъ не имѣлъ ни обширнаго ума, ни познаній». Какъ-то странно предположить, чтобы проектъ, написанный по вызову комиссіи и для комиссіи, Радищевъ отдалъ въ чужія руки, не извѣстивши даже своихъ сочленовъ, что окончилъ возложенную на него работу.

Всѣ поиски наши въ архивѣ бывшей комиссіи о составленіи законовъ оказались напрасными: намъ не удалось найти не только самаго проекта, но и какихъ бы то ни было слѣдовъ

его. Ближайшее же знакомство съ ходомъ дѣлъ, общепринятымъ въ комиссіи, еще болѣе заставляетъ сомнѣваться въ существованіи проекта, представляющаго обработанное, стройное цѣлое.

Комиссія о составленіи законовъ вела свои работы сообразно указаніямъ, которыя получала отъ верховной власти. Приступивъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, къ разбору матеріаловъ для начертанія общаго плана, комиссія должна была вскорѣ заняться главнымъ образомъ выработкою *формы суда*, т. е. такого порядка судопроизводства, при которомъ бы достигалось *возможно-скорое* рѣшеніе дѣлъ въ различныхъ инстанціяхъ.

Существеннымъ, вопіющимъ недостаткомъ нашего судопроизводства была крайняя медленность въ ходѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ, данномъ сенату 24 іюля 1801 года, и вызванномъ «ежедневно входящими» къ государю жалобами на медленное рѣшеніе дѣлъ, повелѣвалось сенату «представить мѣры, какія признаетъ онъ къ *скорѣйшему* рѣшенію дѣлъ наилучшими». Въ общемъ собраніи сената, графъ А. Р. Воронцовъ предлагалъ предварительно потребовать отъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ мнѣнія по этому поводу, и то̀, что̀ получится изъ палатъ, передать на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ. Державинъ заявилъ, что по трудности и сложности вопроса, онъ можетъ подать свое мнѣніе не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Сенатъ поспѣшилъ впрочемъ представить свой докладъ, ограничившись изложеніемъ его въ самыхъ общихъ чертахъ. Дальнѣйшая и чрезвычайно трудная работа возлагалась на комиссію о составленіи законовъ.

Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи, графа Завадовскаго, 25 августа 1801 года, говорилось, что дѣла влачатся впродолженіе многихъ лѣтъ, бывъ подчинены одной и той же формѣ, несвойственной ни существу ихъ, ни современному состоянію просвѣщенія, и потому требовалось, чтобы комиссія заня-

лась этимъ предметомъ «предпочтительно всѣмъ другимъ» [1]). Надо замѣтить, что еще въ 1784 году учреждена была, и также подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, комиссія для составленія *проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка*, и въ нее поступило довольно много матеріаловъ.

Въ декабрѣ 1801 года графъ Завадовскій распредѣлилъ между членами комиссіи работы *по сокращенію канцелярскаго порядка*.

Въ 1803 году комиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный *Ананьевскимъ*, (а *не Радищевымъ*) и подготовительное собраніе бумагъ по уголовной части, составленное *Ильинскимъ*.

Комиссіи о составленіи законовъ вмѣнено было въ обязанность не ограничиваться исключительно отечественными источниками, и обращаться, въ случаѣ надобности, къ источникамъ иностраннымъ — къ постановленіямъ, существующимъ или въ смежныхъ намъ странахъ или у народовъ, наиболѣе прославившихся своимъ просвѣщеніемъ и своимъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи Радищевъ могъ оказать комиссіи большое содѣйствіе. Будучи основательно знакомъ съ юридическою литературою, имѣя всегда подъ рукою, въ своей библіотекѣ (какъ оказалось послѣ его смерти) законодательные памятники различныхъ странъ и народовъ, онъ съ бо́льшимъ удобствомъ, нежели кто-либо другой изъ его сочленовъ, могъ взять на себя составленіе требуемыхъ отъ комиссіи выписокъ и извлеченій изъ иностранныхъ кодексовъ. Такихъ выписокъ, считавшихся необходимымъ матеріаломъ для работъ комиссіи, находится довольно много въ ея архивѣ. Но такъ какъ рукописи эти не собственноручныя, и неизвѣстно, кто именно представилъ ихъ въ комиссію, то можно только предполагать, что значительная доля труда въ собираніи матеріаловъ изъ иностранныхъ источниковъ принадлежитъ Радищеву.

---

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 759—760. № 19989.

По счастію, въ архивѣ законодательной комиссіи и въ архивѣ сената сохранились хотя немногія, но весьма цѣнныя доказательства участія Радищева въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ области законодательства. Комиссія для составленія законовъ, по самой цѣли, съ которою она учреждена, обязана была давать заключенія по такимъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены на точномъ основаніи существующихъ постановленій, и вызывали вслѣдствіе этого потребность въ составленіи новаго закона. Обстоятельство, непредусмотрѣнное законодателемъ, называлось *казусомъ*, и дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ — *казусными*. Накопившіяся въ сенатѣ, съ давнихъ поръ, казусныя дѣла были переданы въ комиссію о составленіи законовъ. Комиссія представила въ сенатъ какъ коллективное заключеніе по каждому дѣлу, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ по тому или другому поводу. Въ числѣ отдѣльныхъ мнѣній есть и принадлежащія Радищеву. При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать оговорку, чтобы устранить недоразумѣніе, которое можетъ возникнуть при пользованіи рукописями, уцѣлѣвшими въ архивѣ бывшей законодательной комиссіи, вошедшемъ въ составъ архива бывшаго втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Въ одномъ изъ оглавленій рукописей, помѣщенныхъ въ связкѣ подъ № XLIV, значится: *Мнѣнія г. Радищева касательно различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ.* Подъ этимъ заглавіемъ находятся самыя краткія, въ нѣсколько строкъ, замѣтки о восьми дѣлахъ, въ такомъ родѣ: «Когда о семъ есть точный *законъ*, то съ моей стороны *казуса* къ разрѣшенію не нахожу» и т. п. Въ заключеніи комиссіи по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою по манифесту 1782 года, сказано: «*Небезуповательно*, что жребій ихъ рѣшился новымъ манифестомъ 1787 года, по которому должны они, освободясь отъ каторги, поселены быть на земляхъ, къ тому назначаемыхъ». Одинъ изъ членовъ комиссіи (Прянишниковъ — какъ видно изъ дѣлъ сената) замѣчаетъ: «Остается

токмо правительствующему сенату имѣть рапорты, что жребій сихъ несчастныхъ *точно и достовѣрно*, а не *уповательно*, совершился». Оказывается, что мнѣнія или замѣтки эти принадлежатъ не Радищеву, а *Дрянишникову*, что̀ положительно доказывается подписью его на подлинныхъ рукописяхъ, представленныхъ въ сенатъ, какъ напримѣръ на замѣткѣ по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою, и т. д. Въ этомъ удостовѣряетъ также и приписка къ составленному въ комиссіи перечню дѣлъ, названныхъ *мнѣніями Радищева:* «къ сему мнѣніе *и т. Радищева*». Значитъ, всѣ остальныя мнѣнія — не его, а кого-либо другаго.

Несомнѣнно принадлежатъ Радищеву два мнѣнія, представленныя имъ въ законодательную комиссію: одно — по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другое — по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи.

Соображенія, высказанныя Радищевымъ по поводу спорнаго вопроса о наказаніи за неумышленное убійство, въ высшей степени замѣчательны. Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ лицахъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, то Радищевъ долженъ былъ говорить о предметѣ, особенно дорогомъ для его ума и чувства. И онъ остался на высотѣ своей задачи. «Мнѣніе» его, небольшое по объему, чуждое многословія и риторическихъ прикрасъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей основной мысли и по достоинству изложенія. Радищевъ выступаетъ, *передъ лицомъ закона*, искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ крестьянъ, основывая свои доводы частію на общихъ началахъ, выработанныхъ наукою права, частію на живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчиваетъ онъ возмутительное явленіе, которое безнаказанно совершается въ дѣйствительности, и которое онъ изобразилъ такими яркими красками въ своемъ Путешествіи.

Мнѣніе Радищева до такой степени выдѣляется изъ массы бумагъ, писанныхъ въ комиссіи по дѣламъ, поступавшимъ изъ

сената, что весьма возможенъ вопросъ, не оно ли послужило поводомъ къ извѣстію, сообщаемому Пушкинымъ: «графъ Завадовскій удивился молодости сѣдинъ Радищева и сказалъ ему съ *дружескимъ* упрекомъ: эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить *попрежнему*». Что упрекъ былъ *дружескій*, видно изъ того, что самъ же Завадовскій представилъ мнѣніе Радищева въ сенатъ, какъ вполнѣ достойное вниманія и разсмотрѣнія въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Въ словѣ: *попрежнему* заключается очевидно намекъ на *Путешествіе*. А въ мнѣніи своемъ Радищевъ беретъ нѣсколько чертъ изъ Путешествія, и притомъ такихъ, о которыхъ Екатерина замѣтила, что авторъ ожидаетъ «свободы отъ самой тяжести порабощенія, т. е. надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ». Какъ бы то ни было, мнѣніе, представленное въ законодательную комиссію, должно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду того, что когда-либо написано или напечатано Радищевымъ по крестьянскому вопросу.

Для вѣрной оцѣнки мнѣнія Радищева необходимо сопоставить его съ мнѣніями другихъ членовъ комиссіи и сенаторовъ, разсматривавшихъ какъ самое дѣло, такъ и заключеніе комиссіи. И въ мнѣніяхъ сенаторовъ и членовъ комиссіи, и въ самыхъ законахъ, на которые они ссылались, находятся весьма любопытныя черты, рисующія чрезвычайно живо тогдашнія понятія о крѣпостномъ правѣ.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1769 году крестьянинъ князя Дулова, Василій Тимоѳеевъ, убилъ крѣпостную крестьянку помѣщика Трухачева Степаниду Ѳедосѣеву. На допросѣ, крестьянинъ Тимоѳеевъ показалъ, что онъ отнюдь не замышлялъ убійства, и совершенно случайно попалъ на ссору жены своей съ крестьянкой Ѳедосѣевой. Ссора произошла изъ-за коровы, «подъ которую подпалъ его собственный теленокъ». Услышавши брань между женщинами, Тимоѳеевъ «прибѣжалъ къ воротамъ, ударилъ Степаниду по лѣвому плечу маленькою палочкою, отъ котораго удару въ тожъ время

и умре». Но такъ какъ на тѣлѣ убитой оказались кровавые слѣды побоевъ: на головѣ, на лицѣ, на груди и на спинѣ, то убійца подвергся «пристрастному подъ плетьми разспросу» и трижды пытанъ былъ въ провинціальной канцеляріи. Но онъ все стоялъ на своемъ, утверждая, что убилъ неумышленно, вслѣдствіе чего его и выпустили, въ 1771 году, на свободу. А такъ какъ въ законахъ не опредѣлено взысканіе за *неумышленное убійство помѣщичьихъ крестьянокъ*, то дѣло внесено въ сенатъ. За неимѣніемъ точныхъ законовъ, сенаторы порѣшили: собрать въ сенатъ коллежскихъ президентовъ и членовъ. Дѣло однакожъ не двигалось съ 1775 года, цѣлые пятнадцать лѣтъ. Только въ 1800 году сенатъ постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ.

Комиссія приводитъ цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ разсматриваемому дѣлу, а именно:

Уложенья глава 21, статья 73:

Ежели чей-нибудь крестьянинъ неумышленно убьетъ чьего крестьянина, то вмѣсто убитаго выдать, по наказаніи кнутомъ, самого убійцу съ женою, съ дѣтьми и съ животы, тому помѣщику, чей былъ убитый крестьянинъ. А буде его взять не похочетъ, то вмѣсто онаго, кого выберетъ, другаго крестьянина жъ, съ женою и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и который сѣянъ въ землѣ.

Въ новоуказныхъ 7177 года статьяхъ, статья 80:

Какъ дворцовымъ крестьянамъ, посадскимъ и ямщикамъ, съ помѣщиковъ, такъ и помѣщикамъ съ посадскихъ, дворцовыхъ и ямщиковъ, за убитыхъ безъ всякаго умышленія брать деньгами по 50 рублей.

Именной указъ 1765 года, генваря 28 дня:

Экономическимъ крестьянамъ, по взятіи оныхъ въ казенное вѣдомство, сравнивая ихъ съ дворцовыми крестьяны, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, такъ какъ и помѣщикамъ за экономическихъ, на основаніи предписанныхъ новоуказныхъ

7177 года статей, платить деньгами же, но только не по 50, а по 100 рублей.

Вслѣдствіе сихъ узаконеній, сенатомъ въ 1766 году опредѣлено:

Съ дворцовыхъ крестьянъ, также съ посадскихъ и ямщиковъ, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, и напротивъ того— съ помѣщиковыхъ за убитыхъ посадскихъ и ямщиковъ, тожъ и дворцовыхъ крестьянъ, не отдавая ихъ самихъ и вмѣсто ихъ другихъ, равно какъ и съ экономическихъ и вмѣсто экономическихъ, взыскивать за каждаго человѣка по 100 рублей.

Именной указъ 1798 года, генваря 28 дня:

Разсмотрѣвъ докладъ сената по предмету взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, повелѣваемъ оцѣнять ихъ по работѣ и по тому доходу, каковый каждымъ изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣліе и труды, доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оный процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. При взысканіи же по долгамъ партикулярнымъ, продажу чинить обыкновеннымъ при купчихъ образомъ.

Именной указъ 1798 года, февраля 24 дня:

По дѣлу коллежскаго ассесора Растопчина съ помѣщицею Бутеневою, въ рапортѣ сената апеляціоннаго департамента намъ представленному, повелѣваемъ: *вмѣсто убитаго* въ пьянствѣ крестьянина Растопчина, по нежеланію его взять самого убійцу, *отдать* изъ деревень Бутеневой *другаго, неоглашеннаго въ порокахъ, крестьянина*, по волѣ ея, Бутеневой, поступая согласно сему и въ прочихъ таковыхъ дѣлахъ.

На основаніи приведенныхъ законовъ, комиссія представила въ сенатъ слѣдующее

Заключеніе.

—«За неумышленно-убитаго крестьянина сторублевая цѣна положена въ 766 году, чему протекло тридцать пять лѣтъ, а въ

высочайшемъ 786 году марта 9 числа указѣ изображено: «Какъ цѣны нынѣ вообще на все противу прежняго гораздо возвысились, то положенная въ рекрутскомъ 766 года учрежденіи рекруту цѣна 120 р. недостаточна, а потому и велѣно постановить рекруту цѣну 360 р.» Въ разсужденіи чего и за убитаго неумышленно, во владѣльческихъ, равно какъ и во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, какого бы рода и званія они ни были, мужеска пола крестьянина надлежитъ постановить сообразную за рекрута цѣну 360 р.; а за крестьянокъ, женщину или дѣвку, по 100 р. Буде же таковое неумышленное убивство случится дворовому человѣку или дворовой женкѣ или дѣвкѣ, которые, по художествамъ, искусствамъ, ремесламъ и трудамъ, болѣе иногда стоятъ, нежели лучшій крестьянинъ и крестьянка, то хотя и за нихъ полагать такую же цѣну, но въ такомъ только случаѣ, буде помѣщикъ ихъ будетъ тѣмъ доволенъ. Если же онъ сею цѣною почтетъ себя за потерю человѣка неудовлетвореннымъ, то обязанъ представить суду неоспоримыя доказательства, почему точно болѣе той цѣны убитый ему стоитъ, и тогда уже, на основаніи высочайшаго именнаго 1798 году генваря 28 числа указа, оцѣнять таковыхъ дворовыхъ людей, женокъ и дѣвокъ, по работѣ и по тому доходу, каковый каждый изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣлье и труды, доставлялъ своему владѣльцу. И сіе относится единственно на тотъ случай, ежели владѣльческій казеннаго или казенный владѣльческаго крестьянина, или женку или дѣвку, неумышленно убьетъ до смерти. Но что касается до подобныхъ несчастныхъ случаевъ между одними владѣльческими крестьянами, то поступать по состоявшемуся въ 1798 году, февраля 24 числа, высочайшему именному указу» и т. д.

Подписали: Иванъ Ананьевскій.
Григорій Пшеничный.
Иванъ Прянишниковъ (при своемъ мнѣніи).
Александръ Радищевъ (*при своемъ мнѣніи*).
Николай Ильинскій.

При разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ большинство сенаторовъ согласилось съ мнѣніемъ сенатора Алексѣева, который полагалъ, что есть довольно основательныя причины допустить вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ неумышленнаго убійства. Первая причина та, что неумышленныя убійства происходятъ большею частью въ пьянствѣ и дракахъ, а потому и взысканіе, опредѣленное за убитыхъ людей, можетъ побудить помѣщиковъ и сельскія общества заботиться объ устраненіи безчинствъ. Вторая причина заключается въ томъ, что помѣщики или общества казенныхъ поселянъ, теряя въ убитомъ работника, и сверхъ того будучи обязаны платить за него до новой ревизіи всѣ казенныя подати и повинности, были бы весьма отягощены, если бы остались безъ всякаго удовлетворенія. Сенаторъ Алексѣевъ продолжаетъ: «Что принадлежитъ до *крестьянскихъ женщинъ*, то, кажется мнѣ, неопредѣлено за нихъ удовлетвореніе, какъ потому, что они ни дракамъ, ни пьянству сопричастными не полагалися, такъ и въ разсужденіи того, что сей полъ ни въ какихъ окладахъ и повинностяхъ государственныхъ не состоитъ». Общій выводъ тотъ, что всего лучше оставить вещи такъ, какъ они есть, до изданія новыхъ законовъ, вѣрнѣе и въ полной мѣрѣ соображенныхъ съ другими предметами. Мнѣніе Алексѣева цѣликомъ внесено въ протоколъ общаго собранія сената, 30 января 1803 года, какъ мнѣніе большинства, именно четырнадцати сенаторовъ.

Меньшинство, пять сенаторовъ, полагало: за неумышленно-убитыхъ, какъ крестьянскихъ, такъ и дворовыхъ помѣщичьихъ женщинъ или дѣвокъ, производить взысканіе въ размѣрѣ *ста* рублей за каждую женщину или дѣвку. Цыфра *сто* явилась вслѣдствіе того, что императоръ Павелъ I повелѣлъ департаменту удѣловъ: «вдовъ и дѣвокъ удѣльнаго вѣдомства выпускать только въ замужество, взымая за выходъ по *сту* рублей; въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать».

Сенаторъ Захаровъ писалъ въ своемъ мнѣніи: «За дворо-

выхъ мужеска и женска пола людей, убитыхъ неумышленно, полагаю удобнѣйшимъ постановить положительную цѣну, которую, размѣряя *съ настоящею дороговизною продаемыхъ существъ*, мню быть довольною: за мужескъ полъ — *500 рублей*, а за женскъ — *вполы*».

Такимъ образомъ всѣ мнѣнія сводились къ одному и тому же — къ опредѣленію стоимости убитаго крестьянина, измѣряемой тою прибылью, которую получалъ отъ него помѣщикъ. Никто, ни въ комиссіи, ни въ сенатѣ, не замѣтилъ, или не желалъ замѣтить, что крестьянинъ, хотя и крѣпостной, но все-таки *человѣкъ*, а не вещь, предназначенная единственно и исключительно для того, чтобы приносить матеріальную пользу и выгоду своему владѣльцу. Никто не вспомнилъ и о томъ, что смерть крестьянина составляетъ потерю не только для его господина, но и для семьи умершаго. Одинъ Радищевъ возвысилъ голосъ за оскорбленныя права человѣка, и заявилъ о необходимости оградить ихъ закономъ, вполнѣ сообразнымъ съ требованіями правды и съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству.

Вмѣстѣ съ коллективнымъ заключеніемъ комиссіи о составленіи законовъ представлено въ правительствующій сенатъ и слѣдующее мнѣніе Радищева:

О цѣнахъ за людей убіенныхъ.

— «Когда въ нынѣшнее время и въ кроткое и человѣколюбивое правленіе нынѣ царствующаго въ Россіи государя императора Александра перваго дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившимся надъ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная нынѣ уже неупотребительны, а за ними должны отмѣнены быть и многія постановленія соборнаго уложенія, сообразныя грубости нравовъ тогдаш-

няго времени, сообразныя тогдашнему образу мыслей, но нынѣ уже несовмѣстныя. Тогда казнь торговая, кнутъ, были наказанія исправительныя и стыда не приносили наказаннымъ ими, хотя многое, о чемъ законополагаетъ соборное уложеніе, еще существуетъ. Но полтора столѣтія, исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даетъ вещамъ новый видъ, и тò, чтò существуетъ хотя законно, производитъ иногда удобно нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, чтò законъ почитаетъ правильнымъ.

Съ сей стороны должно смотрѣть о распоряженіи закона поставляющему цѣну за убіенныхъ неумышленно.

Законъ постановляетъ за убитаго помѣщичьяго крестьянина неумышленно — отдать крестьянина, за другихъ же — отдавать деньгами: за мужчину 100 р.; за женщинъ въ законѣ не положено. Комиссія полагаетъ отдавать за мужчину противъ рекрута, за женщину 100 р.; но за тѣхъ людей, которые, будучи ремесленные, приносили господамъ своимъ прибыль, платить по мѣрѣ прибыли, которую они господамъ приносили, считая труды ихъ процентами, а ихъ — капиталомъ, въ сходственность указа 1798 года, генваря 28 дня.

Если мы, слѣдуя всѣмъ законоучителямъ, разыщемъ цѣны вещей, то мы увидимъ, что *цѣна* вещи есть то опредѣлительное сравненіе вещи, которое мы ей постановляемъ вслѣдствіе пользы, отъ вещи происходящей. Итакъ, польза вещи опредѣляетъ ея цѣну. Если цѣна вещи бываетъ для всѣхъ *одинакова*, то вещь таковая есть *цѣны обыкновенной*. Если же станемъ исчислять пользу, которую можно имѣть отъ вещи, то цѣна уже будетъ *необыкновенная*, ибо время, обстоятельства, нужда и проч. могутъ цѣну возвысить или понизить. Если же вещь, ради какихъ-либо причинъ или ради ея качествъ, уважается особо, тогда вещь бываетъ драгоцѣнная. Если же качества вещи, или паче ея цѣну, ни съ чѣмъ не можно постановить въ сравненіе, то вещь становится *безцѣнною*. На сіи опредѣленія цѣны вещей

дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убіенныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходить будетъ совсѣмъ не та, какъ то ее опредѣляетъ комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая воскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать.* Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*[1]).

Если бы можно было помыслить о удовлетвореніи за убіеніе человѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страждутъ, когда бываетъ убіенный. Убіенный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по нихъ — и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія — принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они больше, нежели ихъ господинъ, потерею человѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ таковую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно,

---

[1]) Ср. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 341 — 344: «Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ. Занятое проиграно, прожито, проѣдено, пропито... Публикуется: сего дня продаваться будетъ съ публичнаго торга недвижимое имѣніе, домъ и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу. Наступилъ день и часъ продажи. Въ залѣ стоятъ на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, съ отцомъ господина своего былъ въ крымскомъ походѣ при фельдмаршалѣ Минихѣ: въ франкфуртскую баталію, раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю; возвратясь домой, былъ дядькою молодаго барина; *во младенчествѣ спасъ его отъ утопленія*, бросясь за нимъ въ рѣку; *въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы*, куда посаженъ былъ за долги. Женщина, лѣтъ въ 40, вдова, *кормилица молодаго своего барина;* въ жилахъ его льется ея кровь; *она ему вторая мать*, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія о младенчествѣ его не радѣла» и т. д.

сколько потерпѣть можетъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, если семья его лишится работника. Итакъ, заключимъ:

1) Цѣны убіенному человѣку, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно, ибо, сверхъ общихъ чувствованій человѣчества, потеря таковая есть всегда неоцѣнимая. Каждый, лишающійся жизни, принадлежитъ къ какому-либо семейству, слѣдственно кончина его всегда бываетъ чувствительна, и, отъ какой бы причины она ни происходила, она равно для чувствующихъ бѣдственна.

2) Если убіеніе бываетъ неумышленно, то наказанія за него быть не можетъ. Начто же за него полагать цѣну, ибо платимая цѣна есть родъ наказанія. Но въ отношеніи теряющаго, все равно—убитъ ли кто умышленно или неумышленно. А какъ въ законѣ за умышленно убіеннаго платы не положено, то не должно ей быть и за убіеннаго неумышленно.

3) Хотя убійство въ пьянствѣ не столь виновно, какъ убійство умышленное, или паче злостное, однакоже убивающій въ пьянствѣ наказанъ быть долженъ, не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который отъ того проистекаетъ обществу. Умышленный убійца, ради будущей опасности, долженъ быть изъ общества изъятъ; но вредящій обществу своею невоздержностью, сдѣлавшій убійство въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, побуждаемъ страстію, долженъ быть воздержанъ и исправленъ. Слѣдственно, перваго наказаніе должно быть навсегда, другаго—временное. Перваго отослать въ ссылку, въ отдаленность отъ людей, которые могутъ заражаться его худымъ примѣромъ. Другаго — лишить свободы, посадить въ смирительный домъ на большій или меньшій срокъ, и воздержаніемъ и работою, соразмѣрною состоянію и свойству убійцы, стараться укротить страсть и неумѣренность, и воздержаніе(мъ?) преступившаго исправить.

4) Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей, жены, то какъ сія статья входитъ въ общее

распоряженіе о призрѣніи, то здѣсь о ней говорить невмѣстно; но доколѣ не будетъ сдѣлано о призрѣніи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убіенія человѣка должны быть на попеченіи общества того селенія или города, къ которому убіенный принадлежитъ»[1].—

Александръ Радищевъ.

Когда въ комиссіи о составленіи законовъ разсматривался вопросъ о правѣ подсудимыхъ заявлять подозрѣніе на судей, Радищевъ не согласился съ мнѣніемъ большинства, неблагопріятнымъ для подсудимыхъ.

Въ указѣ 3 мая 1725 года сказано, что виновныхъ въ богохульствѣ, въ противныхъ словахъ про ихъ величества, ихъ высокую фамилію, въ измѣнѣ и бунтѣ, смертоубійцъ, разбойниковъ и татей, пойманныхъ съ поличнымъ,—разспрашивать какъ злодѣевъ, и не давать имъ списковъ съ пунктовъ или челобитень. Комиссія замѣчаетъ по этому поводу: «Слѣдственно, когда списковъ давать не велѣно, то кольми паче подозрѣній на судей отъ таковыхъ подсудимыхъ принимать не должно и несвойственно, поелику сужденіе преступника почитается дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, и въ семъ случаѣ истцомъ бываетъ самъ законъ».

Учрежд. о управл. губерній 107, 108, 110 — 113; указы 29 мая 1784 г. и 28 марта 1796 г., требующіе просмотра дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ, «всякое отнимаютъ сомнѣніе въ томъ, что судимые по важнымъ уголовнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, и подлежащіе къ лишенію жизни или къ лишенію чести, или торговой казни, объявлять подозрѣній на судей не могутъ, и принимать отъ нихъ того ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ».

Радищевъ признаетъ за подсудимыми право *отводить судей* и *выбирать себѣ защитника*. Для постановленія приговора по

---

[1]) Архивъ сената, въ Петербургѣ. Дѣло 1803 года. № 9. Производство общаго собранія по дѣлу о неумышленно-убитыхъ крестьянскихъ женкахъ.

уголовнымъ дѣламъ, требуетъ не абсолютнаго большинства, а по крайней мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Приводимъ мнѣніе Радищева:

—«Согласуясь со мнѣніемъ статскаго совѣтника Прянишникова, что для огражденія безопасности гражданской нужно дозволить при производствѣ дѣлъ уголовныхъ подавать подозрѣніе на судей, я въ дополненіе еще полагаю, чтобы во всѣхъ уголовныхъ производствахъ дозволено было подсудимому не только подавать подозрѣніе, но отвергнуть весь судъ, не приводя причинъ, для чего онъ судей отвергаетъ, и требовать быть судиму иными судьями. Правило Наказа, означенное въ статьѣ 126, мудрое и человѣколюбивое, стремится къ тому, чтобы соблюсти невиннаго — не дать ему пострадать. Нужно конечно, чтобы преступникъ былъ наказанъ безъ упущенія; но нужно столько же, чтобъ онъ былъ уличенъ, а еще того нужнѣе — чтобы не наказанъ былъ невинный. Можно здѣсь опереться на древнемъ правилѣ законоученія, гласящемъ: лучше отпустить сто виновныхъ, нежели заставить пострадать одного невиннаго. Итакъ, заключаю: если дозволено въ дѣлахъ, касающихся до имѣнія или въ обидахъ гражданскихъ подавать подозрѣнія на судей; когда уже таковое правило постановлено въ воинскомъ уставѣ, то еще нужнѣе, чтобъ оно наблюдаемо было въ тѣхъ судопроизводствахъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, свободѣ или чести. И дабы безопасность личная не могла пострадать, и невинность бы не потерпѣла николи, то должно постановить въ производствахъ дѣлъ уголовныхъ слѣдующія правила:

1) Судимому, или обвиняемому въ преступленіи, дозволить избрать себѣ для совѣта, кого онъ хочетъ, а если никого не имѣетъ, то такого человѣка дать ему отъ суда. Сіе тѣмъ паче дозволить можно, что и въ гражданскихъ дѣлахъ не возбранено препоручать оныя, кто кому пожелаетъ.

2) Дозволить судимому отвергнуть всѣхъ судей, которые должны были бы судить о его дѣлѣ, не сказывая причинъ, для чего онъ ихъ отвергаетъ.

3) Дозволить на избранныхъ вновь судей подавать подозрѣніе.

4) Чтобы во всѣхъ уголовныхъ приговорахъ рѣшеніе постановляемо было не по большинству голосовъ, но или единогласно, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ согласныхъ мнѣній было двѣ трети. Единогласное рѣшеніе не есть что-либо новое въ россійскомъ законоученіи, ибо оно установлено было для рѣшеній правительствующаго сената. Такимъ образомъ соблюдется правило Наказа императрицы Екатерины II, статьи 127, гдѣ она изъясняется слѣдующими словами: «чтобъ онъ, то есть обвиняемый, не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ». Въ заключеніе прибавимъ еще, что, въ сходственность уложенія, гл. 21, ст. 7, можно на уголовныхъ судей производить искъ въ недружбѣ и проволочкѣ» [1].—

Александръ Радищевъ.

Радищевъ находился на службѣ въ комиссіи о составленіи законовъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 12 сентября 1802 года. Онъ былъ въ засѣданіяхъ комиссіи 25, 26, 27, 28 августа и 1 и 2 сентября.

Сынъ покойнаго, Николай Александровичъ, доносилъ комиссіи: «Сего 1802 года, сентября 12 дня, родитель мой, оной комиссіи членъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Радищевъ *волею Божіею* скончался».

Въ журналѣ комиссіи 16 сентября 1802 года записано: «По доношенію служащаго въ оной губернскаго секретаря Николая Радищева, коимъ показывая, что родитель его, оной комиссіи членъ, Александръ Радищевъ, сего сентября 12 дня, *бывъ боленъ*, умре» и т. д.

---

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр. Ч. II. О. II. № XLIV. Мнѣнія членовъ комиссіи по различнымъ необыкновеннымъ дѣламъ, присланнымъ изъ правительствующаго сената въ комиссію на разсужденіе, № 2 и 6.

Радищевъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Въ вѣдомости церкви Воскресенія Христова, что на Волковскомъ кладбищѣ, подъ 13 сентября 1802 года показанъ въ числѣ погребенныхъ «коллегскій совѣтникъ Александръ Радищевъ; пятидесяти лѣтъ»; умеръ «*чахоткою*»; при выносѣ былъ священникъ Василій Налимовъ [1]).

Но въ обществѣ ходили слухи, что Радищевъ—самоубійца. Современникъ и почитатель Радищева, литераторъ Борнъ, говоритъ: «Радищевъ умеръ, и, *какъ сказываютъ, насильственною смертію*. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостію философа, покаряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? Или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?... Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости, — и сошелъ во гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи, и во гробъ сошелъ» [2]).

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ дней и кончины Радищева, старшій сынъ его, говоритъ о покойномъ: «здоровье ему измѣнило; онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость, и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя отъ роду 53 года».

Пушкинъ указываетъ и причину и видъ самоубійства. Завадовскій сказалъ подружески Радищеву: «Охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири? Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ.... и отравился! Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ напророчилъ».

---

[1]) Архивъ с. петербургской духовной консисторіи. Метрическая книга объ умершихъ, за сентябрь 1802 года, погребенныхъ на Волковомъ кладбищѣ.

[2]) Свитокъ музъ. Книжка вторая. 1803, стр. 141—142.

Младшій сынъ Радищева разсказываетъ, что Завадовскій далъ однажды почувствовать Радищеву, что его *слишкомъ восторженный образъ мыслей* можетъ навлечь ему бѣду, и «даже произнесъ слово *Сибирь*. Пораженный ли такою угрозою, или *по другой какой причинѣ*, онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ. *Душевная болѣзнь* развивалась все болѣе и болѣе». Выпилъ стаканъ крѣпкой водки; пытался зарѣзаться бритвою. Ядъ дѣйствовалъ ужаснымъ образомъ. Радищевъ потребовалъ священника, который его и исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, «отвѣтъ былъ продолжительный, несвязный». Врачъ сказалъ: «видно, этотъ человѣкъ былъ несчастный».

По смерти Радищева, библіотека его пріобрѣтена комиссіею для составленія законовъ. Комиссія купила у наслѣдниковъ Радищева книги, «нужныя для соображенія при составленіи законовъ россійской имперіи». Изъ библіотеки Радищева поступило въ комиссію 130 книгъ: 77 на французскомъ языкѣ и 53 на нѣмецкомъ[1]). Въ томъ числѣ:

Code criminel d'Angleterre. —
Examen du gouvernement d'Angleterre.—
Constitution d'Angleterre.—
Manuel de la justice de paix.—
Principes du droit naturel.—
Du contract social.—
Principes d'économie politique.—
Instituts de Tamerlan.—
Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres.—
Sur l'administration des finances de France de Necker.—
Considérations sur la puissance et la faiblesse de la Russie. —
Gesetzbuch für die preussischen staaten.—
System des preussischen civilrechts.—

---

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр., Ч. I, Отд. 3, № XIII.

Abhandlung über wichtige gegenstände der staatswissenschaft von Struensee.—

Schmaussens Einleitung zur staatswissenschaft.—

Sonnenfels Ueber die staatsverwaltung.—

Grundriss der finanzwissenschaft.—

Ueber den luxus.—

Klugheit vereint mit tugend oder die politik des weisens.—

Vergleichung des ältern und neuern Russlands.— и т. д.

VIII.

Смерть Радищева не прошла совершенно безслѣдно въ тогдашнемъ литературномъ кругу. Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ почтило, стихами и прозою, память писателя, преждевременно сошедшаго въ могилу. Общество это основано бывшими студентами академическаго университета или гимназіи: Попугаевымъ, Борномъ и др.; въ числѣ членовъ были: А. Е. Измайловъ, Дм. Ив. Языковъ, знаменитый впослѣдствіи Востоковъ и др.[1]). Въ одной изъ рѣчей своихъ въ собраніи общества, Иванъ Мартыновичъ Борнъ, обращаясь къ своимъ сочленамъ, указываетъ на предметы, особенно достойные ихъ пера: «Друзья мои! Кто изъ васъ сообщалъ разсужденія о разныхъ частяхъ наукъ, о философіи, морали; кто изобрѣталъ или кто собиралъ матеріи касательно лучшихъ способовъ воспитанія дѣтей, сей первой потребности жизни; кто подавалъ свои *мысли объ уврачеваніи неисчетныхъ золъ человѣчества*,—

[1]) Переписка А. Х. Востокова, въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. Срезневскаго. 1873, стр. XXXIX. Востоковъ говоритъ о вольномъ обществѣ любителей словесности: «Это общество составилось, 15 іюня 1815 года, изъ шести студентовъ, выпущенныхъ изъ бывшей при академіи наукъ гимназіи. Основатели общества были: Вас. Вас. Попугаевъ, Ив. Март. Борнъ, Вас. Вас. Дмитріевъ, Алексѣй Гавр. Волковъ, Вас. Ив. Красовскій, Мих. Козм. Михайловъ». Въ краткомъ историческомъ очеркѣ общества сказано, что первую идею общества подали Попугаевъ и Борнъ (Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I, стр. I).

вотъ поле, любезные друзья и сотрудники, поле обширное для вашихъ способностей и вашей ревности ко благу отечества, *ко благу всѣхъ людей»* и т. д. [1]). Считая величайшею заслугою писателя стремленіе къ общему благу, обыкновенно сопровождаемое горькими разочарованіями и жертвами, Борнъ говоритъ о Радищевѣ: «Пламенное его человѣколюбіе жадало озарить *всѣхъ своихъ собратій*, жадало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ»....

Чертогъ сатрапскій не манитъ
Того, кто жизни цѣну знаетъ,
И въ цвѣтѣ юныхъ лучшихъ лѣтъ
Стопы свои не совращаетъ
Искать большихъ, мірскихъ суетъ....
Кто добродѣтель лишь пріемлетъ
Отличіемъ земныхъ властей.
Кто, силы не страшася ложной,
Дерзаетъ истину вѣщать,
Тревожитъ спящій сонъ вельможный,
Ихъ чорство сердце раздирать!
Но *участь правды — быть гонимой*....
..... тамъ Сократъ,
Мудрецъ и смертныхъ благодѣтель,
Казненъ, а *въ ссылкѣ* тамъ стократъ
Пьютъ *патріоты* смерти чашу [2])....

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Радищева, дѣти его издали всѣ его сочиненія, *за исключеніемъ Путешествія*. Издатели говорятъ: «Вотъ *все, что осталось изъ сочиненій* человѣка, извѣстнаго уже публикѣ. Мы бы почли себѣ преступленіемъ, имѣя оставшіяся г. Радищева бумаги въ рукахъ своихъ, пре-

---

[1]) Періодическое изданіе общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I. Рѣчь на случай чрезвычайнаго собранія 15 іюля 1802 года.

[2]) Свитокъ музъ. 1803. Книжка вторая, стр. 136—144. Борна: На смерть Радищева (къ О. Л. И.).

дать ихъ забвенію и не издать въ свѣтъ». Имена издателей не названы; но младшій сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, въ прошеніи, поданномъ императору Александру II, говоритъ: «родитель мой оставилъ сочиненія, которыя были напечатаны *нами, его наслѣдниками*»[1]). Къ изданію не приложено біографическаго очерка, котораго тѣмъ скорѣе слѣдовало ожидать отъ людей, близкихъ къ Радищеву, что сообщенныя ими свѣдѣнія могли бы напомнить о писателѣ, такъ скоро позабытомъ и обществомъ и литературою. Кое-гдѣ еще можно было услышать разсказъ о печальной судьбѣ Радищева, но уже и въ тѣ времена многое передавалось невѣрно, быль смѣшивалась съ небылицею, и собраніе точныхъ свѣдѣній представляло большія трудности. Доказательствомъ служитъ краткая собственноручная замѣтка митрополита Евгенія, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ и вошедшая въ его словарь русскихъ писателей.

Дорожа памятью о лицахъ, потрудившихся для русской литературы и науки, митрополитъ Евгеній счелъ нужнымъ внести и Радищева въ словарь писателей, труды которыхъ заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы. Въ матеріалахъ для словаря сохранилась слѣдующая замѣтка: «Радищевъ, Александръ Николаевичъ, коллежскій совѣтникъ, сочинилъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, напеч. въ С. Петербургѣ, 1790 года. Однакожъ оная, за многія дерзкія и возмутительныя въ ней мѣста, конфискована была и сожжена, а сочинитель сосланъ былъ въ Казань; но по кончинѣ императрицы Екатерины II, возвращенъ, и жилъ въ С. Петербургѣ частно, занимаясь разными сочиненіями, до кончины своей, случившейся въ 1802 году. Собраніе его сочиненій, въ 6 частяхъ, напечатано въ Москвѣ, 1807—1811 года»[2]).

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. Москва. Первая часть издана въ 1806 году; вторая и третья — въ 1809 г.; четвертая, пятая и шестая—въ 1811 г.

[2]) Поступившіе въ публичную библіотеку изъ древлехранилища Погодина, рукописные Матеріалы къ словарю писателей митрополита Евгенія Т. 2.

Замѣтка Евгенія относится къ весьма давнему времени. Уже въ 1813 году словарь Евгенія отосланъ былъ въ московское общество исторіи и древностей, и съ тѣхъ поръ переходилъ изъ рукъ въ руки, перебывалъ у многихъ литераторовъ и ученыхъ, дѣлавшихъ свои замѣчанія, поправки и дополненія. Его читали и журналисты, помѣщая въ своихъ изданіяхъ извлеченія изъ него, безъ вѣдома автора и распоряжаясь его трудомъ, какъ своею собственностью. Словарь Евгенія послужилъ главнѣйшимъ источникомъ и для перваго опыта исторіи русской литературы, составленнаго Гречемъ. Но ни одинъ изъ литераторовъ, пользовавшихся трудомъ Евгенія, не обратилъ вниманія на статью о Радищевѣ, и не измѣнилъ въ ней ни единой черты. Только въ 1845 году трудъ Евгенія былъ, наконецъ, напечатанъ, и замѣтка о Радищевѣ, написанная много лѣтъ тому назадъ, появилась на страницахъ словаря въ своемъ первоначальномъ видѣ [1]).

Не только позднѣйшія, но и современныя Радищеву поколѣнія литераторовъ мало, повидимому, интересовались и книгою и судьбою Радищева. Члены того же общества любителей словесности, которое заявило свое уваженіе къ памяти Радищева, отзывались, при его жизни, довольно равнодушно и съ легкой ироніей о его Путешествіи. Извѣстный литераторъ того времени, Г. П. Каменевъ (1772—1803), бывшій также членомъ общества, писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ: «Скоро отправлюсь я въ резиденцію царя добраго. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ, и мечталъ, перомъ своимъ, въ жолчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ» и т. д. [2]).

Одинъ изъ самыхъ искреннихъ литературныхъ друзей Радищева, позабылъ о немъ въ своемъ перечнѣ русскихъ писателей, изданномъ всего черезъ пять лѣтъ послѣ «Свитка музъ»,

---

[1]) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Т. V. Выпускъ I, стр. 226—237.

[2]) Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

въ которомъ тотъ же авторъ, Ив. Март. Борнъ, оплакивалъ безвременно погибшаго друга человѣчества. Говоря, въ своемъ руководствѣ[1]), о произведеніяхъ русской словесности восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, Борнъ упоминаетъ и о Карабановѣ, переводчикѣ Делилевыхъ Садовъ, и о Барковѣ, издателѣ сатиръ Кантемира, и о Львовѣ, написавшемъ стихи: къ рѣкѣ Талажнѣ, къ лирѣ, къ пѣночкѣ, и о «россійскомъ Скарронѣ» Осиповѣ, выворотившемъ наизнанку Энеиду, — о томъ самомъ Осиповѣ, который былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о Радищевѣ, и т. д. Но о Радищевѣ — ни полъ-слова. Положимъ, что онъ не могъ привести въ примѣръ Путешествія Радищева, какъ вещи запрещенной, когда говорилъ: «Особенный родъ путешествій, цѣлію имѣющихъ наблюденіе нравственности и степени народнаго и частнаго просвѣщенія, извѣстенъ подъ именемъ *сентиментальныхъ* путешествій». Но и когда шла рѣчь о «стихотворствѣ», т. е. о различныхъ размѣрахъ стиховъ, автору, приводившему выписки не только изъ Ломоносова и Державина, но изъ Востокова, Каменева и др., не вспомнились стихотворенія Радищева, появившіяся уже въ печати и заслужившія впослѣдствіи похвалу перваго мастера и судьи въ области поэзіи.

Изданіе перваго опыта исторіи русской литературы, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, послужило для тогдашнихъ писателей прекраснымъ поводомъ вспомнить о своихъ предшественникахъ на литературномъ поприщѣ. Со всѣхъ сторонъ получалъ Гречъ указанія на разнаго рода пропуски и недомолвки. Бестужевъ, Катенинъ, Измайловъ и др. обращались къ Гречу съ вопросами. Гречъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Одни упрекали его за пропускъ *Грибоѣдова*, *Загоскина*, *Баратынскаго* и т. д. Другіе выражали сожалѣніе, что не нашли въ книгѣ Греча именъ: *Спасскаго*, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; *Шиповскаго*, едва ли не перваго переводчика

---

[1]) Краткое руководство къ россійской словесности. Санктпетербургъ. 1808 года.

языкомъ человѣческимъ; *Осипова*, творца вывороченной наизнанку Энеиды; *Сковороды*, сочинителя многихъ народныхъ пѣсень; *Н. И. Тургенева*, автора политическихъ сочиненій; *Кайданова*, *Кошанскаго*, и т. д.[1]) Словомъ, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, искали именъ, которыми слѣдовало бы дополнить опытъ исторіи русской литературы при новомъ его изданіи. Но никто не вспомнилъ о Радищевѣ, никто не упрекнулъ Греча за пропускъ его имени. Не вспомнилъ о Радищевѣ и другъ Рылѣева Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» [2]). Упоминая о Бобровѣ, Маршнѣ, Осиповѣ, Кайсаровѣ и др., Бестужевъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Путешествіе Радищева. Невольно приходятъ на умъ слова Пушкина: «всѣ прочли книгу Радищева, и забыли ее»....

Если и встрѣчается имя Радищева на страницахъ стариннаго журнала, то какъ-то неожиданно и совершенно случайно, какъ напримѣръ въ статейкѣ: «Взглядъ на русскую литературу» помѣщенной во французской газетѣ, выходившей въ Петербургѣ. Авторъ статьи упрекаетъ русскихъ писателей за то̀, что они черезчуръ увлекались французскими образцами, и не хотѣли знать великихъ поэтовъ Англіи и Германіи, *несмотря на усилія Радищева и Нарѣжнаго:* Malgré les efforts de *Radichtcheff*, de *Narejène* et de quelques autres, efforts qui peut-être avec le temps seront appreciés, il existait dans notre poésie jusqu'au commencement du 19 siècle une école entièrement fondée sur les principes de la littérature française[3]). Сопоставленіе Радищева съ Нарѣжнымъ указываетъ какъ-бы на Путешествіе, но далѣе говорится съ упрекомъ, что стихами считались только *риѳмованныя* строки, а такъ какъ Радищевъ писалъ безъ риѳмъ свои сти-

---

[1]) Сынъ отечества. 1822. Часть семьдесятъ шестая, стр. 249—261.—Часть семьдесятъ седьмая, стр. 165—168.

[2]) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 1—44.

[3]) Le Conservateur impartial. № 77, стр. 386. Variétés. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Article 1er; communiqué.

хотворенія большаго объема: Бова, Пѣснь историческая и т. д., то можно бы подумать, что о Радищевѣ упоминается, какъ о стихотворцѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ сравнивать его съ Нарѣжнымъ? Да и какимъ образомъ Нарѣжный (род. 1780 г.) могъ измѣнить направленіе нашей литературы въ *восемнадцатомъ* столѣтіи....

Среди всеобщаго равнодушія къ Радищеву и его литературной дѣятельности, раздался только одинъ голосъ, напомнившій о забытомъ писателѣ. Но это былъ голосъ Пушкина. Пушкинъ, можно сказать, открылъ Радищева и для своихъ современниковъ и для русской литературы вообще. Чтобы оцѣнить заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, надо посмотрѣть прямыми глазами и на самого Пушкина, какъ писателя, и на открытаго имъ Радищева, отдѣливъ, въ сужденіяхъ Пушкина о Радищевѣ, существенныя, основныя черты отъ всего того, что навѣяно злобою дня.

Не встрѣчая имени Радищева ни въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, ни въ статьѣ Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ ни хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о *русской словесности* забыть *Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу:* я отъ тебя его не ожидалъ»[1]).

Но Пушкинъ не ограничился упреками и совѣтами. Онъ самъ извлекъ книгу Радищева изъ забвенія, на которое она была осуждена, и воспроизвелъ ее, отчасти при другомъ освѣщеніи, въ рядѣ живыхъ очерковъ, напоминающихъ опальнаго писателя временъ Екатерины. Пушкинъ оцѣнилъ въ Радищевѣ литературное чутье, выразившееся въ вѣрномъ выборѣ предметовъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ»

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Т. VII, стр. 162.

Пушкинъ говоритъ *о тѣхъ же самыхъ предметахъ*, которые въ такихъ яркихъ чертахъ изображены Радищевымъ въ его Путешествіи.

Статья Пушкина о Радищевѣ, предназначавшаяся для Современника, служитъ также своего рода доказательствомъ, что Пушкинъ признавалъ Радищева крупною литературною величиною, съ которою можно и должно считаться, и забывать о которомъ не слѣдуетъ занимающимся исторіею русской литературы. Многочисленныя и пространныя выписки изъ Путешествія Радищева, сдѣланныя Пушкинымъ и въ «Мысляхъ на дорогѣ» и въ статьѣ о Радищевѣ, свидѣтельствуютъ самымъ нагляднымъ образомъ о желаніи Пушкина познакомить современное ему общество съ произведеніемъ писателя, несправедливо преданнаго забвенію.

Указывая недостатки Радищева, какъ писателя, Пушкинъ выставляетъ и свѣтлыя стороны, и передъ вами является сочувственный образъ человѣка, совершенно чуждаго какихъ-либо разсчетовъ и неспособнаго мириться со зломъ, господствовавшимъ въ общественной жизни. При всей строгости своего приговора, Пушкинъ признаетъ въ Радищевѣ искренность, *честность* убѣжденій и *рыцарскую совѣстливость;* называетъ *замѣчательными* его *изученія* въ области русской литературы, и т. д. Въ основномъ содержаніи книги Радищева — въ изображеніи быта и несчастій крѣпостныхъ крестьянъ Пушкинъ видитъ сущую правду, и не только соглашается съ Радищевымъ во многихъ случаяхъ, но и подтверждаетъ его свидѣтельство своими личными наблюденіями. Приводимъ подлинныя слова Пушкина:

— «Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону..... Не можемъ не признать въ немъ преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическаго

фанатика, дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію» [1]).

Самопожертвованіе Радищева, искренняго и восторженнаго поборника свободы, производило сильное впечатлѣніе на поэтическую душу Пушкина. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ замѣчательный варіантъ въ стихотвореніи «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
Что *вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу*,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ окончательной редакціи третій стихъ читается такъ: «Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу» [2]).

— «Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: *Осьмнадцатое столѣтіе*, *Сафическія строфы*, басню или, вѣрнѣе, элегію: *Журавли*, — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ «Тверь» помѣщена его извѣстная ода *на вольность:* въ ней много сильныхъ стиховъ». —

—«Радищевъ, въ главѣ: «Черная Грязь», говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни. Неволя браковъ — давнее зло» и т. д.

Въ главѣ «Мѣдное» Пушкинъ, приведя изъ Путешествія выписку о продажѣ крестьянъ съ молотка (стр. 341—342), говоритъ: «Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 347—348.

[2]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235 и приложенное fac-simile рукописи «Памятника» Пушкина.

но *искреннихъ* мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ *соглашаюсь* поневолѣ».

—«Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству» и т. д.

— «Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами, и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную, и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній— корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца.... (Путешествіе, стр. 268—275). Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію. Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара».

Возражая Радищеву, Пушкинъ, въ пріемахъ своихъ, остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что происходитъ въ западной Европѣ. Судьбу русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ сравниваетъ съ горькою участью африканскихъ невольниковъ. Пушкинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное

варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ»... Соглашаясь съ Радищевымъ, что рекрутскій наборъ — самая тягчайшая изъ повинностей народа, Пушкинъ указываетъ на то, что не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, наборъ «влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи. Прусское landwehr возбуждаетъ ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи», и т. д. [1]).

Пушкину не нравились въ книгѣ Радищева ея «надутый, жеманный» слогъ и пестрая смѣсь скептицизма, филантропіи и цинизма, заимствованныхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Но подобные недостатки въ книгѣ Радищева замѣчаемы были даже самыми ревностными ея защитниками, желавшими выставить на видъ преимущественно ея достоинства, а отнюдь не ея слабыя стороны. При всемъ сочувствіи къ Радищеву и его произведенію, Искандеръ сдѣлалъ такую оговорку: «тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго романтизма — устарѣло для насъ» и т. п.

Въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ замѣтны довольно-ясные слѣды того непривычнаго положенія, въ которомъ находились наши писатели, когда имъ случалось говорить о вопросахъ общественныхъ. По тогдашнимъ условіямъ печати, весьма рѣдко поднимались въ ней подобные вопросы, а вслѣдствіе этого писатели, пользуясь представившимся случаемъ, высказывали тò, чтò накопилось у нихъ на душѣ, и дѣлали разнаго рода обобщенія. Къ числу подобныхъ обобщеній принадлежатъ и слѣдующія строки, обращенныя только по внѣшней формѣ лично къ Радищеву: «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 192—225.

своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?... Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна» и т. д. [1]) Пушкинъ совершенно правъ въ томъ отношеніи, что для умовъ серьезныхъ, для истинныхъ друзей человѣчества и свободы, нѣтъ ничего дороже «просто-полезнаго», и нѣтъ ничего противнѣе безцѣльнаго шума и соблазна. Но о Радищевѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ упорно избѣгалъ «просто-полезнаго» въ своей литературной и общественной дѣятельности. Упреки въ умышленномъ противодѣйствіи правительству едва ли справедливы по отношенію къ Радищеву. Напротивъ того, есть весьма вѣскія свидѣтельства, что онъ, и словомъ и дѣломъ, пытался оказать правительственной власти свое посильное содѣйствіе. Сохранилось извѣстіе, заимствованное, какъ утверждаютъ, изъ «совершенно-достовѣрнаго источника», о такого рода проектѣ Радищева. Сознавая необходимость въ строгомъ и неподкупномъ контролѣ за дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, потворствующихъ неправдѣ, Радищевъ «предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены были бы обязаны слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства» [2]). Самъ Радищевъ говорилъ, что если бы книга его вышла лѣтъ за десять или за пятнадцать до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы разсчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству [3]). Прямой отвѣтъ на вопросы, по-

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 352—353.
[2]) Библіографическія Записки. Томъ II, стр. 541—542.
[3]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая, стр. 425.

ставленные Пушкинымъ, находится въ книгѣ Радищева. Въ ней авторъ ясно и опредѣленно указываетъ, что величайшее благо, которое верховная власть можетъ сотворить, есть освобожденіе крестьянъ, и представляетъ весьма разумный и дѣльный способъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Не вина Радищева, если ни правительство, ни умные помѣщики не пожелали воспользоваться его указаніями. А что было чѣмъ воспользоваться, это признало само правительство, какъ только разсѣялся страхъ, навѣянный французскою революціею. По свидѣтельству Пушкина, императоръ Александръ обратилъ вниманіе на Радищева, какъ на *сочинителя Путешествія*, и замѣтивъ въ немъ отвращеніе отъ злоупотребленій и благонамѣренные виды, призвалъ его содѣйствовать правительству трудами своими въ законодательной комиссіи.

Статья о Радищевѣ предназначена была для журнала: «Современникъ». Предпринявъ повременное изданіе, Пушкинъ очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ отбиваться отъ нападеній и нареканій враждебной литературной партіи; съ другой стороны, ему надо было ограждать свое изданіе отъ придирокъ цензуры, черезчуръ зорко слѣдившей за «журнальными замыслами».

Выступивъ на поприще журналистики, и отстаивая за своимъ журналомъ право за существованіе, Пушкинъ вынужденъ былъ бороться противъ опасной монополіи. Во всякой борьбѣ неизбѣжна нѣкоторая доля страстности, и въ статьяхъ, хотя бы и о далекомъ прошломъ, но писанныхъ въ разгарѣ полемики, всегда отзывается, такъ или иначе, раздраженіе настоящей минуты. И внутренній смыслъ, и даже тонъ нападокъ на Радищева показываютъ, что не всѣ они направлены по его адресу, и что за Радищевымъ скрывается, въ иныхъ случаяхъ, другое лицо. Изъ-за Радищева, къ которому такъ часто обращалась мысль Пушкина, виднѣлись ему въ туманной дали ненавистныя черты Полеваго, уронившаго себя въ глазахъ Пушкина и загробною враждою къ Карамзину и журнальною дружбою къ Булгарину. Статья

о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи русскаго народа. Въ Радищевѣ — говоритъ Пушкинъ — отразилась вся французская философія его вѣка, взгляды Вольтера, Руссо, Дидро, Рейналя, но все «въ нескладномъ и искаженномъ видѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему» и т. д. Указанные Пушкинымъ признаки полупросвѣщенія только примѣнены къ Радищеву, а списаны они съ другаго, болѣе современнаго образца. Отзывы Пушкина о Полевомъ въ такомъ родѣ: «Г. Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Онъ очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри. Въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою — первый признакъ ума просвѣщеннаго; позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г. Полевой — никакого» и т. д. [1]). При этомъ невольно вспоминаются слова другаго противника Полеваго, князя Вяземскаго: «Смѣшно, когда русскій историкъ передразниваетъ наобумъ, наугадъ понятія, соображенія и языкъ Гизо или Тьерра; когда онъ кроитъ нашу исторію по чужимъ вырѣзкамъ, привыкнувъ въ званіи своемъ журналиста одѣвать насъ по парижскимъ покроямъ» и т. д. [2]). Самъ Пушкинъ даетъ ключъ къ пониманію того взгляда на Радищева,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Томъ V, стр. 81, 95, 83, 116, 79, 80.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. 1879. Томъ II, стр. 164.

который сложился у нашего поэта подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній. Въ высшей степени замѣчательны слова, зачеркнутыя Пушкинымъ въ рукописи и относящіяся къ Радищеву: «отымите у него *честность*, въ остаткѣ будетъ Полевой» [1]).

При оцѣнкѣ статьи Пушкина, не слѣдуетъ забывать и о томъ обстоятельствѣ, что авторъ находился на ту пору подъ двойною, и, пожалуй, даже подъ тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать «въ его жестокій вѣкъ» статью о государственномъ преступникѣ, съ выписками изъ книги, за которую онъ приговоренъ къ смертной казни, Пушкину надо было какъ можно ярче выставить свое неодобреніе поступку Радищева, и отклонить всякое подозрѣніе въ своемъ политическомъ единомысліи съ человѣкомъ, въ которомъ онъ признавалъ и необыкновенную силу духа и рыцарскую совѣстливость. Пушкинъ предвидѣлъ затрудненія, угрожавшія ему со стороны цензуры, но не въ силахъ былъ отклонить ихъ. Цензура не пропустила статьи Пушкина, какъ онъ ни «перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ».

По разсмотрѣніи рукописи Пушкина, с.-петербургскій цензурный комитетъ препроводилъ ее, въ августѣ 1836 года, въ главное управленіе цензуры при слѣдующемъ представленіи:

— «Г. цензоръ Крыловъ донесъ с.-петербургскому цензурному комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія — Современникъ, подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, съ эпиграфомъ: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu». — Статья сія напоминаетъ о лицѣ и происшествіи временъ императрицы Екатерины II-й. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напитавшись, какъ и другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу, онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: *Поѣздка въ Москву*, и по повелѣнію императрицы былъ сосланъ въ Сибирь.

---

[1]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235.

Императоръ Павелъ I-й приказалъ его возвратить, а Александръ I-й соизволилъ и на принятіе въ службу, по комиссіи составленія законовъ. Не смотря на тò, Радищевъ повторилъ старыя идеи свои въ одномъ проектѣ, котораго составленіе было ему поручено съ высочайшаго повелѣнія. Графъ З. сдѣлалъ, по сему случаю, замѣчанія, и устрашенный Радищевъ отравилъ себя ядомъ. Жизнь Радищева политическая и литературная составляетъ содержаніе статьи, назначаемой для періодическаго изданія — Современникъ; въ ней предполагается помѣстить и два отрывка изъ его сочиненій: одинъ въ стихахъ, заимствованный изъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1807 году, съ позволенія правительства; другой въ прозѣ, подъ заглавіемъ: *Клинъ*, взятъ изъ упомянутой *Поѣздки въ Москву*, но въ отдѣльности не заключаетъ однакожъ мыслей, не позволительныхъ по правиламъ цензуры. Не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній *о такомъ лицѣ и произшествіи, которому, въ наше время, есть еще многіе современники*, г. цензоръ представилъ статью сію на разрѣшеніе комитета. Комитетъ, по уваженію причинъ, затруднявшихъ г. цензора Крылова одобрить статью о Радищевѣ къ напечатанію, призналъ себя не въ правѣ пропустить ее безъ разрѣшенія высшаго начальства.

Вслѣдствіе сего имѣю честь представить оную на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры». —

Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, написалъ на представленіи цензурнаго комитета: «Статья (сама?) по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія» [1]).

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи главнаго управленія цензуры. 1836 года. № $^{72}/_{1081}$. Представленіе цензурнаго комитета 24 августа 1836 г. Отвѣтъ министра 26 августа 1836 г.

Въ 1840 году, когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру, и на этотъ разъ уже непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Тотъ же министръ, С. С. Уваровъ, писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа: «Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, предполагаемую въ третій томъ *Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти*. По разсмотрѣніи этой статьи, я нахожу, что она *по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ* къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея» [1]).

Только въ 1857 году, слѣдовательно спустя болѣе двадцати лѣтъ по написаніи, появилась наконецъ въ печати статья Пушкина: *Александръ Радищевъ*. Она помѣщена въ седьмомъ, дополнительномъ, томѣ *Сочиненій Пушкина*, изданныхъ П. В. Анненковымъ.

Разсмотрѣніе статьи Пушкина, какъ и всего дополнительнаго тома его сочиненій, поручено было одному изъ первостепенныхъ писателей нашихъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и по силѣ своего таланта и по своей образованности и благородному образу мыслей,—Ивану Александровичу Гончарову. Такое порученіе дано было И. А. Гончарову вслѣдствіе его служебнаго положенія: онъ занималъ въ то время должность цензора. Въ донесеніи своемъ цензурному комитету И. А. Гончаровъ говоритъ:

«Въ статьѣ *Александръ Радищевъ* (стр. 67 по 97) представляется полный очеркъ извѣстнаго вольнодумца временъ Екатерины II, автора книги: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, за которую онъ былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ возвращенъ.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1840 года. № 50. Отношеніе министра попечителю, 9 марта 1840 года.

Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе, лица, — все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности, и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историку нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ» и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмаго тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: «Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и — что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить исключеніе противу другихъ писателей, я полагалъ бы испросить разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на одобреніе седьмаго тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*».

Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому, говорится слѣдующее:

«При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются, въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

а) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастіе быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензура къ таковымъ сочиненіямъ должна относиться *снисходительнѣе*, чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе тò, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя,

комедія Грибоѣдова, удостоились быть напечатанными съ монаршаго соизволенія и одобренія, тогда какъ обыкновенная цензура не рѣшалась дозволить ихъ къ напечатанію.

b) Такъ какъ въ этой рукописи находятся пьесы, представляющія какъ-бы нѣкоторыя цензурныя сомнѣнія, и пьесы, до сихъ поръ ни разу еще не напечатанныя, содержаніе которыхъ отчасти выходитъ изъ уровня обыкновенно дозволяемыхъ къ печати сочиненій, то, въ подобномъ случаѣ, неизлишне соображаться и съ тою мыслію, что произведенія, сохраняемыя какъ-бы въ тайнѣ, пользуются своего рода привлекательностію и обожаніемъ, съ жадностію переписываются, останавливаютъ на себѣ гораздо большее вниманіе, и возбуждаютъ толки; между тѣмъ какъ эти же произведенія, явившись въ печати, дѣлаются обыкновенными, лишаются прежняго вниманія, и какъ-бы профанируются печатью.

c) Замѣчено, что сочиненія великаго національнаго писателя, долгое время не являвшіяся въ печати, и дозволенныя къ ней правительствомъ, пріобрѣтаютъ къ нему еще большую искреннюю любовь всѣхъ и каждаго. Кромѣ того, изъ читающей публики, самый строгій и придирчивый, въ цензурномъ отношеніи, ригористъ, читая подобныя произведенія любимаго поэта, составляющаго національную славу, какъ-бы подкупленный сердцемъ и патріотическимъ чувствомъ, не можетъ видѣть ничего хоть сколько-нибудь предосудительнаго въ дозволенныхъ къ изданію посмертныхъ твореніяхъ поэта.

d) Въ пьесахъ этой рукописи, даже въ самой большей степени представляющихъ цензурныя сомнѣнія и затрудненія, нѣтъ новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ, идей для мыслящаго и стоящаго на высшей ступени образованности читателя, а для большинства читающей публики *содержаніе ихъ чуждо*, не остановитъ на себѣ ея вниманія, и не возбудитъ никакихъ толковъ,—а это-то большинство и должна брать цензура въ соображеніе.

e) Всякая пьеса великаго національнаго поэта и даже, нѣкоторымъ образомъ, всякая строка его составляютъ какъ бы ду-

ховный капиталъ народа и государства, и служатъ къ объясненію и къ большему уразумѣнію личности великаго поэта, такъ дорогаго сердцу каждаго русскаго,—что необходимо взять цензурѣ въ соображеніе»[1]).

Статья Пушкина о Радищевѣ, впервые появившаяся въ печати, произвела большое впечатлѣніе. Она возбудила интересъ къ Радищеву, къ его судьбѣ, къ его литературной и общественной дѣятельности. Съ легкой руки Пушкина, начали появляться, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, статьи и замѣтки о жизни и сочиненіяхъ Радищева. Въ литературныхъ кругахъ заговорили объ изданіи сочиненій Радищева, и преимущественно его Путешествія и т. д.

Первое изданіе Путешествія напечатано самимъ Радищевымъ, въ его домовой типографіи, подъ такимъ заглавіемъ:

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй».
Тилемахида. Томъ II. Кн. XVIII, стн. 514.

1790.

Въ Санктпетербургѣ.

На послѣдней, 453-й, страницѣ книги, внизу напечатано: «Съ дозволенія Управы Благочинія».

Любопытно, что книгу Радищева набирали и печатали крѣ-

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1857 года. № 98. — Донесеніе И. А. Гончарова, 6 апрѣля 1857 года. — Докладная записка Н. Ѳ. Щербины, 23 мая 1857 года.

постные крестьяне автора и таможенные надсмотрщики, служившіе у него подъ начальствомъ.

Такъ какъ судъ постановилъ истребить книгу Радищева, и ее разыскивали и отбирали, то уцѣлѣвшіе экземпляры сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Пушкина о Радищевѣ появилось второе изданіе Путешествія. Оно напечатано въ Лондонѣ, въ 1858 году. Издатели нисколько не заботились о точномъ воспроизведеніи подлинника. Желая сдѣлать книгу удобочитаемою, они *подновляли* слогъ, сглаживали шероховатости, измѣняли порядокъ словъ, выпускали цѣлыя фразы, вмѣсто однихъ словъ ставили другія и т. п. Отъ подобныхъ перемѣнъ измѣняется иногда и самый смыслъ сказаннаго Радищевымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, наглядно знакомящихъ съ пріемами лондонскаго изданія Путешествія Радищева:

Первое изданіе, 1790 г.	Второе изданіе, 1858 г.
Дорогой мой затюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. *Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ*, но уже поздо. *Сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямитъ. — Плачь, мой любезный зять, плачь. Мать наша*, слѣдуя плачевной и *смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ*, уготовала *за многія лѣта* тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе.. (стр. 214).	Дорогой мой затюшко ходитъ повѣся носъ. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, *всѣ кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ;* но уже поздно. *Криво сросшихся твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять! Плачь мать наша*, слѣдуя плачевной *модѣ, ознаменованной смертью разрѣшающихся отъ бремени женъ;* она уготовала тебѣ *на многія лѣта* печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложеніе.... (стр. 212).
Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго	Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго

состоянія, въ которомъ *оное* нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя *до высочайшія совершенства степени*, до коей человѣку *достигнути* дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *вольно распростирая* свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и *надежнымъ нынѣ сталъ стражею* общественныхъ законоположеній; подъ державнымъ его покровомъ, *свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко Всевышнему Творцу возсылаемыхъ*;—съ непзреченнымъ радованіемъ *сказати можетъ* (можемъ?), что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *сложеніе его* не на предразсудкахъ и *суевѣріяхъ* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ.... Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ, *отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховныя* власти, *яко* велѣнія нѣжныхъ родителей *къ своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *даже и* безхитростныя злодѣя-

состоянія, въ которомъ *оно* нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя *до высочайшей степени совершенства*, до коей человѣку *достигнуть* дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *распростирая свободно* свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и *сталъ нынѣ надежнымъ стражею* общественныхъ законоположеній, *и что* подъ державнымъ его покровомъ *сердце наше свободно возсылаетъ молитвы* ко Всевышнему Творцу: съ непзреченнымъ радованіемъ *сказать можемъ*, что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *оно* не на предразсудкахъ и *суевѣріи* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ.. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ *истребляютъ даже гражданскія несогласія*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховной* власти, *какъ* велѣнія нѣжныхъ родителей *своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *и* безхитростныя злодѣянія.... Звѣрскій обычай порабощать

нія... Звѣрскій обычай порабощать *себѣ подобнаго* человѣка, знаменующій *сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное*, простерся *на лицѣ земли* быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *невѣжества мракомъ*, воспріяли *обычай сей*, и ко стыду нашему, *ко стыду прошедихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія*, сохранили его нерушимо даже до сего дня... (стр. 236—239).

подобнаго себѣ человѣка, знаменующій *окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе души*, простерся *по лицу земли* быстротечно, широко и далеко; и мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *мракомъ невѣжества*, воспріяли *сей обычай;* и къ стыду нашему, *къ стыду сего времени*, сохраняли его нерушимо даже до сего дня.... (стр. 222—223).

Правильныя черты лица *его знаменовали души его спокойствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *безмятежнаго* удовольствія, *незлобіемъ раждаемаго*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прельщающими*. Взоры его, когда *я вошелъ* въ ту комнату, гдѣ *онъ сидѣлъ, были устремлены* на двухъ *его сыновей*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица *незыбки*, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 157—158).

Правильныя черты лица *показывали душевное его спокойствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *кроткаго* удовольствія, *раждаемаго незлобіемъ*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прелестными*. Взоры его, когда *вошелъ я* въ ту комнату, гдѣ *сидѣлъ онъ, устремлены были* на двухъ *сыновей его*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ.... (стр. 184).

Пріявъ васъ *даже* отъ чрева матерня *въ объятія мои*, не вос-

Пріявъ васъ отъ чрева матерня *въ свои объятія*, не восхо-

хотѣлъ николи, чтобы кто-либо былъ *рачителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, *и* никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моея* горячности бдѣло надъ вами *денноночно*, да не приближится васъ оскорбленіе, и блаженъ *нарицаюся*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же *признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ, предпріемлемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мое* услажденіе. Итакъ, *изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею.* Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хощу искати* твердости союза нашего. Онъ *оснуется* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если его въ забвеніи оставите!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителю союза *нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности*

тѣлъ николи, что былъ кто *родителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась тѣлеси вашего; никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моей* горячности бдѣло надъ вами *денноношно*, да не приближится васъ оскорбленіе; и блаженъ *нарицается*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или *хотя слабое признаніе мною для васъ сдѣланнаго. Предпринимаемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мнѣ* услажденіе. Итакъ, *не думайте, что вы подъ властію моею.* Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хочу искать* твердости союза нашего. Онъ *основанъ будетъ* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если вы его забудете!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза *дружбы нашей, будетъ терзать его въ сокровенности*, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы не*

его, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы мнѣ ничѣмъ не должны*. Воззрите на меня, *яко* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *наивеличайшемъ на земли* благоденствіи. Если же оно *безъ ощущенія пребудетъ, да забвени будемъ другъ-друга, якоже намъ не родитися*.... (стр. 160—161).

должны мнѣ ничѣмъ. Воззрите на меня, *какъ* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ощутитъ нѣжную ко мнѣ наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *величайшемъ на землѣ* благоденствіи. Если же оно *не почувствуетъ ничего, то забудемъ другъ-друга, какъ будто мы не родились*..... (стр. 185—186).

Различіе между подлинникомъ Радищева и лондонскимъ изданіемъ послужило отчасти причиною того разногласія, которое встрѣчается въ отзывахъ о предметѣ, самомъ, повидимому, безспорномъ. Одни находятъ, что слогъ Радищева утомителенъ по своей напыщенности, по длиннотѣ періодовъ и *по изобилію устарѣлыхъ словъ и оборотовъ*. Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что книга Радищева написана слогомъ довольно живымъ, который *даже и для нашего времени весьма мало устарѣлъ*, особенно если сравнить книгу Радищева съ другими произведеніями нашей литературы прошлаго столѣтія. Такое противорѣчіе объясняется всего проще тѣмъ, что одни читали книгу Радищева въ подлинникѣ, а другіе — въ ея лондонской передѣлкѣ.

Третье изданіе Путешествія, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Радищева, предпринимаемо было въ 1860 году, въ Россіи, а не заграницей. 9 августа 1860 года, сынъ автора Путешествія, Павелъ Александровичъ Радищевъ, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ:

— Всемилостивѣйшій Государь!

Родитель мой, Александръ Николаевичъ Радищевъ, оставилъ послѣ себя сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наслѣдниками, въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, но въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, были истреблены пожаромъ, и мы не могли воспользоваться ихъ изданіемъ, и съ тѣхъ поръ они не были перепечатаны.

Книга его: *Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву*, въ 1790 году напечатанная, и подвергшаяся запрещенію, нынѣ напечатана заграницею, и, съ распространеніемъ русскаго языка, пользуется европейскою извѣстностію, какъ произведеніе русскаго, предупредившаго свой вѣкъ, и котораго главныя идеи впослѣдствіи осуществились. Многіе изъ нея отрывки и цѣлая глава *Клинъ* уже появились въ Россіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но все это сочиненіе, высоко цѣнимое, до сихъ поръ не имѣетъ права гражданственности въ отечествѣ автора.

Всемилостивѣйшій Государь! Осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество о разрѣшеніи цензурному комитету принять отъ меня къ разсмотрѣнію означенное *Путешествіе*, и что̀ онъ найдетъ не противнымъ даннымъ ему правиламъ, дозволить мнѣ напечатать. И какъ всѣ эти сочиненія еще въ продажѣ не были, мнѣ, какъ единственному законному наслѣднику Радищева, благоволите даровать на нихъ привилегію на двадцать пять лѣтъ.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Павелъ Радищевъ. —

Прошеніе Радищева было препровождено въ главное управленіе цензуры. Узнавши о томъ, что цензурное вѣдомство встрѣчаетъ препятствія къ напечатанію Путешествія, П. А. Радищевъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Пет-

ровичу Ковалевскому, 24 ноября 1860 года: «Прошеніе мое состоитъ не въ томъ именно, чтобъ позволить напечатать эту книгу, а чтобъ это дозволеніе дать только на тѣ статьи *въ представленной мною съ сокращеніями копіи съ этой книги*, которыя будутъ цензурою найдены позволительными, каковы, какъ я полагаю, кромѣ напечатанной неоднократно *Книгъ*, статьи: *Едрово*, *Крестцы*, *Выѣздъ*, *Посвященіе* сочинителя, *Валдай*, *Слово о Ломоносовѣ*. Статьи: *Любани*, *Зайцово*, *Вышній Волочекъ*, *Хотиловъ*, *Мѣдное*, *Городня*, *Пешки*, *Черная Грязь*, относятся къ быту крестьянскому — современному вопросу, о которомъ было такъ много писано въ журналахъ и особыхъ сочиненіяхъ. Статья *Мѣдное* была напечатана, почти вся, въ 1858 или 1859 году, въ одномъ журналѣ. Благоволите обратить вниманіе на эти статьи, особливо на семь первыхъ, и, по крайней мѣрѣ въ видѣ отрывковъ, дозволить представить въ цензуру для присоединенія къ прочимъ сочиненіямъ А. Радищева».

Главное управленіе цензуры признало несвоевременнымъ изданіе въ свѣтъ Путешествія Радищева.

Въ 1865 году тотъ же сынъ Радищева ходатайствовалъ о напечатаніи Путешествія, и также безуспѣшно. Онъ представилъ и біографію Александра Николаевича Радищева, не обозначивъ имени ея автора; но, по ея восторженному тону, полагали тогда, что авторомъ ея былъ не кто другой, а самъ сынъ Радищева, представившій ее въ цензуру. Въ біографіи были изложены разныя подробности слѣдствія, суда, ссылки и помилованія Радищева. Хотя, по существовавшимъ тогда постановленіямъ о печати, Радищевъ могъ напечатать сочиненія своего отца и безъ предварительной цензуры, но онъ очевидно желалъ заручиться дозволеніемъ со стороны цензурнаго вѣдомства. Главное управленіе по дѣламъ печати не взяло однакоже на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что надъ книгою Радищева тяготѣло запрещеніе уголовнаго суда, утвержденное верховною властію.

Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шигинъ напеча-

талъ, подъ именемъ Путешествія, не подлинный текстъ Путешествія, а извлеченіе изъ него, съ большими пропусками. Обращаясь въ цензурный комитетъ, Шигинъ заявилъ, что имъ «*тщательно исключено* изъ книги Радищева все, что̀ было въ противорѣчіи съ цензурными установленіями», и на этомъ основаніи просилъ ходатайствовать о выпускѣ его изданія въ свѣтъ. Главное управленіе по дѣламъ печати, не видя достаточнаго повода испрашивать высочайшаго разрѣшенія для плохой книгопродавческой спекуляціи, признало вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливымъ ходатайствовать вообще о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только дало движеніе этому ходатайству, но и усилило его новыми доводами съ своей стороны. При снятіи запрещенія принято было во вниманіе, что книга Радищева представляетъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ карамзинской литературы и служитъ интереснымъ памятникомъ языка и понятій того времени; что новое изданіе этого сочиненія, составляющаго библіографическую рѣдкость, было бы не безполезно для исторіи отечественной литературы; что Радищевъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, совершенно прямо указавшій на страшную тягость крѣпостнаго права, и т. д.

22 марта 1868 года послѣдовало высочайшее соизволеніе о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Государь императоръ повелѣлъ: «запрещеніе, наложенное, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года, на сочиненіе Радищева подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати» [1]).

---

[1]) Вслѣдствіе указа о снятіи запрещенія съ книги Радищева, выпущено было, въ 1868 году, въ свѣтъ и изданіе купца Шигина, подъ названіемъ: «Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Къ изданію Шигина приложена статья: «Александръ Николаевичъ Радищевъ». Статья эта есть компиляція изъ біографическаго очерка, составленнаго

Въ 1869 году появилось въ газетахъ (С. Петербургск. Вѣдом. № 291) извѣстіе, что *печатаются* и въ концѣ этого года выйдутъ въ свѣтъ сочиненія Радищева, всѣ какія остались, со включеніемъ полнаго текста Путешествія по изданію 1790 года, подъ редакціею П. А. Ефремова, съ приложеніемъ статьи А. Н. Пыпина. Газетные слухи оказались невѣрными: въ 1869 году не появилось объявленнаго изданія. Сочиненія Радищева дѣйствительно напечатаны, и въ числѣ ихъ и Путешествіе по подлинному тексту 1790 года, съ небольшими пропусками, подъ редакціею П. А. Ефремова, но не въ 1869, а въ 1872 году, и безъ статьи А. Н. Пыпина, который вовсе и не писалъ статьи о Радищевѣ для этого изданія.

Помѣщенный въ напечатанныхъ въ 1872 году Сочиненіяхъ Радищева текстъ Путешествія долженъ считаться *третьимъ* изданіемъ Путешествія. Въ 1872 году напечатаны, въ двухъ томахъ: «Сочиненія Александра Николаевича Радищева. Съ портретомъ автора и статьею о жизни и сочиненіяхъ Радищева А. П. Пятковскаго. Редакція изданія П. А. Ефремова». Хотя въ заглавіи и упоминается о статьѣ А. П. Пятковскаго, но въ дѣйствительности она не только не напечатана, но не была еще и написана, когда изданіе подверглось запрещенію. Изданіе это въ свѣтъ не выходило: оно уничтожено въ 1873 году.

П. А. Радищевымъ и помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 года, и изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ, въ 1865 году, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей. Авторомъ этой компиляціи нѣкоторые считаютъ младшаго сына Радищева, Павла Александровича. Академикъ Я. К. Гротъ, хорошо знавшій П. А. Радищева, говоритъ: «Въ 1868 году Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ» и т. д. (Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII, стр. 693).

Что̀ сталось съ біографіею, которую П. А. Радищевъ представлялъ въ цензурное вѣдомство въ 1865 году? Есть ли связь сокращеннаго текста Путешествія, изданнаго въ 1868 году, съ тѣми *сокращеніями*, о которыхъ П. А. Радищевъ говорилъ въ 1860 году, въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія? Вотъ вопросы для библіографовъ.

Въ 1876 году вышло въ Лейпцигѣ «Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву, А. Радищева» (Международная Библіотека. Томъ XVII). Лейпцигское изданіе есть точный снимокъ, дословная перепечатка лондонскаго изданія. Вслѣдствіе этого въ лейпцигскомъ изданіи, какъ и въ лондонскомъ, встрѣчается безчисленное множество разнаго рода уклоненій отъ подлинника, какъ напримѣръ:

Первое изданіе, 1790 г.	Лейпцигское изданіе, 1876 г.
Возможно ли, чтобы были столь безумные *судіи*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. *Уподроблю все произшествіе*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невинность* страждущаго (стр. 58—59).	Возможно ли, чтобъ были столь безумные *суды*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я напишу жалобницу въ вышнее правительство. *Я изображу всѣ произшествія*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невинно* страждущаго (стр. 37).
Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *мыслями чуждыми*.	Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *чужими мыслями*.
Съ тѣхъ поръ, какъ *начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой* вамъ стезѣ.	Съ тѣхъ поръ, какъ *начали вы ощущать силы своего разума, шествуете сами къ открытой* вамъ стезѣ.
Доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи.	*Пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали.*
Тѣ, чтѣ бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.	*Тѣ, чтѣ узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны*, было бы въ васъ предразсудокъ.
Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ (стр. 171—172), и т. д.	*Когда жъ увидѣлъ, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ* (стр. 95), и т. д.

Не только проза Радищева, но и стихи, приводимые въ его Путешествіи, подверглись передѣлкамъ и *подновленіямъ* въ заграничныхъ изданіяхъ, лондонскомъ и лейпцигскомъ.

Первое изданіе, 1790 г. (стр. 356 и слѣд.)	Лейпцигское, 1876 г. (стр. 188 и слѣд.)
Въ срединѣ злачныя долины,	Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тяченныхъ жатвой нивъ,	*Средь отяченныхъ* жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины	Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ,	*Подъ мирной сѣнію оливъ,*
Пароска *мармора* бѣлѣе,	Паросска *мрамора* бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,	*Лучей яснѣйша дня свѣтлѣе,*
Стоитъ прозрачный всюду храмъ...	Стоитъ прозрачный всюду храмъ...
Воззримъ мы *въ области* обширны...	*Воззримъ на области* обширны...
Кровавымъ потомъ доставая	Кровавымъ потомъ доставая
Плодъ, кой я въ пищу насадилъ....	*Тотъ плодъ, кой въ пищу насадилъ....*

Стихъ: «Во свѣтъ рабства тьму претвори» измѣненъ такимъ образомъ: «Во свѣтъ тьму рабства претвори», несмотря на то, что самъ Радищевъ поясняетъ, что съ умысломъ помѣщенъ не какой-либо другой, а именно этотъ стихъ: «*Во свѣтъ рабства тьму претвори*». Радищевъ говоритъ: «Сію строфу обвиняли за стихъ: *Во свѣтъ рабства тьму претвори;* онъ очень тугъ, и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы *т*, и ради соитія согласныхъ буквъ: *бства, тьму, прет*. Иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя *въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самого дѣйствія*».

Главными источниками свѣдѣній о жизни, а отчасти также и о литературной дѣятельности, Александра Николаевича Радищева служили и служатъ два біографическіе очерка, составленные людьми самыми близкими къ Радищеву — сыновьями его, бывшими при немъ въ самой ранней своей молодости.

Старшій сынъ автора Путешествія, Николай Александровичъ Радищевъ, началъ свою службу въ гвардіи, въ измайловскомъ полку; въ 1783 году произведенъ сержантомъ и выпущенъ въ армію подпоручикомъ въ малороссійскій гренадерскій полкъ. Въ 1797 году уволенъ, по прошенію, отъ службы. Въ 1801 году опредѣленъ въ комиссію о коронаціи, а въ 1802 году — въ комиссію о составленіи законовъ. Въ 1803 году онъ перешелъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ занималъ должность архиваріуса. Въ исходѣ 1806 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ службы съ тѣмъ, чтобы поступить въ милицію, желая «раздѣлять предлежащіе труды и жертвы, которыя понесетъ дворянство калужской губерніи при образованіи милиціи и служеніи въ оной» [1]). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій говоритъ о Ник. Ал. Радищевѣ: «Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельскохозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ кузнецкомъ уѣздѣ». Изъ литературныхъ трудовъ Радищева извѣстны: Алеша Поповичь и Чурила Пленковичь — «богатырскія пѣснотворенія»; переводы романовъ Августа Лафонтена: Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна; Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе, и др.

Въ бумагахъ покойнаго князя П. А. Вяземскаго хранилась

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 196. Дѣла № 8633.

собственноручная записка Николая Александровича Радищева: *О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева.* Князь Вяземскій отмѣтилъ на ней: «Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями». Рукописью Радищева, находившеюся у князя Вяземскаго, воспользовался Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли. Статья о Радищевѣ, помѣщенная въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, представляетъ дословное извлеченіе изъ статьи Н. А. Радищева, изъ которой заимствованы не только свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Николаевича Радищева, но и отзывы о его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ: «слогъ Радищева устарѣлъ, но замѣчательна смѣлость мыслей, чистая и глубокая философія» и т. п.[1]). Записка, составленная Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ, до сихъ поръ остается самымъ цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ и необходимымъ пособіемъ для литературныхъ изслѣдованій о Радищевѣ-отцѣ. Только въ 1872 году появилась въ печати записка Н. А. Радищева. Она помѣщена въ Русской Старинѣ (1872 г., ноябрь, стр. 573—581) Н. П. Барсуковымъ, занимавшимся тогда разборомъ бумагъ архива князя П. А. Вяземскаго.

Меньшой сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, получилъ образованіе въ морскомъ корпусѣ, откуда и выпущенъ во флотъ мичманомъ. Прослужа около трехъ лѣтъ во флотѣ, вышелъ въ отставку, и вскорѣ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Но и тамъ оставался недолго, не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1807 году уволенъ отъ службы за болѣзнію[2]). Въ 1812 году поступилъ въ московское ополченіе. Впослѣдствіи, онъ не разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе; въ сороковыхъ годахъ онъ жилъ на югѣ, въ Таганрогѣ; въ шестидесятыхъ —

---

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Дмитріемъ Бантышъ-Каменскимъ. 1836. Часть IV, стр. 258—264.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 197. Дѣла № 8794.

въ Петербургѣ, и т. д. Много натерпѣлся онъ на своемъ долгомъ вѣку.

Все тò, чтò Павелъ Александровичъ Радищевъ «*вспомнилъ* изъ своего грустнаго давно-минувшаго и *записалъ самъ*» передано въ статьѣ его: *Александръ Николаевичъ Радищевъ*, помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858 г. декабрь, книжка первая, стр. 395—432). Статью свою П. А. Радищевъ писалъ единственно по воспоминаніямъ, и притомъ уже въ глубокой старости. Въ разсказѣ его есть неточности; нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ извѣстій требуютъ повѣрки; въ изложеніи нѣтъ той объективности, которая замѣтна въ очеркѣ старшаго сына Радищева; мѣстами черты давно-минувшаго сливаются съ проблесками настроенія, господствовавшаго въ ту пору, когда П. А. Радищевъ писалъ свои воспоминанія. Ему пришлось разсказывать по старой памяти, какъ по грамотѣ. У него не было подъ руками ни мемуаровъ, ни писемъ, ни другихъ какихъ-либо достовѣрныхъ источниковъ. Бумаги Радищева-отца исчезли какъ-то вдругъ и совершенно безслѣдно. Пропалъ и «проектъ уложенія»; пропали и «многія важныя и забавныя творенія»; пропала и «пространная и занимательная» переписка съ А. М. Кутузовымъ, которая могла бы составить «важную книгу» и т. д.

Статья П. А. Радищева находится въ непосредственной связи со статьею Пушкина. Многія подробности заимствованы П. А. Радищевымъ у Пушкина. По свидѣтельству А. Корсунова, самая мысль о составленіи біографическаго очерка А. Н. Радищева возникла «при чтеніи, въ одной литературной бесѣдѣ, *статьи Пушкина: Радищевъ*». Мысль эта сообщена была П. А. Радищеву, который и привелъ ее въ исполненіе.

Вліяніе статьи Пушкина отразилось, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, въ значительной части всего того, чтò писалось впослѣдствіи о Радищевѣ.

При самомъ появленіи статьи Пушкина въ печати, издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея значеніе: «Статья *Александръ Радищевъ* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ незадолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками, Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ *закона*, — и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи» [1]).

Четверть вѣка прошло со времени появленія статьи Пушкина и отзыва о ней, и почтенный издатель ея, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ литературѣ, не измѣнилъ своего взгляда, какъ можно заключить изъ статьи его: *Общественные идеалы А. С. Пушкина.* Разъясняя политическіе и общественные идеалы поэта, П. В. Анненковъ видитъ въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ отраженіе тѣхъ началъ, которыя намѣчены «въ безсмертныхъ словахъ» друга Пушкина, обращенныхъ къ наслѣднику престола: «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и т. д. Близкое знакомство съ литературною дѣятельностью Пушкина, чуткаго къ вопросамъ общественной жизни, привело П. В. Анненкова къ такому заключенію: «Пушкинъ былъ примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всею душою постоянно желалъ для своей родины умно-

---

[1]) Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II, стр. 3—4.

женія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи»[1]).

Иначе взглянулъ на статью Пушкина, какъ и слѣдовало ожидать, лондонскій издатель Путешествія. Онъ говоритъ, что статья не дѣлаетъ особенной чести поэту, и лучше бы ея не печатать, но тутъ же прибавляетъ оговорку, что поэтъ чуть ли не перехитрилъ ея изъ цензурныхъ видовъ. Что касается книги Радищева, то въ ней всего сочувственнѣе были для лондонскаго издателя протестъ противъ крѣпостнаго права и юморъ; но его отталкивала устарѣлая для насъ риторическая форма и филантропическая философія; онъ находитъ, что идеалы Радищева такъже высоко на небѣ, какъ идеалы князя Щербатова—глубоко въ могилѣ, и т. д.

Два противоположные взгляда, высказанные двумя глубокими почитателями Пушкина, обнаруживаются, болѣе или менѣе ясно, и въ другихъ статьяхъ и отзывахъ о Радищевѣ, появлявшихся отъ времени до времени въ нашей литературѣ. Въ иныхъ изъ этихъ статей и отзывовъ слышится злоба дня, и Радищевъ выставляется въ томъ или другомъ свѣтѣ, съ тѣми или другими оттѣнками, смотря по господствовавшему тогда настроенію. Подобные статьи и взгляды не прибавляютъ ничего существеннаго для характеристики Радищева, но въ совокупности своей могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для исторіи нашихъ литературныхъ идей вообще. Въ отношеніи же собственно къ Радищеву, для справедливой и серьезной оцѣнки его, какъ писателя, несравненно важнѣе такія статьи и изданія, въ которыхъ заключаются или новые матеріалы или дѣльныя соображенія о кругѣ его литературной дѣятельности, объ участіи его въ повременныхъ изданіяхъ, о связи его Путешествія съ другими произведеніями современной ему литературы, и т. п.

Весьма важные матеріалы обнародованы въ «Архивѣ князя Воронцова», какъ напримѣръ: разборъ сочиненія Радищева, на-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1880. Іюнь, стр. 624, 637 и др.

писанный императрицею Екатериною; повинная Радищева; отвѣты его на вопросные пункты, предложенные при слѣдствіи, и т. д. [1]).

Вопросъ о Радищевѣ настолько уже выяснился въ нашей литературѣ, что историку ея представлялась полная возможность взвѣсить относительную цѣнность различныхъ мнѣній, подвести имъ итогъ, и повѣрить ими свой собственный взглядъ, добытый путемъ самостоятельнаго изученія предмета. Подобный трудъ принялъ на себя почтенный авторъ «Исторіи русской словесности, древней и новой» А. Д. Галаховъ. Добросовѣстный изслѣдователь русской литературы восемнадцатаго столѣтія, крайне осторожный въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ, А. Д. Галаховъ посвящаетъ, въ своей исторіи словесности, нѣсколько страницъ Радищеву и его книгѣ, въ которой указываетъ какъ достоинства, такъ и недостатки. При всей строгости отзыва Пушкина, А. Д. Галаховъ признаетъ невозможнымъ не согласиться съ нимъ безпристрастному историку, и приводитъ довольно пространную выписку изъ статьи Пушкина о Радищевѣ. По замѣчанію А. Д. Галахова, Радищевъ подражалъ многимъ авторамъ, но въ этой подражательности не пристроился ни къ одной системѣ; въ книгѣ его — смѣшеніе доктринъ, или, скорѣе, вычитанныхъ мыслей разнаго значенія и характера; онъ думалъ только о выраженіи того, что вычиталъ изъ книгъ, не принимая въ соображеніе строя жизни, выработаннаго исторіей, которую ни сломишь ни разсужденіями, какъ бы они ни были справедливы, ни заявленіемъ желаній, какъ бы они ни были благонамѣренны». Главная и неотрицаемая заслуга Радищева заключается въ слѣдующемъ: «Въ книгѣ своей Радищевъ указалъ — говоритъ А. Д. Галаховъ — темныя стороны современной ему дѣйстви-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга пятая, стр. 407—444.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1865. Книга третья. Смѣсь. А. Н. Радищевъ, стр. 67—106. — См. Русская Старина. 1882. Сентябрь стр. 522, примѣчаніе.

тельности, и предложилъ нѣсколько проектовъ, которые, по его мнѣнію, могли вести къ улучшенію неудовлетворительнаго общественнаго состоянія. Главный изъ этихъ проектовъ имѣетъ предметомъ отмѣну крѣпостнаго права. *Историкъ Россіи, безъ сомнѣнія, воздастъ справедливую похвалу филантропіи и гражданскому мужеству автора, который не только доказывалъ вредъ рабства въ нравственномъ отношеніи, но и предложилъ мѣры постепеннаго освобожденія крестьянъ.* Мысль Радищева получаетъ еще большую цѣнность, если припомнить, съ какою осторожностью подходилъ къ рѣшенію того же вопроса Руссо» и т. д. [1]).

Замѣтимъ, что приведенные отзывы принадлежатъ такому историку литературы, котораго никакъ нельзя заподозрить ни въ недостаточномъ знаніи своего предмета, ни въ равнодушіи къ «просвѣтительнымъ началамъ, дающимъ — говоря его же словами — ростъ и крѣпость общественному сознанію». Съ особенною полнотою и научнымъ достоинствомъ изслѣдованы А. Д. Галаховымъ памятники нашей литературы восемнадцатаго столѣтія, къ числу которыхъ относится и Путешествіе Радищева. Самый строгій и безпощадный судья Исторіи словесности А. Д. Галахова, признаетъ, что та часть ея, которая относится къ восемнадцатому и началу девятнадцатаго столѣтія «по широтѣ объема, по богатству содержанія, далеко оставляетъ за собою всѣ попытки составить учебное руководство по исторіи русской литературы. Эта обширнѣйшая по объему часть имѣетъ всѣ права на титулъ самостоятельнаго изслѣдованія. Особенную цѣнность придаютъ сочиненію г. Галахова тѣ горячія симпатіи автора успѣхамъ русской литературы и просвѣщенія, которыми проникнута книга, и которыя сообщаются читателю; въ повѣствователѣ минувшихъ судебъ русской словесности чувствуется

---

[1]) Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе. 1880. Томъ I. Отдѣлъ 2, стр. 273—276.

Исторія русской словесности, А. Галахова. 1868. Томъ II. Первая половина. Дополненія и поправки, стр. V—VII.

писатель съ образованнымъ вкусомъ, воспитанный благородными преданіями нашей литературной критики»[1]).

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ Радищеву, А. Д. Галаховъ исполнилъ тò, чтò было указано знаменитымъ ученымъ своего времени, митрополитомъ Евгеніемъ, истиннымъ основателемъ исторіи русской литературы, какъ науки. Митрополитъ Евгеній внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ *писателей*. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, *какъ авторъ Путешествія*, можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литературы.

Мы не перечисляемъ всѣхъ статей и замѣтокъ о Радищевѣ, появлявшихся въ нашей литературѣ, и не входимъ въ оцѣнку ихъ относительнаго достоинства, предоставляя это будущимъ издателямъ сочиненій Радищева.

Весьма желательно, чтобы скорѣе появилось такое изданіе его сочиненій, которое удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ, будучи дѣйствительно полнымъ, и воспроизводя подлинникъ со всевозможною точностью, безъ всякихъ подновленій и передѣлокъ. Неполнота и несовершенство матеріала, подлежащаго изслѣдованію, всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, какъ на ходѣ научныхъ работъ, такъ и на выводахъ и объясненіяхъ изслѣдователей.

---

[1]) Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1878. Рецензія профессора Н. С. Тихонравова, стр. 135—136.

3 2044 015 591 431

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
MAY 2 0 2005
BOOK DUE
CANCELLED

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.